

ПРОГУЛКИ ПО КИТАЮ

litmy.ru

Мечтаете постоять на Великой китайской равнине?
Проплыть по Янцзы? Узнать страну?

В Китае стоит побывать во многих местах, городах, а также сельской местности. Но советую побывать все-таки в не слишком многих. Иначе запутаетесь, потеряете остроту восприятия и ощущений. Благо последовать этому моему совету достаточно легко.

Здесь вообще так: живешь в каком-то городе, вроде много о нем знаешь. Но — свернул с привычного маршрута за угол, и вдруг та-а-кое открывается, что дух захватывает.

Следуйте своему сердцу.

Начнем с середины, как это принято в Китае.

Сердце Китая

Стратег древности Сунь-цзы / *Sunzi* в прославленном трактате «Искусство войны», кстати говоря, одной из самых печатаемых книг в мире наряду с Библией, заметил: «De Zhongyuan zhe, de Tianxia». И без перевода понятно: «Кто владеет Центральной равниной, тот владеет Поднебесной».

Центральная равнина — это среднее и нижнее течение Хуанхэ. Здесь зародилась китайская цивилизация, пятитысячелетняя культура, продолжающаяся и ныне. По течению реки в центральной части страны были основаны древние царства со своими столицами: некоторые немного севернее (столица Шан — Аньян), некоторые на самой реке, как воробьи на ветке: Лоян, Кайфэн, некоторые на притоках — Чанъань (Сиань).

Это сердце Китая, здесь пересекаются пути с запада на восток, с юга на север.

Здесь самый что ни на есть китайский Китай. Хотите посмотреть на Китай не слишком богатый, но и не слишком бедный, не слишком экзотический, но и не слишком привычный? Тогда добро пожаловать в этот край.

Отмечу, что китайская равнина совсем не похожа на ровное, как вроде бы вытекает из названия, однообразно-плоское пространство. Ее желто-красная земля изрезана долами и оврагами, лощинами (не сонными), вспучена холмами большей и меньшей высоты. Словом, не степь.

Почему — Желтая?

Хуанхэ в Китае называют «матушкой», как Волгу в России. Не только из-за протяженности в пять с половиной тысяч километров. Еще одна великая река Поднебесной — Янцзы подлиннее будет. Матушкой Хуанхэ зовут потому, что китайская цивилизация родилась на ее берегах.

Почему она — Желтая? Спускаясь с гор Цинхай-Тибетского плато на западе, река несет из пустынь на восток, к Бохайскому заливу Желтого моря, мельчайший песок и лёсс — глинистый желтозем, который образовал обширное плодородное плато. Благодаря этому воды Хуанхэ в среднем течении становятся тягучими и желтыми, как глиняный раствор. Но это не мешает ей обеспечивать водой чуть ли не 150 миллионов человек — побольше, чем все российское народонаселение.

Какого цвета горы в Китае

Горы в Китае, конечно, самого разного цвета. Но в народном сознании, отраженном в творчестве, горы — синие, а реки — зеленые. Вот вам разница культур, подхода к природе, к цвету. В представлении нашего человека синим считается небо («...над Россией небо синее... ля-ля-ля-ля...»), ну, еще море («...у самого синего моря, ля-ля-ля-ля...»). А в Китае издавна в стихах и прозе фигурируют «зеленые реки, синие горы». Герой одной из пекинских опер, возвращающийся в родные места после многих лет военных походов, поет:

Конь вынес меня из Силяна, распахнуты дали.
И сразу же слезы ручьем потекли-побежали.
Здесь жизнь! Здесь зеленые реки и синие горы.
Как гусь одинокий, лечу на родные просторы.

Как признавались мне друзья, невольно выучившие наизусть эти строки во время дружеских посиделок, возвращаясь откуда-то, по пути из аэропорта Шереметьево (Внуково, Домодедово, Пулково, Толмачево и так далее), глядя по сторонам, они шепчут: «Здесь жизнь! Здесь зеленые реки и синие горы. Неси меня, конь, на родные просторы!» Неважно, что отступают от оригинала. Зато налицо взаимопроникновение культур. Признаюсь, и я часто повторяю, слегка со слезой, глядя на обочины московской кольцевой дороги после восьмичасового перелета из Пекина: «Здесь жизнь! Здесь зеленые реки и синие горы», стараясь не думать о глубокой химической связи этих строк с состоянием родной окружающей среды.

Великая стена

Вообще-то мы, иностранцы, словесно преувеличиваем ее и без того немалое величие. На самом деле, по-китайски это — Длинная стена, Чан-чэн / *Changcheng*. Она протянулась на 6300 километров. Примерно столько от Пекина до Москвы или от Москвы до Пекина. А с ответвлениями ее длина составляет почти 9 тысяч километров. Стена идет с северо-востока на северо-запад Китая (или с северо-запада на северо-восток, кому как угодно). Ее обычная высота 6 метров, ширина почти такая же. Построенная для защиты от набегов северных кочевых племен, на востоке, в провинции Ляонин она упирается в залив Желтого моря, ее оконечность там называется Горно-морская застава, Шань-хай гуань / *Shanhai guan*. Начало стены — Заставу Чудесное ущелье, Цзя-юй гуань /

Jiauyi guan можно отыскать в северо-западной провинции Ганьсу, в пустыне Гоби. *Гуань* — проход, застава. Обычно это башня с аркой-проемом в толстых стенах.

— А я думаю, наоборот, начало стенки — Шань-хай гуань, — сказал Сеня. — Я-то там был, с народом говорил. Китайцы эту заставу не даром кличут «Лао-лун тоу» — «Голова старика-дракона», Драконыча то есть. Хотя китайцы этот «лао» присобачивают иногда просто так. Говорят — *лао-ху*. Старый тигр вроде бы, а на самом деле — просто тигр. Да, ну так вот про стену. Значит, у моря она и начинается. Там и гарнизон стоял, на берегу Желтого моря. От северных варваров защищал. А на другом конце, в Гоби, я тоже был. Не Великая стена, а смех один. Торчит посреди пустыни глиняная стенка шириной метра два, высотой в полчеловеческого роста, ну, совсем невзрачные такие остатки, всё песком засыпано. Кругом обломки валяются. Я один поковырял — глина с соломой и песком. Как еще эти-то остатки сохранились? Наверно, климат сухой, да и не трогал никто, пустыня все-таки.

Первые камни в основание стены были заложены две с лишним тысячи лет назад. Ее начали возводить еще при первом китайском императоре Цинь Ши-хуане. Некоторые ученые утверждают, что отдельные участки появились даже раньше, в эпоху Борющихся царств (475–221 до н. э.). Потом веками строили, перестраивали, ставили заставы-башни, достраивали, тянули вдоль параллельные участки, ответвления, которые отыскивают вдруг и в наше время... Ученые-энтузиасты находят новые и новые участки, проводят замеры, они полагают, что если все сложить, то длина стены составляет 21 тысячу километров.

То, что мы можем видеть сейчас — это в основном сооружения эпохи Мин (1368–1644). До наших дней дошла в более-менее первоначальном виде лишь третья часть. Третью лежит в руинах, а еще одна треть вообще стерта с лица земли. Ветер, вода и человек разрушили ее. Власти запрещают трогать национальное достояние. Но крестьяне, которые живут возле стены и которые брали камень из нее для собственных нужд, говорят в ответ на упреки: «А мы и не знали, что это Великая стена». Подумаешь, какая-то развалина...

Самый известный среди туристов участок находится в нескольких десятках километров к северо-западу от Пекина и называется Восемь горных хребтов, *Бадалин / Badaling*. Там легче всего проявить доблесть стенолаза, о чем Мао Цзэ-дун сказал как-то: «Кто не взбирался на Великую стену, тот не настоящий мужчина».

— А я слышал другое: «Кто был в Китае и не был на стене, тот пожалел. А кто был в Китае и был на стене, тот пожалел дважды».

В смысле смотреть там нечего, — Сеня почесал в затылке. — Это они зря так. Хотя...

Посмотреть есть на что. Сложенная из обтесанных серых камней громада производит впечатление. Гиды говорят: «По ней одновременно могли проскакать бок о бок шесть всадников». Почему всадники, куда скакать? Стена часто проходила по крутым горам и горным склонам, и если в одном месте неприятель пытался преодолеть стену, то подкрепление на помощь защитникам могло подоспеть только верхом, по стене. Хотя глядя на крутизну подъемов, в это слабо веришь.

Защитила ли стена от северных кочевников? Земли мирных крестьян, строителей и ремесленников постоянно подвергались бандитским нападениям тех, кто не умел созидать, но любил воевать и грабить. Впрочем, Китай можно было захватить, но нельзя было победить. Он успешно переваривал всех иноземцев, в том числе тех, кто им правил, они становились еще одной приправой в котле китайских традиций и культуры.

Посмотришь сейчас на иной участок стены и диву даешься: местами она оседлала горные хребты такой высоты, что только безумцы могли додуматься идти там на прорыв. Объяснение может быть такое: кое-где стена построена недавно — специально для туристов, которые только ахают, задрав голову и любуясь драконьим туловищем, протянувшимся по подоблачным хребтам.

Избегая новодела, любители старины предпочитают поехать подалее, на участки, где стена «дикая», настоящая, к примеру, в район Башня военного министра, *Сыматай / Simatai*, чтобы покарабкаться по развалинам, мало отличимым от горных осыпей; для неопытных людей это приключение весьма рискованное.

Великая стена символизирует стремление к безопасности. Китайцы привыкли окружать себя защитой. Любой микрорайон в китайских городах, построенный крупным предприятием, министерством, девелоперской компанией, или сформировавшийся с течением времени из собственников жилья, старается обособиться и представляет собой окруженный забором городок, куда посторонним вход нежелателен. Если же говорить о больших, капитальных, то в Пекине тоже имелась такая, внешняя стена. Длиною в 24 километра, она раньше обрамляла центр города и была до 12-ти метров высотой и до 20-ти метров шириной на отдельных участках. Хотя обычная ширина — около 6 метров. Многие названия улиц и районов связаны с ней, например, с воротами (Восточные, Западные, Одержанной победы и так далее). До наших дней дожили участки, восстановленные

с помощью пекинцев, которые откликнулись на призыв вернуть камни, взятые когда-то для собственных строительных нужд, и принесли 40 тысяч здоровенных серых «кирпичей». Один из отреставрированных участков, преимущественно — новодельный, тянется от юго-восточной угловой башни, что у Пекинского вокзала, на запад на полтора километра.

Пекин. Паньцзяюань — рынок антиквариата номер один

Обязателен для посещения всеми, кто интересуется Китаем и всякими диковинками. Здесь можно купить фарфор, мебель, вышивку на шелке, монеты, украшения, картины, тибетские изделия, драгоценные и полудрагоценные камни, скульптуры, благовония, тысячи и тысячи разных безделушек.

Паньцзяюань / Panjiauyan (Сад семьи Пань) находится не так уж и далеко от центра города, у юго-восточной части третьего дорожного кольца. Он условно делится на две зоны: многоэтажные здания с более дорогим товаром с двух сторон, а между ними открытое пространство с навесами, под которыми тянутся торговые ряды. Тут же маленькие магазинчики. Торговцы попроще выкладывают свои богатства прямо на землю.

Если вы настоящий охотник за антиквариатом, приезжайте в субботу или воскресенье часа в четыре утра. Вооружитесь фонариком. Тогда будет возможность перехватить что-то ценное, если опередите перекупщиков. Они явятся одновременно с вами.

Самые интересные находки вы сделаете сразу после китайского нового года, Праздника весны, когда на рынок возвращаются из родных мест торговцы с новой добычей. Сюда стекаются старые вещи со всех концов Китая.

Я часто встречаю здесь друзей китаистов. Кто-то коллекционирует старые шкатулки, кто-то фарфоровые миниатюры, кто-то — мечи и кинжалы, кто-то покупает книги по смешной цене. Да, собственно, что скрывать, не кто-то: это, например, мой коллега Артем Кобзев, каждый раз уезжающий на родину в буквальном смысле согбенный под тяжестью чемоданов и сумок с увесистыми фолиантами по китайской философии... это моя дочь Лида, которая, приезжая в Пекин, обязательно наведывается на Паньцзяюань и набирает в книжных развалах издания по фотографии. Цена альбомов, выпущенных в разных странах мира за последние десятилетия, здесь во много раз меньше, чем в книжных магазинах дома.

Кому-то бронза, кому-то нефрит, кому-то ручная вышивка, изготовленная талантливыми мастерицами южной национальности *мяо* / *miao*, с веселыми сказочными львами, рыбами, цветами. И я опять знаю, кому, но на этот раз умолчу. Продавцы, ставшие за годы друзьями, порою рекомендуют что-то «настоящее». Всем понятно, что 90 процентов вещей здесь — копии, в большинстве своем весьма искусно выполненные. Умельцы любой предмет состарят так, что залюбуешься. Керамические, нефритовые, бронзовые сосуды, статуэтки, маски, монеты — ну просто «только что из-под земли», в патине, седые...

Впрочем, старое, новое, какая разница по большому счету? Главное, чтобы пришлось вам по сердцу. Часто это вещь, без которой прекрасно можно обойтись. Но ведь не обошлись?

Пекинский университет

Это, конечно, вполне себе такое чудо. Это сад. Это и сад знаний, и сад в прямом смысле этого слова. Расположенный на северо-западе города, Пекинский университет занимает огромную территорию. Ее окружает карминного цвета стена с воротами на четыре стороны света. Каменные львы охраняют вход.

Если вы войдете в Западные ворота, то сразу окажетесь в Китае прежних столетий — с прудами, заросшими лотосом, горбатыми мостиками, старыми плакучими ивами. На берегах прудов и каналов, в чаще деревьев прячутся учебные корпуса. Старый Китай... Серого цвета, одноэтажные, увитые плющом домики с черепичными карнизами. Весь кампус называют «Ласточкин сад», *Янь-юань* / *Yanyuan*. Самой старой парковой зоной и едва ли не единственным сохранившимся образцом средневековой столичной ландшафтной архитектуры является расположенный в юго-западной части сад с названием Ложка, *Шао-юань* / *Shaoyuan*, который принадлежал известному художнику Минской эпохи *Mi Вань-чжуну* / *Mi Wanzhong* (1570–1628). Он сам разрабатывал его проект, с прудами, каналами, беседками, мостиками, плакучими ивами. Почему Ложка? Немного воды (ну, чуть-чуть, «всего ложка») для сада было позаимствовано из недалекого озера в этом районе, Хайдянь.

Позже парком владел сановник периода правления императора Цянь-луна по имени *Хэ Шэнь* / *He Shen* (1750–1799), которого принято считать главным коррупционером Китая всех времен. О нем вы уже читали в этой книжке.

Теперь же *Шао-юань* известен прежде всего своим общежитием для иностранных студентов и преподавателей, приезжающих в Пекинский университет.

В северной части кампуса в зеленых, поросших лесом, прорезанных оврагами холмах таится Безымянное озеро, *Вэй-мин ху / Weiming hu*. Оно знаменито Отраженной пагодой. Создатели применили традиционный прием парковой архитектуры: «заимствование далекого вида», когда в пейзаж вписывается какой-то находящийся на расстоянии объект. В данном случае — пагода. Если смотреть с противоположного к ней берега озера, то кажется, что многоярусная башня совсем рядом, рукой подать, так отчетливо она отражается на водной глади.

Озеро манит прохладой, островками и заливами. На островках в беседках среди деревьев скрываются от посторонних глаз студенты и студентки. Кто читает книги, кто сидит парами, держась за руки. Последних, по моим наблюдениям, больше.

Пекинский университет — это атмосфера юности, это воздух учебы, уважения к знаниям, к мудрости. И все это в китайском парке. Нет, конечно, современные аудитории, библиотечные здания, кафе, концертный зал, теннисные корты и баскетбольные площадки, велосипедные стоянки с сотнями велосипедов — это тоже Пекинский университет, но все же, все же... когда говорят про него, прежде всего в глазах встают тенистые аллеи, мостики и тихая гладь Безымянного озера.

В праздничные дни, когда в столицу приезжает много людей из разных концов страны, ворота Пекинского университета закрывают для любопытствующих. Их бывает слишком много.

Моря в Пекине.

Поместье Сун Цин-лин, самой известной женщины нового Китая

Западнее знаменитых башен — Барабанной, *Гу-лоу / Gulou*, и Колокольной, *Чжун-лоу / Zhonglou*, в центре столицы, находится одно из самых интересных мест Пекина, которое называется Моря десяти храмов, *Ши-ча-хай / Shichahai*. «Моря» — это озера и каналы между ними: Переднее море, *Цянь-хай / Qianhai*, Заднее — *Хоу-хай / Houhai* и Западное, *Си-хай / Xihai*. Живописную местность облюбовал в конце XIX века влиятельный государственный муж по имени Чжан Чжи-дун, губернатор нескольких китайских провинций; он поставил свою резиденцию на берегах Переднего моря.

Впрочем, красоты Ши-ча-хай манили людей задолго до губернатора. Еще в Минскую эпоху (1368–1644) здесь начали селиться богатые горожане и родовитая знать. Развлекались по-разному: прогуливались

по берегам, пили чай в уютных чайных с верандами, выходящими на воду под плакучими ивами, катались на лодках, а зимой на санках и коньках.

Почему это место называется Моря десяти храмов? Когда-то на берегах стояли буддийские и даосские храмы. Постепенно их вытеснили резиденции императорских родственников и дворцовых чиновников.

На северном берегу озера Хоу-хай за высокими каменными стенами укрылась усадьба самой известной женщины нового Китая — Сун Цин-лин / *Song Qingling*. Красивая и умная, получившая, как и сестры, образование в Америке, прекрасно знавшая английский (в семье Сун говорили в основном на нем), христианка, она была супругой и сподвижницей Сунь Ят-сена, «отца» демократической революции 1911 года, на много лет пережила мужа и достигла поста Почетного Председателя КНР. За долгую жизнь (1893–1981) стала участницей и свидетельницей трех революций (двух в Китае и одной в России), гражданской войны и японской интервенции, первой и второй мировых войн. Впрочем, вся семья Сун отличалась незаурядностью, начиная с отца, который подростком с острова Хайнань уехал в Штаты, работал продавцом и бухгалтером в магазине шелка и чая, но, мечтая об образовании, сбежал, попал на принадлежащий американскому министерству финансов корабль, который ловил контрабандистов. Капитану понравился смысленный парень, он определил его матросом, а затем устроил на учебу в христианскую школу. Вернувшись в Китай, Чарли Сун (Charlie Soong — так он себя называл до конца жизни, из уважения к тому самому капитану) обосновался в Шанхае, женился на девушке из знатной семьи, приверженке христианства, основал типографию, разбогател на выпуске и продаже библии. Для поддержки демократического движения во главе со своим другом Сунь Ят-сеном он тайно печатал листовки, пропагандистские материалы, а также ценные бумаги и долговые обязательства. Демократия нуждалась в финансовой подпитке.

Старшая дочь, Сун Ай-лин / *Song Ailing* вышла замуж за финансиста Кун Сян-си / *Kong Xiangxi*, потомка Конфуция, принадлежавшего к одному из богатейших родов Китая, владевшему сетью закладных лавок, ломбардов, в провинции Шаньси. Утверждали, что в их доме работали 400 слуг. Правда, отец Куна из-за пристрастия к опиуму истощил семейное состояние, но сын, проявив талант и дипломатические способности при налаживании мирных контактов между местными властями и иностранными войсками во время восстания ихэтуаней в 1900 году, смог раздобыть у христианской общины средства для поездки в США

и учебы в Йельском университете, получил степень доктора экономики. Женившись на Сун Ай-лин, которая превыше всего ставила материальное благополучие, он обрел доступ в элиту, возглавлял Банк Китая и занимал другие, самые видные посты в гоминьдановском правительстве, нажил громадный капитал. Младшая из трех сестер, *Сун Мэй-лин / Song Meiling*, стала женой Чан Кай-ши, который руководил гоминьдановским Китаем, а после поражения в гражданской войне в 1949 году бежал с остатками разбитых войск на остров Тайвань, где основал Китайскую республику.

Наибольшим уважением из сестер пользовалась Сун Цин-лин, которую называли «матерью нации». Она всегда отстаивала единство страны, обладала безупречной репутацией и авторитетом. О сестрах говорили так: «Для одной важны деньги, для другой — страна, для третьей — власть». Семью называли — «императорская династия Сун». Не без оснований: никакой другой семье не удалось сыграть столь значительную роль в новой китайской истории. (Замечу, что у трех сестер были три брата, которые получили докторские степени в американских вузах и тоже достигли заметных высот в обществе.)

Поместье Сун Цин-лин раньше принадлежало великому князю Чуню (его «мирское» имя — Цзай Фэн), отцу последнего китайского императора Пу И, в нем он и родился. Дворец с видом на озеро, с просторным садом в китайском стиле, думается, отвечал требованиям мадам Сун. Там сейчас музей ее имени, среди экспонатов можно видеть шикарный автомобиль ЗиМ, подарок советского правительства.

На западе от озера Цянь-хай раскинулось обширное поместье современника цинской императрицы Цы-си, ее соперника в борьбе за власть, князя Гуна (1833–1898), оно носит его имя — Дворец Гун-ван фу / *Gongwangfu*, причем незаслуженно: построил его в 1777 году тот же знаменитый казнокрад-царедворец Хэ Шэнь. После его казни владение переходило от одного князя к другому. Там жили близкие родственники императора, разворачивались придворные интриги, любовные истории. Здешний парк служит копией сада из романа «Сон в красном тереме», с бесчисленными павильонами, храмами, расписными галереями, беседками, прудом с утками и лебедями, каменными лабиринтами, садами. Там можно гулять, забраться на искусственную горку из пористых камней с названием Скала, сочащаяся нефритом, *Ди-цуй-янь / Dìcuīyàn*. Почему так называется? В горку с двух сторон врезаны резервуары, накапливаемая в них в дождливые дни вода постепенно просачивается сквозь камни и питает изумрудные, в цвет жадеита *цуй* — нефрита высшего качества, пятна лишайника на сте-

нах. В ее подножии спрятался Грот тайного облака, *Ми-юнь-дун / Miyundong*, с хранящимся в нем сокровищем — каменной стелой с вырезанным по рисунку императора Кан-си иероглифом «фу» — «счастье», который считается самым главным «фу» в Китае. Все хотят на него посмотреть, приобщиться, а подъем на горку сулит повышение по службе и процветание. Наверное, поэтому перед входом всегда толпится очередь. В ней можно убить время, дожидаясь выступления артистов в стоящем неподалеку изящном трехъярусном Тереме пекинской оперы, *Да-си-лоу / Daxilou*.

Южнее дворца Гуна находится дом-музей известного писателя *Го Мо-жо / Guo Moruo* (1892–1978), а если идти через переулки дальше на запад, то в начале улицы Храм обережения отечества, *Хуго-сы / Huguosì*, набредете на резиденцию Мэй Лань-фана (1894–1961), самого знаменитого актера пекинской оперы. Иероглифы на воротах уютного сыхэюаня — Мемориальный музей Мэй Лань-фана, *Мэй Ланьфан цзи-нянь гуань / Mei Lanfang jinianguan* — написал Дэн Сяопин.

По берегам озер за тенистыми ивами вдоль воды тянутся шеренги баров, кафе и ресторанов. Это одно из лучших мест отдыха в столице в жаркие дни, да и не только. Шумного отдыха. Лучше побывать в Хоухае вечером, ближе к ночи. От сутолоки и музыки легко уйти: несколько десятков метров в сторону от озера, и вы оказываетесь в кружеве переулков, меж серых стен сыхэюаней. В них, кстати, сильные мира сего живут и сейчас, судя по тарелкам спутниковой связи и дорогим авто, въезжающим в высокие ворота.

Подземный город под столицей

Некоторые удивляются, почему метро в Пекине такое глубокое. Когда его только-только построили, в середине 80-х, выяснилось, что кое-где забыли про эскалаторы, и мы, журналисты, приглашенные на торжественное открытие станции *Цзянь-го-мэнь / Jianguomen*, не успевали переводить дух, карабкаясь по бесконечной череде ступенек, забирающих резко вверх, к маячащему вдали просвету — выходу. Позже установили долгожданные самодвижущиеся лестницы. А вначале идешь вверх или вниз и думаешь: «Зачем так глубоко забираться?» Причина явная — строители из экономии использовали уже имеющиеся под землей пространства. А именно — подземный город, созданный под Пекином по приказу Мао Цзэ-дуна для гражданской обороны, чтобы население столицы могло укрыться там в случае ядерной атаки «американских империалистов» или «советских ревизионистов».

В 1969 году, после военного конфликта на китайско-советской границе, в городах по всему Китаю стали копать подземные убежища. В Пекине на объекте стратегической важности трудились десятки тысяч рабочих. Планировалось, что в случае ядерного нападения там могло спастись все шестимиллионное (тогда) население города. Были предусмотрены системы вентиляции и очистки воздуха, запасы продовольствия и воды. Широкие проходы вели к подземным мастерским, гостиницам, столовым, кинозалам, парикмахерским. Некоторые туннели тянутся на десятки километров, из центра — далеко на северо-восток, к аэропорту, или же на северо-запад — к летнему императорскому дворцу Ихэюаню.

В начале этого века подземный город несколько лет принимал туристов, любителей суровой полувоенной экзотики, вход можно было отыскать в переулках южнее площади Небесного спокойствия, договориться с гидом и окунуться в атмосферу масштабного страха и грандиозной обороны. Но пекинская олимпиада смела целые кварталы старинного района Передние ворота и заодно закрыла подземный город. В целях опять-таки безопасности. Но, говорят, его снова откроют. Когда-нибудь.

Кому не понравится Запретный город

Резиденция китайских императоров с 600-летней историей не понравится тем, кто ожидает найти там невиданную роскошь.

Это самое известное место в столице, главная туристическая достопримечательность. По-китайски императорское обиталище, протянувшееся от главной площади столицы с юга на север почти на километр, называется обычно Древний дворец, *Гугун / Gugong*. Еще одно имя — *Цзы-цзиньчэн / Zijincheng* переводят как «пурпурный» или «фиолетовый запретный город», хотя китайские исследователи полагают, что *цзы* — от китайского названия Полярной звезды (*Zi wei xing*), которая считалась на небе главной, звездой-императором. Монарх же именовался Сыном Неба, посланником его на Земле.

Чаще говорят сокращенно — Запретный город, *Цзиньчэн / Jincheng*. Простым смертным вход туда без разрешения был заказан, а с наступлением ночи всем мужчинам, кроме императора, его близких, а также евнухов и стражей у ворот, надлежало покинуть стены Гугуна.

Тех, кто хочет найти в нем «запретное» великолепие, подобное роскоши Кремлевских дворцов или Екатерининского дворца в Петербурге, ждет разочарование. Дворцов с парадной анфиладой залов,

паркетным блеском, сиянием люстр и зеркал, картинами и скульптурами, узорчатыми окнами во всю стену, здесь нет как нет.

Вы проходите через проем парадных ворот в толстенной и высокой стене — и следуете через обширное, выложенное плитами пространство от одного павильона к другому. Павильоны, хотя и называются дворцами, не отличаются архитектурной замысловатостью и представляют собой одноэтажные прямоугольные деревянные здания на высоких массивных фундаментах. Вход внутрь запрещен. Когда поднимитесь по ступеням, и, раздвигая туристов плечом, заглянете в ворота, увидите под высокими сводами в центре полутемного зала трон, на котором восседал император во время церемоний. И все.

Следующий павильон, также назначенный для церемоний и приема чиновников, — приблизительно та же картина. Третий центральный повторяет два предыдущих. А где же император и императрица жили, где их покои, где уютные гнездышки наложниц, которым не было счета, удивляетесь вы. Посмотрите вперед, на север: там есть еще павильоны, это уже внутренняя часть Запретного города, где обитали Сын Неба и его супруга, в окружении нескольких садов. В боковых флигелях вдоль окружающей Гугун стены жили наложницы, евнухи. Тоже довольно простые дома, образующие вместе с внутренними стенами уютные дворики.

Что поражает — пространство под небом, по которому свободно гуляет ветер. И каменные плиты с драконами, символами императорской власти, мимо которых ступаете. Так вы проходите из конца в конец весь Запретный город. И если бы не музеи с экспонатами из императорских сокровищниц, а также подарками, которые иностранные державы слали повелителям Китая, то совсем невозможно было бы понять нам, визуально-дистанционно приученным к мрамору, хрустали, золоту, бархату и прочим роскошествам Кремля, что же здесь такого царского.

Утеплитесь, если отправитесь в Гугун зимой или осенью, — дует. И сильно.

Резиденция китайских руководителей

Квартал Срединного и Южного морей, *Чжун-нань-хай* / *Zhongnanhai*, с западной стороны императорского города, именуется так потому, что рядом озера с этими названиями.

Резиденцию вместе с Запретным городом можно обойти пешком часа за полтора, не торопясь следуя вдоль темно-красной стены.

Главные, парадные ворота Чжун-нань-хая с караульными солдатами и лозунгами по бокам, славящими коммунистическую партию, видят все, кто проезжает по проспекту Великого спокойствия. Ворота находятся на южной стороне резиденции, как и полагается по правилам фэншуя.

Но обычно государственные руководители скромно проезжают через западные ворота. Так повелось после установления новой власти в Китае в 1949 году. Вход в Чжун-нань-хай запрещен. Зато высоких иностранных гостей там принимают с удовольствием. Любопытствующим можно только заглянуть в ворота в стене, которая четырехугольником оковывает правительственную резиденцию. У ворот часовые, сразу за воротами — еще пост, за которым виднеются аллеи парка, отделяющего от нас с виду неприметные здания.

В общем-то, во все времена правители страны и приближенные к ним лица всегда находили дом и кров рядом с Запретным городом. Если побродить вокруг, можно увидеть немало особняков за высокими серыми стенами. Доступ туда закрыт. Что там внутри — можно узнать только из мемуаров членов высоких семейств. В мемуарах обычно отмечается непритязательность обитателей Чжун-нань-хая, не претендующих на особую роскошь и живущих такой же жизнью, что и обычные люди. Ну, почти такой же.

Хутуны вы мои, хутуны... А также квадратные дворики

Хутуны, узкие переулки с замкнутыми двориками. А в них та самая, настоящая пекинская жизнь, которую обожают иностранцы и в которой не слишком уютно самим пекинцам. Хутунов раньше было великое множество. В Пекине говорили: «Хутунов с названием — три тысячи девять, а безымянных — как волосков на коровьей шкуре».

Сам по себе хутун — это узкая улица, переулок, сжатый с двух сторон серыми стенами высотой метра два с половиной, с редкими окошками-бойницами. Переулки-проулки бывают такими узкими, что два встречных велосипедиста еле разъедутся.

Они скрывают за своими стенами четырехсторонние дворы, сыхэюани. Те лепятся друг к дружке как соты и образуют целые кварталы. Квадратные дворики служат визитной карточкой пекинской архитектуры, это уникальное национальное наследие. Такие постройки существуют в разных районах Китая, но наиболее полно они представлены в столице. С точки зрения китайцев, ограниченное стенами пространство, по сторонам которого расположены жилые и хозяйственные

строения, отражает гармонию миров — земного и небесного. Взглянем на китайскую монету времен династии Цинь (221–207 до н. э.): она круглая, с четырехугольным отверстием. Земля в представлении древних китайцев была квадратной, небо круглым. Таким образом, квадрат двора воплощает Землю, которую окружает Небо.

Замкнутые дворики в самом деле создают уединенный мир, защищенный от шума и суеты. Фасады с окнами и галереями обращены внутрь. Шагнули в ворота — здесь покой и тишина. На открытой площадке растут деревья, обычно — гранаты, цветы в горшках и ящиках, стоят каменные чаны с золотыми рыбками. Места хватало для нескольких поколений семьи. Для старших служил дом на севере, он лучше прогревался солнцем, его называли «парадные комнаты», «чжэн-фан», в боковых флигелях и южном жили молодые и прислуга. Так было в стародавние времена.

В двадцатом веке сыхэюани превратились в коммуналки. Хозяев «уплотняли» или переселяли куда-нибудь подальше. Я заходил с разрешения жильцов в дворики недалеко от центра, внутри второго восточного кольца, когда их еще не снесли. Семьи из нескольких человек ютились в комнатухах по всему периметру двора. 8–10 квадратных метров, кровать, стол, телевизор. Сам двор перегорожен кирпичными стенками. Каменные клетушки соединены узкими проходами, загроможденными разным скарбом и хламом, сверху нависают обмотанные изоляцией пучки проводов. Распределительные щитки на стенах ничем не защищены; это обычное дело в Китае. Крыши текут после дождей и в оттепели зимой.

Жизнь вся на виду и на слуху соседей, секретов не утаить. Такое соседство, конечно, подразумевает помощь и дружеское участие, общие радости и беды. Деваться некуда, иначе не проживешь.

Повезло тем усадьбам, которые в свое время выкупили богатые люди или заполучили какие-то авторитетные конторы (или столь же авторитетные люди). Идешь этак по пекинским улочкам — ба, шикарные ворота с красным лаком, в которые въезжают дорогие машины, по всей высоченной стене у черепичного гребня расставлены видеокамеры, над крышей (а только ее и видно) торчат телевизионные тарелки, все ухожено, видно, давно и неплохо здесь гнездятся какие-то непростые личности. Или простые. Но на непростом посту. В последние годы кое-какие дворы в самом центре, у императорских озер, достались российским олигархам. За очень и очень дорого.

Иногда в сыхэюанях устраивают гостиницы. Но таких немного. Вообще квадратных двориков в столице осталось лишь несколько сотен.

Вернемся, однако, к народу, в хутуны. Еду там готовили, да и до сих пор готовят, на железных печках, похожих на железный бидон без верха. В «бидон» вставляется топливо — дырчатый кругляш спрессованной угольной крошки. Сотни тысяч таких печек долгие-долгие годы согревали дома и в то же время делали воздух в Пекине грязным и дымным. Так пахнет в старых железнодорожных вагонах, где титаны для горячей воды тоже топят углем.

Народ старается после работы выбраться куда угодно из тесноты двора. Часто это «куда угодно» ограничивается несколькими шагами, вдоль стен соседи ставят низкие стульчики и скамеечки, и, раздевшись в жаркие дни до исподнего (мужчины), играют в карты (в основном мужчины) или в китайские шашки (мужчины), покуривают (мужчины) или разговаривают (здесь и далее — смешанный состав: мужчины и женщины), молча сидят и смотрят по сторонам, нянчат детей, перекусывают, щелкают семечки, пьют чай, обмахиваясь веером...

Западные иностранцы обожают хутуны. Россияне же их не очень любят. В России своих хутунов полно, своих «шанхаев», это не экзотика.

— Анекдот такой есть, — Сеня хлопнул Отшельника Суна по плечу и нарушил его послеобеденный сон, к которому склонилась добрая кружка пива и сытный обед. Друзья любили иногда заморить червячка в ресторане «Москва» на юго-западном углу парка Житань. Менеджер и официанты знали, что они знакомы с владельцем ресторана Виталием, но и без того обслуживали быстро, зная вкус наших приятелей. Сеня приглашал сюда Мудреца, когда тянуло к родной еде. Борщ, котлеты с картошкой, винегрет, соленые огурчики, селедочка с луком, «почти настоящий» черный хлеб... Мудрецу пришлись по душе картофельное пюре и котлеты по-киевски. Сеня предпочитал жареную картошку с луком и ломтиками говядины. Сеня отпил глоток пива и продолжил: — Один мужик пришел к бабе. А она замужем за этим, который духи делает...

— За парфюмером? — уточнил Мудрец Сун. Он любил дорогой парфюм, подсел в последнее время на Gio, хотя, как мы знаем, одеколон и прочие душистые вещества ему в принципе не нужны: Отшельник сам по себе источал тонкий персиковый аромат, усиливающийся в жаркие дни. Такие, как сегодня. Июльский Пекин — большая парилка.

— Ну да, за ним. И тут пришел муж. Любовник в шкаф. А там одни духи. И он сидит и дышит, дышит. Уже не может. Тут муж ушел, мужик вылезает и говорит: «Дерьма кусочек! Скорее!»

— Ты это к чему? — строго спросил Сун. Он не любил скабрёзностей.

— Я к тому, что для иностранцев эти хутуны — как вот для этого мужика. У них все в порядке, а хочется чего-то эдакого, простого, кондового. А я тебя спрошу, Сун, людям там каково жить, в этих хутунах?

Действительно, жить тяжело. Я не говорю про душ и ванную. Откуда? Тазик с водой из-под крана на улице, кувшин и полотенчико — этим ограничиваются водные процедуры.

Я говорю про туалет, который нужен гораздо чаще. Или пользоваться ночной вазой или бегать наружу — в общественный. А морозной ночью... А если человек болен? А критические дни у женщин? А беременные? А если дети малые? Уже из-за неизбежных ночных горшков (куда денешься?) обитатели хутунов готовы с радостью переселиться в новые дома.

Конечно, старые переулки придают Пекину неповторимость. Но все старое когда-нибудь уходит. Об исчезающем прошлом с его тенистыми аллеями, одноэтажными домами-двориками вздыхал еще в прошлом веке писатель Лао Шэ, описывая столицу 30–40-х годов в романе «Четыре поколения под одной крышей».

Сейчас идет неравная борьба между девелоперами-застройщиками с одной стороны и ревнителями старины — с другой. Городские власти вроде бы посередине, но большие деньги перетягивают, земля в центре города на вес золота.

За год до начала пекинской олимпиады хранителям старины, к примеру, едва-едва удалось отстоять от бульдозеров знаменитый хутун под названием Восьмая улица Дунсы, *Дун-сы ба-тяо / Dongsi batiao*, внутри восточной части второго дорожного кольца. Самые ранние постройки там относятся к Минской эпохе. Но и более поздние представляют немалую историческую и культурную ценность.

Пусть хутуны существуют как туристический объект. Приятно же прокатиться на велорикше возле озер в районе Ши-ча-хай (Хоу-хай) и повздыхать об уходящей экзотике. А потом вернуться в пятизвездный отель с джакузи и необъятными махровыми полотенцами. И туалетом. Внутри номера, кстати!

— Не согласен! — строго сказал Андрей Кириллов. Вы уже встречали Андрея на страницах этой книги. Про Андрея, великолепного журналиста, знатока Китая, даже не признающий авторитеты Сеня говорит: «Это голова!». — То, что сносят хутуны — безобразие. Это величайшая культурная ценность, это то, что отличает Пекин от всех городов мира! — Андрей поправил очки и на глазах полицейского

развернул машину в неположенном месте. Полицейский сделал вид, что ничего не видит. Андрею можно. — А то, что на их месте строят новоделы, этикие стандартные сыхэюани на современный лад, дело не спасает. Они неживые. Сыхэюани и хутуны надо беречь, сохранять, восстанавливать, иначе совсем скоро Пекин не отличишь от любого другого мегаполиса с его офисами и торговыми центрами.

Это, конечно, беда для тех, кто ценит старину и красоту. О масштабах сноса говорит пример местечка Да-цзи-пянь в районе Сюань-у на юго-западе Пекина. В 2010 году там снесли целый квартал, самые ранние здания которого были построены еще в династию Цзинь (1115–1234). Он знаменит не только хутунами и сыхэюанями, но и гостевыми домами, хуэй-гуанями, которые в эпоху Мин и особенно Цин строили провинциальные купцы и деловые люди для размещения земляков — приезжающих на императорские экзамены студентов. Эти «провинциальные представительства» становились культурными центрами. Почти у всех землячеств были такие гостиницы. Были... Только в районе Да-цзи-пянь и только за один год с лица земли стерто 30 хутунов, 300 сыхэюаней, 78 провинциальных постоянных дворов.

Когда-то в столице насчитывалось около 8 тысяч хутунов, которые соединяли-разъединяли 920 тысяч частных владений. Теперь от старого города осталась лишь крохотная часть.

Известный писатель Фэн Цзи-цай сказал: «Ни в какой другой стране в мире не могли, как у нас, снести свои города и построить новые, с иголки, в течение 20 лет. Многие города континентального Китая теперь почти не отличишь один от другого, потому что их исторические достопримечательности сметены бульдозерами».

Ох, уж эти хутунисты...

Некоторые иностранцы, особенно из числа молодых, особенно из числа тех, кто не обременен заботами о хлебе насущном, а скорее заботой о том, как получше потратить родительские деньги, временно сбрендив на почве китайской аутентичности, приземлившись на нее перед прыжком дальше по планете (Индия, Таиланд, Бутан, Непал), ищут эту самую аутентичность (то бишь «настоящность») Китая именно в хутунах. Эти хутунисты, они же хутунщики, поселяются в этих переулках, благо не так давно власти разрешили иностранцам жить в домах вместе с обычными китайцами, щеголяют своей китайскостью, одеваются похуже, едят в закусочных без всяких гигиенических заморочек, презирают современные здания, улицы и модные места и считают, что вот именно они-то и познают народную жизнь изнутри. Впрочем, на-

долго их не хватает, сроки проживания заметно сокращаются зимой, когда теплый туалет и горячий душ затмевают все блага проживания «в народе».

Что было, что стало с Большими заборами

Перед Олимпийскими играми пекинские власти обновили старый район, который называется Большие заборы — *Дашилар*. Вообще-то правильно он должен произноситься *Дачжалань* / *Dazhalan*, но местный говор изменил на *Дашилань* / *Dashilan*, даже *Дашилар* / *Dashilar*, — пекинцы любят добавлять «р» / «r» в конце слова. Это я к тому, если вы будете искать его на карте. Зачем искать? Потому что это один из самых живописных районов Пекина, где сохранился в какой-то степени дух старого города.

Он находится южнее главной площади — Тяньаньмэнь. Раньше, при Минской и Цинской династиях, там жили богатые люди. Для защиты их домов от грабителей император велел обнести район оградой. Отсюда и название — Большие заборы. Ну, можно перевести как Большой забор, конечно, но Большие заборы лучше, как-то поохватистей, позабористей.

Так вот, этот район прославился и славится до сих пор своим колоритом. Здесь при императорах и до народной власти были лучшие в столице театры, лучшие магазины и аптеки, лучшие рестораны и чайные. Здесь торговали шелком и пряностями. Здесь крутили фильмы в первых кинотеатрах. А дашиларцы жили и до сих пор живут в малюсеньких пекинских двориках, в хутунах. Кстати, самый узкий из столичных хутунов можно отыскать здесь, на Дашиларе: всего 40 сантиметров шириной, только бочком и протиснешься.

Идешь по улице — и вся жизнь как на ладони: одни торгуют, другие едят, третьи играют в карты и шахматы, четвертые стригут волосы, пятые просто болтают, шестые... делают все остальное.

Обитателей квадратных двориков не раз уплотняли. Где жила одна семья, там стало пять. Или семь. В итоге к началу этого века на квадратном километре земли здесь жило 50 тысяч человек. Конечно, тесно жили, плотненько. Вспомним наши родные коммуналки.

Старые кварталы в районе Больших заборов сносят. Новое наступает. Но что-то пока остается.

Одна центральная газета так сравнила новый Дашилар со старым: «В прошлом этот район был набит чайными, театрами, акробатическими труппами, публичными домами, курильнями опиума, торговыми

лотками и разномастными толпами. Сегодня его привели в порядок, и он стал важной торговой улицей. Новый облик пришел на смену хаосу, но сохранилась атмосфера места. Кино-, видеозалы, караоке-бары и клубы соперничают за пространство и внимание с издавна известными, традиционными китайскими магазинами в этом интригующем уголке столицы».

В общем, как ни крути, развлечения почти все какие были, такие и остались. Жизнь всегда берет свое. Нет, ну кривая «чего не надо» пошла, конечно, вниз, туда, где понезаметнее. А так всё, в общем, по-прежнему. Стоит побывать. Очень даже.

Многострадальный Юаньминъюань

Всем известен летний императорский парк Парк Сохраненной гармонии — *Ихэюань / Yiheyuan* в Пекине. Название можно переводить по-разному, но общий смысл таков: парк предназначен для сохранения здоровья и душевного равновесия. Он расположен на северо-западе города и славится озером *Куньмин / Kunming*, а также горой Долголетия *Вань-шоу шань / Wanshoushan*, с которой открывается великолепный вид на лежащий внизу, созданный природой и человеком пейзаж. Вдоль берега тянется *Длинная галерея, Чан-лан / Changlang* (728 метров, самая протяженная в мире), украшенная росписью — восемью тысячами рисунков на деревянных сводах. Она выводит к стоящей у берега Мраморной ладье.

Но мало кто знает, что в Пекине есть другой императорский летний дворец, старый, — Парк Совершенной ясности, *Юаньминъюань / Yuanmingyuan*, судьбу которого нельзя назвать счастливой.

Он находится по соседству с Ихэюанем, чуть восточнее, и занимает площадь гораздо большую, чем его младший брат. Создание парка начал Канси в 1707 году, он хотел преподнести его в качестве подарка сыну, будущему императору Юн-чжэну. Сооружение велось по принципу: с бору по сосенке. Кан-си любил совершать инспекционные поездки по стране, ему нравился благодатный юг, откуда он привозил новые идеи. Делалось так: приметив в Южноречье, к примеру, в Сучжоу, пейзаж (искусственную горку, озеро) или постройку (павильон, пагоду, мостик), достойные внимания, он отдавал приказ, и тут же строители создавали точно такое же чудо в Юаньминъюане. Кан-си заложил основы, а каждый последующий правитель вносил свою лепту в обустройство парка, который со временем стал сочетать китайскую парковую планировку и архитектуру с европейской. При дворе большое влияние имели советчики-иезуиты, сведущие в разных областях знания, напри-

мер, Дж. Кастильоне. По его проектам в Юаньминъюане были построены сооружения в древнегреческом, древнеримском стиле. Павильоны, колонны, арки, гроты, фонтаны. Самым знаменитым стала клепсидра, водяные часы, представлявшие собой фонтан, с двух сторон которого стояли бронзовые головы животных, символизирующих 12 китайских знаков зодиака.

Каждый час вода изливалась из пасти какого-то из них, а в 12 дня они одновременно освобождались от влаги таким деликатным образом.

К сожалению, парк, названный Восточным Версалем, почти полностью разрушили и разграбили в 1860 году недружественные посланцы того же Версаля, проще говоря, французские интервенты, которые вместе с британскими войсками отстаивали «законное право» вести в Китае торговлю опиумом (т. н. вторая опиумная война). Дворцы парка пылали три дня. Уцелело лишь 13 зданий из многих десятков. Английские и французские солдаты крушили и грабили все подряд. Фарфор, золото, нефрит...

Бронзовые головы, украшавшие фонтан, полторы сотни лет кочевали по собраниям коллекционеров, китайцы делали все возможное, чтобы вернуть национальное достояние. В 2000 году госкорпорация *Баоли / Baoli* (Poly Group Corporation — торговля оружием, а также нефтью, углем и железной рудой) приобрела головы быка, тигра и обезьяны, затем, в 2003 году — свиньи, и выставила их в своем центре искусств в Пекине. Участие в возвращении культурных реликвий принял Стенли Хо: владелец игорного бизнеса Макао передал государству купленную в 2007 году за 8,8 млн. долларов голову лошади, которая находится сейчас в Столичном музее, *Шоу-ду бо-у-гуань / Shoudu bowuguan*.

В 2010 году на аукционе Christie's были выставлены на продажу головы крысы и кролика из частного собрания модельера Ива Сен-Лорана и спутника его жизни и партнера Пьера Берже. Китайский арт-дилер Цай Минчао из г. Сямэнь (провинция Фуцзянь в Китае) по телефону выиграл битву за голову крысы, подняв цену до 14 млн. евро, через несколько минут получил право приобрести голову кролика за 13,5 млн. евро. Цай имел хорошую репутацию: в 2006 году в Гонконге на аукционе Sotheby's он заплатил 15 миллионов долларов за бронзового Будду.

Но затем началась почти детективная история.

Цай Минчао отказался внести деньги. По одной версии, он это сделал, осознав, что никогда не сможет ввезти раритеты на территорию Китая. (Правительство КНР перед аукционом заявило, что

считает его незаконным и бронзовые головы являются достоянием государства, наняло несколько десятков адвокатов, чтобы не дать провести торги. Берже в свою очередь заявил, что готов даром отдать вещи Пекину, если тот будет «соблюдать права человека», признает «независимость Тибета» и разрешит возвращение Далай-ламы. Реакция китайских властей была соответствующей — крайне негативной.) По другой версии, Цай намеренно, из патриотических соображений, дал высшую цену на аукционе, чтобы предотвратить покупку кем-то другим.

Истинная картина выяснилась позже. Как установили дотошные гонконгские журналисты в разговоре с Цаем у него в офисе, во время которого он плакал навзрыд (потерял бизнес!), тот приобрел раритеты в порыве азарта, не думая, каким образом достанет такие деньги. Не успел он остыть и осознать происшедшее, как узнал, что спустя несколько часов после аукциона китайская администрация по делам культурного наследия выступила с заявлением, требующим от аукционного дома Christie's предоставлять детальную информацию о покупателях и о происхождении артефактов, которые ввозятся или вывозятся из Китая. Цай запаниковал: даже если он найдет деньги и заплатит за головы, неизвестно, что делать с ними дальше, в доме словно окажутся две бомбы замедленного действия — неизвестно, когда взорвутся. На естественный вопрос, о чем он думал раньше, Цай ответил, что поддался эмоциям, наблюдая по Fox TV прямую трансляцию аукциона.

Не зная, что делать, в тот же день он позвонил представителям китайского министерства культуры и попросил о встрече. Она состоялась в Сямэне через два дня. Цай сообщил чиновникам, что победитель аукциона — он. Гости были поражены: китайские власти считали, что раритеты ушли в иностранную коллекцию. Чиновники решили поддержать Цая, оказав помощь от имени государственного Фонда национальных сокровищ, занимающегося возвратом культурных ценностей. Последовала на шумевшая пресс-конференция в Пекине, на которой Цай заявил о том, что: а) платить не собирается, б) действовал из патриотических побуждений. Это вызвало ликование патриотически настроенных китайцев, которые рассматривают историю возвращения бронзовых голов из Юаньминьюаня как дело чести всей нации.

Итак, головы крысы и кролика по-прежнему пребывают в резиденции П. Берже, дожидаясь, когда два государства договорятся об их судьбе, известный аукционный дом остался без коммиссионных и подмочил свою репутацию, Цай Минчао начисто потерял международный авто-

ритет солидного собирателя, зато обрел внутрикитайский статус спасителя национальных святынь.

Впрочем, некоторые иностранные исследователи считают, что эти бронзовые головы вряд ли можно считать исконно китайскими, беря во внимание историю создания фонтана чужеземцами, да и разграбление Юаньминъюаня, полагают они, имеет неоднозначную подоплеку и причину, которая замалчивается. Почему именно он был почти полностью разрушен — в отличие от находящегося рядом Ихэюаня? Австралийский ученый Дж. Барме в исследовании «Парк Совершенной ясности. Жизнь в руинах» (G. Barme «The Garden of Perfect Brightness. A life in Ruins») пишет, что в октябре 1860 года ко двору цинского императора для заключения договора о мире были отправлены переговорщики и их сопровождающие из числа английских, французских и индийских солдат. Эмиссары цинского двора схватили 39 членов делегации и держали их в качестве заложников в Юаньминъюане, для оказания давления на интервентов. Заложников пытали, 18 из них погибли, их вернули союзникам в гробах, тела имели следы перенесенных мучений. Отдавая приказ разрушить Юаньминъюань, лорд Элджин, высший посланник Великобритании, хотел наказать императора Сянь-фэна и его чиновников, но не народ. Это не оправдывает акт вандализма, разрушение Юаньминъюаня, однако мало кто в Китае знает, что ему предшествовало.

В народном сознании парк остается символом национального унижения. Когда в наши дни у администрации парка возникло намерение организовать в Юаньминъюане народные гуляния под девизом «попробуйте королевскую жизнь» в дни китайского нового года, интернет вскипел возмущением, как так — извлекать прибыль там, где была попорана национальная гордость: «...сегодня в Юаньминъюане разрешат храмовый праздник, завтра здесь будут игровые площадки, а послезавтра дети, играющие в парке, окажутся в замешательстве, если задать им вопрос: „Кто сжег Юаньминъюань?“ «Можем ли мы от души смеяться в священном месте?» — спрашивали блогеры. Патриоты считают, что надо оставить его таким, как есть, «символом унижения, который заставляет нас упорно работать и придает новые силы нашей нации».

Добавлю, что судьба еще пяти голов, украшавших фонтан, — овцы, змеи, петуха, дракона и собаки, остается неизвестной.

Что же до многострадального парка, то он перенес еще одно вторжение: в 1900 году его оккупировали солдаты восьми стран, включая, увы, уже и Россию. Союзные войска вошли в Пекин во время интервенции, вызванной восстанием «ихэтуаней», мечтавших уничтожить

всё иностранное. В конце XIX в. в Китае наступили тяжелые времена, особенно на северо-востоке, где следовали одна за другой засухи; крестьяне теряли свои земли, а также и заработок на привычных перевозках, в связи с появлением железных дорог, которые активно строились «чужеземцами» и под которые забирали поля крестьян. «Ихэтуани» — «отряды справедливости и гармонии» стали уничтожать дома, имущество, предприятия, принадлежащие иностранцам, убивать христиан и сжигать храмы, посольства. В столице в осаде находился посольский квартал. Экспедиционные войска нескольких стран, высадившись в Тяньцзине, дошли с боями до столицы и окончательно разграбили и разрушили Юаньминъюань... Впрочем, и на этом страдания не закончились. То, что осталось, добились «красные охранники»-хунвэйбины и «бунтари»-цзаофани в «культурную революцию».

В 90-е годы его начали восстанавливать, сейчас это — пространство с рощами, озерами и каналами, но и с обширными пустырями, оставляющими впечатление заброшенности. От роскоши старой архитектуры остался лишь небольшой кусочек в северо-западной части (там, где был фонтан), на входе в парк вы можете взять «электронный гид», в том числе на русском языке. Если не услышите ничего для себя нового, то, по крайней мере, не затеряетесь среди «гор и вод».

Храм Омута и китайской шелковицы

Тань-чжэ-сы / *Tanzhesi* в горах Мэнь-тоу-гоу к западу от столицы — самый крупный буддийский храм в Пекине и окрестностях, место отдохновения души, совершенно замечательное по гармонии с природой. Она даже не окружает — храм вписан в нее наравне с горами и деревьями, ручьями и высоким небом. Ему 1700 лет, во внутреннем дворе красуется надпись: «Сначала появился Тань-чжэ-сы, потом Ю-чжоу (Пекин)». Считается, что даже Гугун, императорскую резиденцию в столице, построили по его образу и подобию: центральный вход, череда павильонов по центру, боковые павильоны и красная стена вокруг.

Почему в названии омут — *тань*? По легенде, когда-то здесь в омуте обитал зеленый дракон. Но пруда, даже неглубокого, я там не нашел. Впрочем, родник со «святой водой» есть, в гроте богини Гуаньинь, даже не один, а два, из одного течет вода с горьким привкусом, из другого — со сладким. Так принято считать, по крайней мере.

Что касается слова чжэ, то это кудrania триостренная (то есть с тремя колючками), разновидность тутовника, листья которого используют для кормления шелкопрядов. Невысокое деревце называют

также китайской шелковицей, а плоды — китайской клубникой. Они похожи на малину, и, не созревшие, вяжут, как хурма, которую и напоминают по вкусу. Но маленькая кудряшка в храме затерялась среди обильной зелени. Зато мощные кипарисы на виду, один из них, по преданиям, обладает особой силой, которой можно зарядиться, прикоснувшись к стволу. Однако самые заметные деревья — два тысячелетних уходящих в небо гиганта гингко билоба (они же — *гинкго*, но это совсем уж язык сломать!). Стоят сразу за воротами, по обе стороны, и кажется, соединяют храм с небом.

Это очень жизнестойкие деревья. Их называют Царь-дерево. Гингко единственные из деревьев выжили после атомных бомбардировок японских городов Нагасаки и Хиросимы. В храме Тань-чжэ-сы эти гиганты отличаются внушительностью, у каждого из общего корня тянутся ввысь сразу несколько стволов высотой метров сорок, листья мелкие, бирюзовые, радостные. И никаких подпорок не требуется, как другим деревьям — к примеру, старым соснам с идущими вниз загугулинами уставших веток. Посидишь под гингко на скамеечке, задерешь голову, полюбишься, замерев, их светло-зелеными кронами — и как дома побывал, отдохнул душой (хотя странно, конечно — откуда в России гингко?). Одно из этих радостных деревьев называют «Императорским». Легенда гласит, что с началом правления нового императора на дереве вырастала новая ветвь, а когда умирал — отламывалась старая.

Земли храма уходят в гору, он шагает вверх павильон за павильоном как по ступенькам, причем сами постройки небольшие. Монахи читают-поют молитвы и бьют в деревянную рыбу. Почему в рыбу? Согласно легенде, которую доверительно поведал нам Андрей Кириллов, когда мы дружной тихой компанией бродили по храму, когда-то священные буддийские книги везли морем в Китай, штормило, их смыла волна, и в море сутры проглотила рыба. Ее поймали и принялись бить. Рыба не вытерпела, выплюнула от греха свитки — и сама стала священной. Там же, в храме, подвешена на цепях темно-зеленая каменная рыбина. Она «священная»: если что-то болит, можно подойти, дотронуться до какой-то части, и все пройдет. К примеру, болит голова — до головы, рука ноет... ну, наверное, поможет передний плавник... чему помогает хвост, в храме говорить зазорно. Рыба огромная — 170 сантиметров и весит 150 килограммов. Легенда утверждает, что ее даровал небесный покровитель, а тянущиеся к звездам реалисты считают, что она сделана из метеорита.

Живые, не каменные, белки бегают по храму Тань-чжэ-сы, по гребню окружающей его изгибистой стены в форме дракона, и, застыв

на месте, походят на изваяния маленьких животных — обереги, которые обычно украшают скаты выгнутых крыш буддийских храмов. Эти мелкие зверюшки, и живые, и каменные, придают храму домашность и тепло.

Как и в другие храмы, сюда лучше приезжать перед закрытием. Меньше народа. Все уже уходят, и вы бродите себе спокойно в одиночестве. Хотя в Китае оно всегда относительное.

Советы начинающим китаеведам: Как не убить цикаду

Вот вы, наверное, думаете, что цикада — это такое насекомое, зеленое, с лапками, суставчатыми такими, вроде кузнечика, с крыльями, которое летает и поет? Цик-цик, цик-цик? Да? Я тоже так думал до приезда в Китай. И, в общем, все это совершенно верно, кроме одного — цикада нисколько не похожа на кузнечика. Она похожа на крупную муху, на вытянутого в длину слепня. С прозрачными крылышками — да. Но цвет тельца темно-серый, почти черный, иногда коричневатый. Глазки смешные, навывкате. Так что будьте внимательны. Когда вы полезете на иву или другое дерево в Душистых горах на западе Пекина или чуть подальше, возле храма Омута и китайской шелковицы, и вдруг нос к носу столкнетесь с толстой мухой, прилепившейся к стволу, не бейте ее, пожалуйста. Это не слепень. Это цикада! Она не кусачая. Она добрая, безобидная, никого не трогает. Их любят вырезать из нефрита, у меня скопилась целая стайка на столе, гладеньких белых, зеленых, коричневых. Цикады «поют». Причем только самцы. Так уж устроила природа их животики. Когда в жару начинают трещать цикады, волнами накатывает и опадает звон, похожий на дождь. Сухой такой дождь.

Быстрая весна. Цветы над пылью

Люде Гу (она дала наводку,
Так, словно бы на водку и дала)

Я еду в сад,
В саду растут деревья.
Совсем недалеко Пекин,
Апрельский полдень,
Жаркий и сухой.

Там будут лепестки,
Вино Синьцзяна.
Его откупорим,
Едва покинув Дунчжимэнь.
Как радостно об этом думать,
Предвкушать.
Навряд ли что-то слаще
Предстоящей встречи.
С друзьями, синим небом,
С лепестками вишен.
Ну, разве что рыбалка?
Об этом я еще успею помечтать.

Весна приходит в Пекин быстро, почти незаметно. Бывает так: ходишь в теплой куртке, ежась от ветра, а на другой день вдруг обнаруживаешь, что достаточно рубашки. Бац, и сразу 25 градусов тепла. Пора цветения всего и вся начинается в конце марта и длится до конца апреля — начала мая.

Первыми просыпаются цветы на деревьях. В Пекине мало влаги весной, улицы серые, как ни поливай, запорошенные пылью с бесконечных строек. И над этим серым морем мостовых и домов (а признанным «официальным» цветом Пекина является традиционный серый) распускаются розовые, красные, бордовые, желтые цветы. Первыми радуют глаз белоснежные магнолии.

Едешь по главной улице мимо Запретного города на запад, и вдруг открывается белая магнолиевая череда вдоль стен. Магнолий все больше и больше в городе, причем не только белых, но и фиолетовых. Еще раньше, сразу после холодов, зацветает дикая слива «мэй», главная героиня древних китайских картин, на которых красавицы, вышедшие в сад, любуются нежно-розовым кипеньем на деревьях, под которыми еще лежит снег. Так же и мы наслаждаемся ими сегодня, даже не в саду — по дороге на работу, топча снег в скверах под розовыми ветками, фотографируемся.

Тут же, словно из-под земли, появляются желтые цветочки «приветствия весны», хуань-чунь / *huanchun*, кустиков, радующих пекинцев даже в особо засушливые годы.

Проходит неделя, на улицах расцветают вишни и бело-розовые китайские яблони «хайтан», китайки. Тут же следом распускается самое многочисленное семейство персиков. Это обыкновенное природное чудо: словно кто-то привязал к голым веткам розовые, красные, белые, бордовые бутоны. Листьев еще нет, а дерево цветет себе беззаветно, не обращая внимания на машины, дома и людей, на гарь и чад.

Персиковые цветы притягивают, хочется встать рядом для фотографии в семейный альбом. Но они не пахнут. Зато сирень окружает всё ароматом. Она мелкая, бледная, но запах сиреневый, свой. Вокруг цветущих деревьев образуются островки покоя. Даже на оживленных улицах.

Что уж говорить о китайских парках весной... Из них не хочется уходить. Многие семьи проводят там по полдня, например, в парке Бездонный нефритовый омут, *Юй-юань-тань / Yuuantan* на западе Пекина. Некогда он служил местом, где император и его семья ловили рыбу. Сейчас парк славится завезенной сюда сакурой, японской вишней. Она соседствует с персиковыми деревьями. В пору цветения в выходные дни в огромном парке с большими прудами и каналами, мостиками над ними, с цветочными газонами между деревьями, просто не протолкнуться. Трава еще толком не выросла, и над пространством тощих лужаек, по-над берегами еще холодных прудов качаются ветки с цветами вишен и персиков, светло- и темно-розовые, воздушные.

То же цветочное буйство под синим небом происходит в пекинском Ботаническом саду, в парке Драконовый омут, *Лун-тань / Longtan*, на юго-востоке Пекина, в парке Храм неба и других больших и малых парках. И — в пекинских дворах, ничем не примечательных.

Над всей этой цветочной красотой летают хлопья тополиного пуха.

Следом за персиками зацветают утуны — высокие и мощные тунговые деревья, с задранными вверх, вытянутыми дымчато-лиловыми гроздьями-свечами. Им на смену приходят акации.

Так цветы продолжают и продолжают весну, хотя на пекинском дворе уже вовсю жарит очередное лето.

Странное дело — никогда не видел, как цветет хурма. Скромное дерево.

Синяя птица живет в Пекине

Знаете, где живет синяя птица? Ну, та, из сказки Метерлинка. Или из песни «Машины времени»?

Она живет в Пекине. Конкретно — в парке Алтарь неба, *Житань / Ritan*. Она там живет не одна, конечно, там их много. Может, где-то еще она живет, не знаю, но в парке Житань живет точно. По-научному — обитает. Она похожа на сороку, только крылья отливают синим. Синие птицы любят клевать хурму, поэтому часто толкуются на хурмовых деревьях в окрестных посольских садах.

В этот парк обожают приходить Сеня с Мудрецом Суном. Как-то Сеня ездил на родину, смотрел по телевизору новый год и приехал потрясенный. Он услышал песню «Синяя птица» в исполнении Жанны Агузаровой. Сеня любит Агузарову. «Один поцелуй моряка», например. А тут такая душевная песня про синюю птицу! Там еще такие славные парни были на подпевке. Особенно Сеню тронули слова: «Говорят, подалась она в дальние страны...» Сеня сразу вспомнил про себя. Еще его тронули слова, что она стала пуганой и не верит людским рукам. Сеня опять вспомнил про себя.

А уж последние слова: «И только небо тебя поманит синим взмахом ее крыла!», которые повторялись в песне раз двадцать или сто, он вообще без слез слушать не мог.

Сеня скачал песню и стал слушать ее с утра до вечера. Потом послал ее брату, а также другу Борису, думал, что откроет им новую песню и новую радость. Каково же было его разочарование, когда брат ответил, что слышал эту песню в исполнении «Машины времени» лет двести назад. Друг Борис вообще написал, что ему «Синяя птица» нравится в исполнении Макаревича, а не Агузаровой.

Облом вроде бы.

Но облом прошел, а песня осталась. Она осталась такой радостной синей птицей. С той поры Сеня любил брать с собой Мудреца Суна, плеер и приходить в парк Житань. Включал, и они слушали. Старина Сун под музыку писал в айфоне для друзей-приятелей новостик в приложении *вэйсинь / weixin*, (*WeChat*), прикрепляя к ним фотографии и комментируя их тут же по голосовой связи, общался с преданными учениками в *вэйбо / weibo* (китайский твиттер), связывая события жизни с даосской философией; у него, к удивлению Сени, была куча читателей (по нашему — фолловеров). Иногда Мудрец смеялся, получив что-то забавное, например, клипик: бывший китайский руководитель, почтенный старец, танцует *Gangnam style* с полуодетой красоткой. Понятное дело, руководитель был мультяшный... Сеня запрокидывал голову и смотрел на небо сквозь платановую крону. Иногда попивали «Эрготоу» из «ладошек», чтобы согреться на холоде, иногда просто так сидели и слушали. Иногда видели синих птиц, но чаще нет. Наверное, их отпугивали танцы, поскольку обычно наши друзья сидели на круговой скамеечке, окольцевавшей многовековой раскидистый платан, под которым каждый вечер собирались мужчины и женщины и танцевали до полной темноты. Сеня давал им послушать свою песню. Со временем танцоры тоже полюбили «Синюю птицу» и кружились под нее, вроде как в вальсе. Раз-два-три... Раз-два-три... Может, и не в вальсе,

а вовсе даже в мазурке с элементами индийского танца. Неважно: главное, синяя птица живет в Пекине. Это точно.

Как застать врасплох пекинский воздух

Пекинский воздух насыщен ароматами, свойственными только ему. Это и аромат летней зелени, цветов и политой травы, и запах пряностей, и благовония, и сытный дух варящегося у соседей риса, и едва заметный чад угольных печек. Когда-то угольный дым не давал дышать. Теперь он — легкая приправа, придающая колорит.

Но застать врасплох запах Пекина получается не у всех и не всегда. Днем его давит жар разогретого асфальта, пыль пекинских строек и выхлопы машин. Поэтому открою секрет. Встаньте пораньше утром, едва только солнце нагреет воздух. Откройте окно или выйдите на балкон. И вдохните. Ага? Вот он, аромат Пекина. Такого больше нигде нет.

— Ну, загнул, — сказал Сеня. — Романтик, что ли? Иди ты в баню! Тоже нашел аромат. Пекинский воздух! Идеал... Да им дышать нельзя, особенно летом. Если ветра нет, пиши пропало, сплошная хмарь. Я тут вышел утром в июле на балкон, как ты тут пишешь, и в лицо мне сразу жаром шарахнуло, как из парилки. А я только что письмо по мылу получил от приятеля из Швейцарии. И сказал сам себе: «Да, тут, блин, тебе не Швейцария!» Зимой вообще по неделям смог висит, все в масках ходят. А ты — воздух, воздух!..

Все равно — выйдите на балкон пораньше утром. Когда солнце только-только вышло. Может, повезет.

Когда выпадает снег

В Пекине снег.
Цветы засыпал,
Хотя уже весна.
Природе наплевать на календарь.
Она по-своему живет
И нас не замечает.
И это, в общем, хорошо.
Тем более что солнце — здесь.
И небо. Тишина.
А снег? Уже почти растаял.

Снег в Пекине редкость. Он приводит всех в легкое изумление. Особенно если не ко времени, если вдруг весной, в конце марта. Если

его много, все начинают как заведенные фотографировать заснеженные улицы, крыши пагод, друг друга на фоне забеленных деревьев.

Для водителей это катастрофа. Народ не привык к снегу и гололедице. Такси не поймать — они предпочитают не выезжать в опасную погоду.

Зато детям раздолье. Писк и визг ребят в синих с голубым спортивных костюмах (такая форма у многих школ), которые, отмучившись на занятиях, выбегают из ворот напротив моего офиса, заполняют улицу. Снежки, догонялки. Такой удобный случай запустить комочек снега в девочку. А девочки не отстают, тоже кидаются. Праздник.

Жестяные листья Пекина

Поздней осенью ветер гоняет листья по Пекину. Листья тополей, платанов, акаций. Листья не такие, как, допустим в средней полосе России с ее дождями, мокрые, прилипчивые и тихие. Листья здесь громкие, жестяные, ну, или коробчатые, допустим — по звуку. Потому как дождей почти не бывает в это время, наступают холода, и листья на дереве высушиваются до жестяной ломкости. Когда ветер их срывает, бросает вниз и засыпает тротуары, они не шелестят, а громко хрустят, и, задевая щеку, чувствительно, с шорохом, бьют.

Шанхай, город на море

Шанхай / Shanghai — можно перевести как «Забравшийся на море», хотя китайские источники приводят другое значение: «Верхнее море»; впрочем, иногда его называли, поменяв местами части словосочетания, еще точнее: Хайшан — «Над-морской». В незапамятные времена там, где стоит сейчас город, плескалось море, но в течение многих веков воды Янцзы несли с равнин ил и песок, намывая сначала отмели, потом островки, а затем и острова, которые со временем соединились. Так собралась земля, образовавшая полуостров между Янцзы и морем.

Расцвет ей принесло удачное расположение в устье самой длинной реки Поднебесной, на стыке Желтого и Восточно-Китайского морей, в центральной части берегового Китая. Из рыбацкой деревни Шанхай официально стал торговым городом в XI веке, в эпоху Сун. По Янцзы можно пройти далеко в глубь страны, через местный порт из века в век туда и обратно шли и идут корабли с грузами. Шанхай один из самых «космополитичных» городов Китая, сравнимый, пожалуй,

в этом плане только с Гуанчжоу (не говорю о Гонконге). За столетия он приобрел славу как радушный мегаполис, этаким восточный Париж, притягивающий искателей китайской экзотики и приключений со всех концов света. Здесь в 1921 году была создана коммунистическая партия Китая.

Самое знаменитое место — набережная на Желтобережной реке, Хуанпу / *Huangpu*, последнем притоке Янцзы, который разделяет город на две части, старую западную и новую восточную. Набережная называется Внешняя отмель, *Вайтань* / *Waitan*, на заграничный манер — *Банд* / *Bund* (слово взято из хинди и означает также — «набережная»). Вдоль нее выстроились в ряд впечатляющие произведения архитектуры 20–30-х годов прошлого века: гостиницы, страховые компании, банки. Внушительностью выделяется построенное в 1921–1923 годах британскими архитекторами в стиле неоклассицизма здание Гонконг-Шанхайского банка (HSBS — The Hongkong and Shanghai Banking Corporation), с грозными бронзовыми львами, возлежащими у парадного входа. Сейчас здесь расположился местный банк.

Набережная — символ города, она на всех сувенирах, открытках, на фотографиях и картинах. В нашем московском доме отыскался шелковый коврик с видом Банда, сотканный в 30-х годах и привезенный в Россию дедом жены, военным советником в Китае в конце сороковых.

И на коврике, и наяву дома в имперском стиле, составлявшие основу иноземного поселения, спокойно смотрят на реку и слушают гудки пароходов. Ценителям шанхайского шарма рекомендую поселиться в гостинице «Мир» — *Heping / Pease*, звавшейся во времена оные «Cathay» («Китай»).

Ее отличительным знаком, видным издалека, служит медная пирамида зеленого цвета на крыше. После недавней реконструкции гостиница получила название «Fairmont Pease Hotel», но сохранила и даже восстановила утраченные элементы модернистского стиля 30-х годов. Гостей встречает пространство атриума, зала в солнечных тонах, над которым высится восьмигранный стеклянный шатер. Официантки китайского ресторана на одном из этажей щеголяют в стильных «ципао» — облегающих платьях с разрезом вдоль бедра. В баре отеля играл джазовый оркестр Олега Лундстрема, здесь же, в баре, встречался с женщинами и мужчинами по своим шпионско-разведческим делам Рихард Зорге, отдыхал после гонок на призы Китайского автомобильного клуба, членом которого он состоял, соперничая на ралли с председателем клуба — Чан Кай-ши... Оркестр Old Jazz Band, средний возраст музыкантов которого колеблется у отметки 80, регулярно

играет по вечерам, соединяя нас с далекими временами. Оркестранты выступают в белоснежных костюмах, с элегантными бабочками. Когда они на сцене, бар набит битком.

Между домами и пароходами по набережной гуляет публика. Она любит реку и новенькими небоскребами на противоположном берегу — в районе, который называется *Пудун / Pudong*, «Восточнее реки Хуанпу». Там выросли шикарные отели и офисные здания, но выше всех поднялась телебашня «Жемчужина Азии», одна из самых высоких в мире. На ее первом этаже находится музей старого Шанхая, очень колоритный, примечательный предметами старины и восковыми фигурами, которые изображают сценки «той жизни»: аптекари, торговцы, ремесленники, чиновники, в том числе иностранные, судьи, девицы легкого поведения. Поднеся к уху трубку телефонного аппарата на стене, можете послушать граммофонные записи певиц, исполняющих популярные песенки в старом шанхайском стиле.

Там, в Пудуне, в 2010 году развернулись основные павильоны Всемирной выставки.

Погуляв по набережной, проголодавшаяся публика направляется вверх по Нанкинской улице, *Nanjing lu*. Лучше гулять по Нанкин-роуд, как ее звали когда-то, вечерами, окунувшись в море огней. Эта пешеходная улица между высотных зданий всегда полна народа. Хотя нет, не всегда.

— Вышел я как-то с друзьями на Нанкин-лу, — сказал Сеня. — Вечером было дело, где-то после одиннадцати. И обалдели. На улице никого. Огни не горят. Улица пустая. Только ветер мусор гоняет. А за нами нищие гоняются, да сколько еще! Я-то думал, Нанкин-лу, она до ночи не спит...

Нанкинская улица самая известная. Но теперь лицо города высвечивает не она, а другая, более живая, со множеством магазинов — Хуайхай-лу, *Huaihai lu*, бывшая когда-то центральным проспектом французской концессии (территории под управлением Франции) и именовавшаяся соответственно — авеню Жоффр.

Вам не по нраву сутолока торговых проспектов? Тогда стоит нырнуть в одну из боковых улочек и попасть в тихий и еще более респектабельный Шанхай. Например, в окрестностях улицы Поперечные горы — Хэншаньлу / *Hengshanlu*. Гор там не предвидится, зато много уютных кафе и ресторанов, модных магазинчиков (бутиков по-нашему), тенистых сквериков и особняков начала-середины прошлого века.

Конечно, стоит заглянуть в Сад радости Юйюань / *Yuyuan* в самом центре города. Этот парк заложил чиновник Минской эпохи по фа-

миллии Пань — для своих престарелых родителей. Он вложил в строительство так много денег, что, несмотря на свой высокий пост губернатора богатой Сычуани, полностью истощил семейные финансы. За столетия парк не раз подвергался разорению, его разрушали, затем воссоздавали и перестраивали. Этот лучший в городе образец ландшафтной архитектуры интересен также окружающими его тесно стоящими двух-трехэтажными деревянными домами в старом стиле, с опоясывающими фасад резными галереями; узкие проходы между ними кишат народом; в теремах расположились рестораны, сувенирные лавки, магазины, многие из которых торгуют золотыми изделиями.

Немало мест в Шанхае связано с Россией. После октябрьского переворота 1917 года здесь обосновались тысячи людей, которые не хотели терпеть власть большевиков и добрались морем с Дальнего Востока; затем, после вторжения японцев в Маньчжурию, последовала новая волна беженцев, уже из северо-восточного Китая. В «русской истории» города много горьких страниц. Многие бедствовали, не найдя достойной работы, мужчины устраивались официантами, швейцарами, подсобными рабочими, полицейскими в международном сеттльменте, охранниками, соглашаясь на самые сомнительные варианты: так, телохранителями при боссе «зеленой банды» Ду Юэшэне / *Du Yuesheng*, главаре преступного мира по прозвищу «Большеухий Ду», состояли бывшие русские офицеры; женщины шли в продащицы, служили прислугой или гувернантками, пели в ресторанах, оказывали «эскорт-услуги», становились содержанками. Не найдя даже такого заработка, русские нищенствовали, попрошайничали, воровали.

В то же время толковые, активные люди из числа русских эмигрантов с годами прижились, заняли достойное положение в обществе, они издавали газеты, учреждали школы. Благодаря открытым ими модным магазинам, ресторанам, пекарням и кофейням авеню Жоффри (Хуайхай-лу) считалась самым романтичным местом в городе. Русские служили в банках и торговых компаниях, работали инженерами и строителями, руководили балетными и оперными труппами. Здесь пел А. Вертинский, выступал Ф. Шаляпин. Прекрасные стихи писал поэт В. Перелешин, в 50-е годы вынужденный уехать из Шанхая в Бразилию, но всегда мечтавший когда-нибудь вернуться в полюбившийся Китай.

Много славных имен содержит книга «История русской эмиграции в Шанхае», «*Shanghai Eqiao shi*», написанная китайским историком Ван Чжичэном / *Wang Zhicheng* в 1993 году. Она переведена на русский язык

группой в составе Русского клуба в Шанхае, руководимой Л. Черниковой, и издана в Москве в 2008 году. Еще одна книга профессора Вана — «Карта русской культуры в Шанхае», «Shanghai de Eguo wenhua ditu», вышедшая в 2010 году и содержащая множество иллюстраций, фотографий тех далеких времен, уверен, тоже будет переведена и найдет своего читателя. Судьба русским эмигрантам выпала тяжелая, сердце наполняется печалью и гордостью: лучшие из них сумели остаться самими собой и делом отстаивали не только свою честь, но и доброе имя родины.

Ночной бар в русской церкви, было и такое

На одной из центральных улиц Шанхая, на улице Новой радости, *Синьле лу / Xinle lu*, стоит пятиглавый кафедральный Собор Пресвятой Богородицы «Споручницы грешных», построенный русской общиной на собранные всем миром деньги в 1933–1937 годах. На фасаде табличка: охраняется государством как памятник архитектуры.

Одно время, в начале нулевых, во время командировок в филиал своей компании я нередко проходил мимо, любовался стройной красотой и с горечью читал крупную надпись на стене: «Ночной клуб, работает с 1 часа ночи до 2 часов дня».

Как-то, поднявшись по ступеням и прижавшись носом к стеклянной двери, я разглядел в полутьме сразу за входом высокую барную витрину с разномастными бутылками. Товар лицом. Сразу вспомнились российские большевики, устраивавшие в церквях тюрьмы и склады, а то и вовсе сносившие их с лица земли.

Удивляло только, что это было в Шанхае! В городе, который считается цивилизованным, самым европеизированным в стране... Может, думал я, дело в том, что, с одной стороны, в Китае к любым храмам отношение издавна было весьма приземленное, без «придыхания». Почитайте хотя бы записки китаевода академика В. М. Алексеева, который сто лет назад проехал с научной экспедицией пол-Китая. С другой стороны — православие в Китае официально запрещено.

Впрочем, есть люди, для которых судьба храма стала личным делом, а именно — члены Русского клуба в Шанхае, общественной организации, которой руководит М. Дроздов. Они обратились с коллективным письмом к властям города, чтобы кафедральный собор стал местом если не духовного служения, то хотя бы культурным памятником. Хочется верить, что так оно и будет. Не так давно церковь

на улице Новой радости отремонтировали, обновили. Скорее всего, повторится ситуация с храмом Святой Софии в Харбине: здесь будет церковь-музей, что уже немало. Но, возможно, со временем храм обретет изначальное предназначение. Во всяком случае, сдвиги есть: в Соборе Пресвятой Богородицы даже состоялась первая за долгие десятилетия божественная литургия. В качестве исключения, для узкого круга избранных, как символ добрых отношений между двумя странами, под бдительным присмотром властей — но тем не менее.

Бандиты с Банда

Шанхай 20–30-х годов прошлого века стал благодатной темой для авантурных романов и кинофильмов. Сейчас трудно представить бурную жизнь тех времен, когда одна власть сменяла другую и Шанхай был разделен на три части: китайскую, французскую (концессия) и международную (сеттльмент) со своим собственным правлением в каждом секторе, когда его терзала гражданская война и гоминьдановцы воевали с коммунистами и генералами, правящими на севере, когда вдобавок ко всем бедам добавилось вторжение японских войск. Сочный исторический фон дополняли шанхайские триады, попросту — бандиты, делящие город с его дансинг-холлами, контрабандой, опиумными домами и роковыми красотками.

Та эпоха отражена в вышедшем на экраны в 1980 году гонконгском фильме *«Шанхайская набережная»* / *«Шанхай вайтань»* (английское название — «Shanghai Bund») с Чжоу Жунь-фа в главной роли. Он был неотразимо элегантен в черном европейском костюме, в шляпе, с неизменной сигареткой, зажатой щепотью, и привычкой щуриться, прежде чем улыбнуться и кого-нибудь застрелить. Естественно, он был хорошим парнем, которого жизнь заставила стать плохим. (См. также Сашу Белого в «Бригаде», Майкла Корлеоне в «Крестном отце» и других плохих хороших парней.)

Фильм пользовался большим успехом, в том числе и в континентальном Китае. В начале этого века китайское телевидение показало 42-серийный «Новый Банд» («Синь Шанхай тань»). Тот же герой (в другом исполнении) с неизменной сигареткой и в шляпе. Та же пулестойкость и невозмутимость. Единственное отличие: новые зрители (читай — министерство здравоохранения КНР) потребовали, чтобы герой меньше курил. Остальное все как надо. Банд есть Банд, бандиты есть бандиты с их шанхайским лоском и размахом. Бренд со временем только увеличивается в цене.

Пекин — Шанхай: найди 10 отличий

Два самых известных города Китая не похожи друг на друга.

Дома

В Пекине они напоминают мощные крепости, многие жилые и офисные комплексы представляют собой замкнутые структуры, часто с одним входом. Пошло это, наверное, еще от монголов, которые, собственно, и основали город как столицу. Степные кочевники всегда были готовы к бою, и, располагаясь лагерем, создавали временную крепость, размещая повозки по периметру в качестве защиты.

Подобная замкнутость удивила меня в Улан-Баторе, где я работал в начале 80-х. Там невозможно было пройти параллельно дворами вдоль центральной, да и не только центральной, улицы: все проходы между домами перегорожены заборами. Вокруг каждого дома закрытое пространство. От ветра, конечно, защищает, но не от пыльных бурь.

Но вернемся к Пекину. Дома массивные, тяжелые, огромные. Давящие. Или, как заметил один мой китайский знакомый, «толстые».

В Шанхае дома по большей части «тонкие», похожие на паруса. Хотя и «толстяки» встречаются. А что касается отгороженности — в Шанхае тоже принято замыкать группу жилых домов забором, над которым нередко идут ряды проволоки под напряжением — защита.

Улицы

Пекин просторный, плоский, понятный, как шахматная доска, строго сориентированный по сторонам света. Объяснение на виду — он копирует в увеличенном масштабе Запретный город с его центральной осью юг-север.

В Шанхае такого простора и строгой планировки нет. Разве только в новом районе — Пудуне. В старой части дома жмутся друг к другу. Движение в городе построено на американский манер — по скоростным дорогам, которые бегут поверху, по эстакадам, кое-где на шести уровнях. Можно пересечь город с севера на юг и за дорожным ограждением не увидеть земли.

«Шанхай — это Москва, Пекин — это Питер»

Кто это сказал? Да я и сказал. Шанхай больше, народа тоже погуще, и народ поактивнее. Пошустрее. Даже ходят быстрее. Совсем как суетливые москвичи (сказали бы в Питере). Шанхай, считают китайцы, на всех глядит свысока, считает «деревней», любит все иностранное и не признает отечественное.

Водители

В Шанхае они гораздо агрессивнее. Водят резко, бросают машину в просвет при первой возможности. Пекинские водители по сравнению с ними просто верх вальяжности и спокойствия.

Барные улицы

В Пекине долгое время самой известной улицей с полуночными барами была *Саньлитунь / Sanlitun*. На смену ей пришел район *Ши-ча-хай / Shichahai* вокруг императорских озер, к северу от Запретного города.

В Шанхае самая известная барная улица — *Хэншань / Hengshan*. На смену ей пришел квартал на территории бывшей французской концессии под названием *Синь тянь-ди / Xintiandi*. Буквально — Новые небо и земля. Рекомендую. Очень живое, колоритное место. Конечно, идти туда надо на ночь глядя. Музыка в разных стилях, всё кипит, бурлит до раннего утра.

Чем барные улицы/районы отличаются? Шанхайские более европейзированные, цивилизованные. Пекинские попроще, понароднее.

В Пекине — сыхэюани, в Шанхае — шикумэни

Традиционное жилище в Пекине называется *сихэюань / siheyuan*, это одноэтажный дом с флигелями и двориком посередине.

Визитная карточка старого Шанхая — *шикумэнь / shikumen*, двух-трехэтажные кирпичные дома, вытянутые в длину и обнесенные стеной. Она образует замкнутое пространство, и вход в этот жилой городок один, как правило — через каменную арку. Шикумэнь так и переводится — «ворота в каменное хранилище». Они появились в беспокойном XIX веке, когда народные восстания следовали одно за другим. Напуганные ими китайцы, средний класс, искали убежище в таких защищенных единой стеной жилых кварталах, которые находились под боком английских, французских, американских поселений. Количество подобных домов с максимальной плотностью обитающих резко увеличилось в 20-е годы прошлого века, во время индустриализации Шанхая, когда бурное развитие требовало всё новой и новой рабочей силы.

В свое время в шикумэнях жило до 80 процентов населения. Сейчас многие из них уже снесли. Некоторые перестраивают. Например, барный район Синь тянь-ди — это бывший шикумэнь. Учредительный съезд коммунистической партии Китая в 1921 году проходил в шикумэне аккурат в Синь тянь-ди.

Шикумэни долгое время доминировали в районе парка Юйюань в центре города. Первый этаж по сторонам узких проходов между домами и по периметру внутренних двориков занимали магазинчики площадью полтора на два метра, где торговали сигаретами, едой, батарейками, всякой всячиной, лишь бы ценою подешевле. Здесь же стригли-брили, починяли.

Будете в Шанхае, непременно отведайте местное желтое рисовое вино, которое называется в честь знаменитых домов — «*Shikumen*».

Сушка белья

В Шанхае принято вывешивать его на шестах, которые выставляются из окна и опираются на квадратную раму; дома ошестиниваются частоколом палок повсюду, включая центр. Особенно густо — в наших любимых шикумэнях. Пройдясь по улицам, вы можете в считанные минуты ознакомиться с последней шанхайской модой на нижнее белье, и женское, и мужское.

В Пекине такие выставки запрещены — столица как-никак.

Кстати, знаете, почему белье сушат на улице, и не только в Шанхае? Китайские хозяйки, старшее поколение, считают, что солнце убивает микробы эффективнее, чем всякие там стиральные порошки.

В Пекине мачо, в Шанхае — заботливые мужья

Считается, что мужчины в Шанхае сплошь подкаблучники. Сюсюкают с женами, готовят еду, угождают, потакают во всем. Кто так считает? Да все остальные мужчины из всех остальных городов Китая. Они-то сами, конечно, настоящие мачо, мужественные, немногословные, решительные. Не то что эти шанхайские суслики.

В самом деле, шанхайские мужчины более галантные. Бытует мнение, что подкаблучничество началось, когда иностранные державы через Шанхай начали свое проникновение в Китай. Иностранные гости требовали обслуживания. Постирать, погладить, приготовить еду, прибраться. Платили щедро. Развитие сферы услуг, в которой прежде всего были задействованы женщины, создало ситуацию, когда они, а не мужчины, стали основными кормильцами семьи.

Но есть и другая точка зрения: Шанхай как самый космополитичный город воспринял стиль жизни, похожий на европейский, подразумевающий галантное отношение к дамам.

Еще два отличия

Их вы можете найти сами. Присылайте, лучшие авторы получают призы и неизбежную славу.

Почему в Китае недолюбливают шанхайцев? Разные шанхайцы

Шанхайцы считаются этакими снобами, которые на всех остальных смотрят сверху вниз. В то же время — крохоборами, прижимистыми скупердяями.

На самом деле шанхаец шанхайцу рознь. Коренного шанхайца так же трудно отыскать, как и коренного москвича.

Те шанхайцы, о которых в Китае злые языки говорят, что они «удавятся за лишний фэнь на овощном рынке», что они себе на уме, заносчивы и эгоистичны, это ведь не настоящие, не коренные шанхайцы. Негативный образ создали пришлые искатели удачи, которые за десятилетия миграции в крупнейший город-порт, борясь за место под солнцем, не деликатничая, неуклонно вытесняли на окраины коренных жителей, более консервативных, менее предприимчивых. Их потомки, унаследовав родовые черты, прибавили к ним знакомство с Западом, обрели лоск, а заодно и комплекс превосходства.

Но настоящие-то шанхайцы не такие. Где они сейчас? В основном в пригородах, куда их вытеснили новые шанхайцы. Там жилье дешевле. И эти пригородные шанхайцы тоже не любят самодовольных новых из центра, придумали для них обидное прозвище gang du («придурки»). Доходит до того, что «старые» молодые шанхайцы ищут себе жену (мужа) тоже из пригорода, считая, что «центровые» не годятся для семейной жизни.

Придумано китайцами: — самое первое вино

Если вы были уверены, что самое первое вино в мире тоже было сделано в Китае, спорили с друзьями, горой стоящими за первенство аккадо-шумеров, но не имели доказательств, то радуйтесь.

Китайские археологи нашли в центре Китая, в местечке Цзяху провинции Хунань осколки глиняного сосуда с остатками органического вещества.

Анализ показал, что в сосуде когда-то плескалась хмельная жидкость, а именно — ферментированный напиток на основе риса, меда и фруктов. А значит, вино. И относится оно к эпохе неолита, то есть ему 9 тысяч лет.

А вы сомневались?

Циндао — это не только пиво

Это еще и город. И красивый город. Нет, конечно, он славится на всю страну своим замечательным пивом. Но все-таки Циндао-город — это не только пиво.

Ночь поездом от Пекина или час лёта — и вы на берегу Желтого моря, на юго-востоке полуострова Шаньдун. «Узкие, вымощенные камнем извилистые улицы, красные черепичные крыши в зелени деревьев, остроконечные шпили католических храмов...» Это не цитата из путеводителя по Лейпцигу, Калининграду или Вильнюсу. Это Циндао.

Циндао / Qingdao значит «зеленый остров», хотя это вовсе и не остров, но лишь полоса земли вдоль моря. Он так и оставался бы исконно китайским рыбацким поселением, если бы в 1897 году в провинции Шаньдун не произошло убийство двух немецких миссионеров. За это кайзер Вильгельм II потребовал от китайского правительства отдать Германии Циндао на 99 лет, в аренду. Отдали. Немцы строили Циндао как свой город, многие дома повторяют образцы германской архитектуры. Католический собор, поставленный на приметной высоте, действует до сих пор, недалеко от него стоит и протестантский храм. Немцы расширили порт, построили железную дорогу и протянули водопровод от горных источников в горах Лаошань. Их чистейшая вода стала основой знаменитого пива «Циндао». В 1903 году немцы построили здесь завод, который стал одним из основных предприятий пивной промышленности. (Самое первое пиво в Китае стали варить в Харбине.)

Циндао оставался германским до окончания первой мировой войны, когда по Версальскому договору город, как и другие владения Германии в Китае, был передан Японии, несмотря на протесты китайского правительства. Но в 1922 году в результате демократического движения, развернувшегося в Китае с мая 1919 года, Циндао снова стал китайским.

Город протянулся узкой полосой вдоль побережья, поднимаясь в горы и спускаясь с них. Велосипедистов мало, слишком уж тяжело крутить педали на крутых подъемах, здесь в ходу мотоциклы и мопеды. По центральной набережной вечерами гуляют туристы и покупают морских коньков, ракушки и прочие сувениры. Символом Циндао служит длиннющий пирс, который заканчивается резным деревянным Павильоном вернувшейся волны, *Хуэй-лан-гэ / Huilangge*.

К востоку от города раскинулся один из самых замечательных природных парков Китая — Старые горы, *Лаошань / Laoshan*. Недаром эти

вершины на берегу моря в стародавние времена облюбовали даосы, здесь они искали свой Путь. Это одно из самых «даосских», можно сказать, «Путёвых», или даже «Путных» мест во всем Китае, его называют «Пристанищем Бессмертных». Когда-то, в конце XIII века, на рубеже эпох Сун и Юань здесь находилось более 100 храмов! Даосы ценили нетронутую природу, искали непоколебленный покой в горах, где храмы и монастыри тонут в облаках и морском тумане, где в ущельях бьют источники с кристально чистой водой, где цветы и травы источают неземной аромат, в который бриз добавляет морскую свежесть. Здесь даже чай выращивают особенный: со вкусом моря. Именно в этих облачных горах средневековый писатель Пу Сун-лин сочинял «Рассказы Ляо Чжэя о чудесах» — истории о красавицах-лисах, которые соблазняли робких студентов, о монахах-чудотворцах и горах на выдумки злых волшебниках. Здесь, в горах Лаошань, понимаешь, что чудеса возможны.

Как возможна и рыбалка. С прибрежных скал я пробовал ловить угря. Почти поймал! Рыболовы поймут... Какая-то рыбина засеклась (ну, явно угорь), но увы, затянула леску в камни и оборвала. Зато желтого горбыля наловил (золотистая жирная рыбешка), улов нам зажарили в ресторанчике на берегу.

Харбин, «самый русский город» Китая

Этот город на северо-востоке для прилетающих по небу гостей одно время начинался с «раздевальной». «Раздевальная» — такая вывеска украшала кабинку в проходе от стойки регистрации к посту проверки документов и личного багажа. Для чего там раздевались женщины, мужчины, а также старики и дети, осталось для меня неразгаданной тайной. На все расспросы служащие давали честный и прямой ответ: «Это для людей, которым надо переодеться».

— Это ты зря думаешь, что только в Харбине есть «раздевальни», — сказал Сеня. — Они и в Бэйдайхэ есть на пляже. Это курорт на Желтом море, три часа езды от Пекина на машине, там наших всегда много, и вывески на русском есть. И на пляже написано: «Раздевальня. Муж.», «Раздевальня. Жен.».

Возможно, китайские переводчики в Бэйдайхэ и в Харбине пользовались каким-нибудь одним и тем же китайско-русским словарем какого-нибудь 1911 года издания. Или даже 1868 года какого-нибудь. К сожалению, не так много людей в Харбине знают русский. Иначе не красовалась бы одно время на центральной пешеходной улице надпись по-русски: «Центрального Универмага» — над обычным магазином.

Почему просклоняли универмаг? Откуда обломком былых гордых кораблей торговли выплыл этот «центрального универмага»? Остается загадкой.

Хотя всем известно, что своим появлением Харбин обязан Транссибирской железной дороге, построенной русскими. Точнее, ее конечному участку — Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), протянутой в 1897–1903 гг. от станции Маньчжурия (сейчас с нашей стороны это Забайкальск) до порта Люйшунькоу (в тогдашние времена Порт-Артур). Еще одна ее ветка вела из Харбина в Приморье.

Город задумывался как центр КВЖД, первые здания были заложены в 1898 году. Командовал всей жизнью Харбина и вокруг него Д. Л. Хорват (1858–1937), управлявший КВЖД восемнадцать лет, с 1902 по 1920 год. Это был выдающийся организатор и политик, умеющий ладить с китайскими властями и заботящийся о вверенных ему людях. Во многом благодаря его стараниям город вырос красивым, уютным, зеленым. Принимали паству храмы — православные, католические, иудаистские, мусульманские, работали театры, издавались журналы и газеты, кипела духовная и культурная жизнь.

На самом крупном блошином рынке города в одном из магазинчиков, заставленном граммофонами, утюгами, швейными машинками, радиоприемниками и самоварами, с залежами значков и монет, с царскими серебряными рублями, почерневшими металлическими нагрудными жетонами «Рабочий» и «Стрелочник» КВЖД и другими предметами старины, включая даже малый колокол якобы из звонницы харбинского Свято-Никольского кафедрального собора, мне показали подборку пожелтевших газет на русском языке — «Заря», «Друг женщины», «Известия», «Вечером» и других, программки выступлений симфонического оркестра, концертов А. Вертинского... В Харбин после октябрьского переворота 1917 года бежали более ста тысяч подданных Российской империи, спасаясь от большевистского террора. Китайцы и русские прекрасно уживались друг с другом. Это был город с самой большой русской общиной. В речь местных китайцев вошло много наших слов.

— Я была маленькой и думала, что бумага это «бу-ма-га», — сказала мне как-то харбинка, осевшая в Пекине. В начале 60-х ей было лет восемь-десять. — Когда узнала, что бумага по-китайски «чжи», страшно удивилась. То же самое с ведром, говорили — «ве-де-ло», а не «матун», и хлеб называли — «ле-ба» или «сайка».

К сожалению, в городе осталось мало зданий той, довоенной поры, поры процветания, а те, что пока стоят, находятся не в лучшем состоянии. Гораздо целее сохранились построенные в годы «великой дружбы

двух народов» здания в советском архитектурном стиле: институты, больницы или, например, Дом культуры рабочих — желтого цвета, с белыми колоннами. Такого же цвета каменные заборы окружают некоторые городские парки. Харбин в 50-е годы рос как центр промышленности северо-востока, обширные участки до сих пор занимают несколько машиностроительных заводов. Может, поэтому город производит впечатление тяжелого на подъем, грубоватого, простоватого, утратившего особенности русской культуры, но не имевшего и глубоких корней китайской.

Тем не менее русский колорит служит главной приманкой для туристов, которые приезжают сюда со всей страны. Власти стараются если не усилить этот колорит, то по крайней мере сохранить. Подобная московскому Арбату пешеходная улица и окрестные переулки в центре города пестрят вывесками на китайском языке — «Русские товары». Матрешки, шоколадки, якобы «икра», водка известных, малоизвестных и вовсе безвестных производителей, в общем, обычный набор, рассчитанный на туристов.

Но есть и достойные товары, например, копченые и полукопченые колбасы под торговой маркой «Qiulin» — это транскрипция фамилии Чурин (молодцы те, кто так красиво перевел фамилию, буквально — «осенний лес»). Имя выдающегося русского предпринимателя и купца Ивана Яковлевича Чурина (1834–1895), основавшего на Дальнем Востоке торговую империю, просуществовавшую с конца XIX в. до середины следующего, знают здесь все. Он поставил на поток производство русских продуктов, открыл в Харбине несколько магазинов. На торговом проспекте в центре города, недалеко от вокзала, стоит магазин, который раньше назывался «Торговый дом И. Я. Чурина и Компания». Я застал его в начале нулевых годов в довольно странном виде: вытянувшееся вдоль улицы четырехэтажное здание было выкрашено в темно-зеленый цвет, словно забор в пионерском лагере. Внутри на этажах обычный для Китая магазин, а русским духом пахло только в подвальном этаже, где продавался хлеб. Теперь дом отремонтировали, он красив и производит внушительное впечатление.

Круглые высокие караваи белого хлеба нежны на вкус, аромат такой, что нельзя удержаться, чтобы не отщипнуть кусочек. Их продают уважительно: каждый в полотняном мешочке с надписью «Heliebo», «Qiulin corp since 1900». К мешочку привязана картонная коричневая бирочка, на манер тех, что крепятся к фирменным джинсам, с той же надписью и пояснением: сделано на предприятии, основанном русским человеком Чуриным, говорится, что «большой хлеб» («da mianbao»,

«dalieba») выпекается по старинному русскому рецепту и отмечен многими наградами как выдающееся произведение пищевой промышленности.

Как сказали мне знающие харбинцы, в день выпекается всего 200 фирменных караваев — чтобы всегда продавался на прилавке свежим.

И. Я. Чурин привил китайцам любовь к конфетам «раковая шейка». Коробки с ними занимают почетные места в кондитерских отделах магазинов в разных городах Китая. Впрочем, раковые шейки продаются и в более дешевом — «рассыпном варианте».

Еще один чуринский магазин сохранился на улице, которая когда-то называлась *Kitaïskaya*, а теперь зовется Центральная, *Чжунъян / Zhongyang*. Эта пешеходная улица ведет к набережной Сунгари. На ней принимает заезжих гостей гостиница «Modern», построенная в 1913 году, как гласит табличка у входа, «русским еврейским купцом Иосифом Каспе (Joseph Caspe)», известным предпринимателем. Гостиница служила культурным центром, в ней работали концертный зал, кинотеатр, кафе и рестораны. В 1933 году, во время японской оккупации, сын Иосифа — Симон, талантливый пианист, родившийся в Харбине и получивший образование в Париже, был похищен и убит, когда шел на свидание к девушке. Его нашли спустя полгода, уши были отрезаны, тело обморожено. «Инцидент Каспе», как это называли газеты, вызвал волну протестов и негодования в адрес японских оккупантов в Харбине и других городах Китая.

На табличке в ресторане западной кухни «Цветущая слива», *Хуамэй / Huamei* на Центральной улице тоже отмечается национальность основателя: «русский еврейский предприниматель Цукерман». Здесь нет национализма, наоборот, в Китае к евреям относились и относятся с уважением, ценят их деловые качества, а еще — заботу о детях, семейственность. Какое-то время в Харбине жили 20 тысяч евреев.

Что их привело сюда? Спасались от погромов, от первой мировой, от революции, ехали в поисках лучшей жизни в числе других работников железной дороги. В Харбине были в то время две синагоги и самое большое еврейское кладбище на Дальнем Востоке. Сейчас, почти сто лет спустя, власти собираются восстановить одну из синагог — Новую, которая была построена в 1921 году, устроить в ней музей еврейской истории и культуры.

Храмы

Кладбищам и церквям, построенным выходцами из России, выпала незавидная доля. В «культурную революцию» Успенское кладбище, пожалуй, самое большое, разрушили, а могильные плиты использовали

для укрепления склонов реки и для устройства набережной Сунгари. Русские харбинцы с тоской вспоминают, как несведущие ступали по плитам с крестами и именами словно по обычному булыжнику.

В 20–40-е годы прошлого века колокольным звоном на праздники Харбин заливали десятки больших и малых православных церквей. Многие были уничтожены в ту же «культурную революцию». Так же, как буддийские или даосские храмы, кстати сказать. Лишь немногие православные церкви уцелели. «Красные охранники» не смогли своими силами, без подручной взрывчатки и техники, их разрушить. Так прочно, на века, были построены.

Одним из украшений города остается храм Святой Софии, напоминающий собор Василия Блаженного в Москве. Он был построен русскими в 1903 году. После народной революции в Китае его приспособили под склад. В конце прошлого века власти решили: пусть будет музеем православной веры. Пока же в соборе мало-помалу восстанавливают разрушенное. В последнее время там появились большие, новые писанные иконы. Я застал в соборе выставку фотографий, львиная доля которых рассказывала о жизни русского Харбина до 30-х годов прошлого века. Подумалось: «Если бы он, как Гонконг, имел возможность развиваться без войн и политики, то превратился бы в культурный и экономический центр всего Дальнего Востока».

А еще в Харбине собираются восстановить красивейшую каменную пятиглавую церковь Иверской иконы Божией Матери, построенную в 1907 году в память погибших русских воинов.

Но более заметным событием стало бы воссоздание Свято-Никольского кафедрального собора. Трехглавый храм, высокий и просторный, возвели из дерева в 1900 году на возвышенности в самом центре города, в начале коротенькой Вокзальной (ныне Красной армии) улицы, ведущей вниз к харбинскому вокзалу. Редкая красота храма привлекала верующих и неверующих. В нем находилась икона святителя Николая, которому поклонялись и новообращенные православные, китайцы. Они называли его «старик-вокзал» («huochezhan laoren», или «laoren zhan»). По воспоминаниям старых русских харбинцев, однажды в храм явилась с благодарностями семья лодочника-китайца, который, как оказалось, чуть не утонул, когда лодка перевернулась на Сунгари. Он взмолился, мол, помоги, «старик-вокзал», и — выплыл. В 1966 году, в самом начале «культурной революции», храм святого Николая разрушили хунвэйбины. Пригнали семь тракторов и растащили бревенчатые стены в разные стороны.

О восстановлении храма в наши дни заговорили сами харбинцы, которые с детства помнили его облик. Но им возражали другие,

утверждая, что Свято-Никольский собор — это «символ царского колониализма». В итоге копию храма создали на окраине города, он служит как туристический объект. Кстати, очень характерный момент. В народе китайцы называли собор как угодно, только не собором Святого Николая. Так его именовали лишь верующие, православные китайцы. В народе же бытовали совсем другие названия. Тот же «старик-вокзал». Или Башня ламы, *Лама-тай / Lamatai*. Почему Башня ламы? Лама — буддийский священник. Какое отношение лама имеет к святому Николаю? В том-то и дело, что для основной массы китайцев чужие религии были и остаются делом совершенно непонятным. Что лама, что православный святой...

Сейчас на месте старого храма — круглая площадь. Вроде нашей Лубянской. А в центре клумба.

Там же, на вокзальной площади, вернее, на выходящей к ней улице Красной армии, есть еще одно приметное здание, построенное администрацией КВЖД в 1901 году. Двухэтажный длинный особняк служил гостевым домом, первой «роскошной гостиницей Харбина», где останавливались высокие гости, например, последний император Китая Пу И. Служило здание и конторой, и госпиталем во время войн, затем, в годы дружбы, гостиницей для советских специалистов. Их фотографии с женами и китайскими коллегами украшают каминный зал. Сейчас это опять гостиница, с названием «Ворота дракона», *Лунмэнь / Longmen*, в которой на первом этаже ждут гостей рестораны с «речными» залами: Зал Волги (самый роскошный), Зал Днепра, Зал Дуная, Зал Темзы.

— Был я, был в этом ресторане, — поморщился Сеня и налил Мудрецу Суну чая погорячее. Они сидели вечером в забегаловке на берегу Сунгари, ели пельмени и смотрели, как хлынувший дождь полощет тополиную аллею на набережной. — Вот что скажу: кормят хорошо. А русской водки не оказалось! Ты представляешь? — Он посмотрел на Отшельника Суна. Мудрец покачал головой, он явно этого не представлял. — Нет, подумать только, весь Харбин забит русской водкой и настойками, всякими там кубанскими, медовыми, перцовыми. А в этом ресторане — нет! Причем ресторан-то русский! Мы в зале «Енисей» сидели, одном из лучших. Я говорю официанту, почему нет русской водки? «Не спрашивают!» — отвечает.

Что сказать Сене? Это еще одна загадка Китая. Иные скажут: мистификация какая-то! Но тем Китай и интересен...

Харбин славится зимними удовольствиями и праздниками, самый яркий из которых — фестиваль ледовых скульптур. Он проводится ежегодно в начале февраля. Сюда приезжают поморозиться туристы

с юга. Весь Харбин мастера холодного ваяния заставляют ледовыми башнями, стенами, рыбами, львами, цветами. Основа фестиваля — ледовый город. Недалеко от реки Сунхуацзян (Сунгари) из ее же собственного льда строится призрачный город с пагодами и церквями, драконами и мостами, диковинными животными и птицами, буддами и бодхисаттвами (о, вездесущая Гуаньинь!), с ледовыми горками и катками, всё это великолепие подсвечивается цветными прожекторами, фонарями и огоньками и являет собой совершенно фантастическую картину. Здесь можно увидеть знаковые здания мира — от Тадж-Махала в Индии до московского собора Василия Блаженного.

Любите острые ощущения? Приезжайте сюда в холода покрепче. Так получилось, что впервые я попал в Харбин в 40-градусный мороз. И так было холодно, без всяких ледовых городов. Но китайские друзья сказали, что непременно надо туда наведаться. Хозяев следует уважать. И вот нас привезли под вечер в царство зимы, где сверху лед, с боков холодрыга, а снизу стынь... Сказочный город тогда строили на самой Сунгари. К великому удивлению, я оказался чуть ли не единственным на этом ледовом празднике в меховой шапке. Китайские люди, мужчины, женщины, старики, юноши и девушки, даже дети — максимум были в вязаных шапочках. Супермаксимум — капюшон. А мороз, повторюсь, 40-градусный. Смотреть на незащищенные головы было невозможно. Мы с коллегами позорно бежали, прямиком в теплый ресторан, и лишь еще более крепкий хэйлунцзянский пшеничный самогон (а таковой пользуется признанием в народных массах Северо-Восточного Китая) и наваристый суп из говяжьих потрохов с картошкой вернули меня к жизни. Вернулось и удивление. Возможно, китайские люди боятся потерять лицо, нахлобучив шапку? Кто разгадает эту загадку, может получить Нобелевскую премию. А может и не получить.

— Да просто шапки дорогие, а народ бедный. Хотя кто знает... Что они, беднее нас, что ли? Я вот еще чего думаю, — сказал Сеня, — это у нас в России все знают, что мороза надо бояться. А в Китае, может, не все знают. Вот, к примеру, я в Москве жил возле Университета дружбы народов на Юго-Западной. То и дело зимой видел негров, по-нашему, теперь, афроамериканцев, — в одних пиджачках. Тут в пальто мерзнешь, а он идет себе налегке и посвистывает. Просто не в курсе, что мороза надо бояться. Там же, в твоём ледовом городе, только туристы околачивались, а они все с юга.

У южан, и не только у них, стало модным катание на горных лыжах в окрестностях Харбина. Съездил и я на одну из спортивных баз километрах в 60-ти от города, на гору с названием Шапка (Mao er shan).

Что сказать — всё вполне современное, горка высотой 1200 м, масса народа, в том числе детишек, работают подъемники, разные уровни, для начинающих и для опытных, прокат лыж и прочего инвентаря. Снега правда, не выпадало давно в тот сезон, пришлось довольствоваться искусственным.

Власти поощряют «русский колорит» порою довольно своеобразно. На острове Солнечный, *Тай-ян дао / Taiyang dao*, у северного берега Сунгари напротив центра города «воссоздали русскую деревню». На входе вместо билета тебе вручают красный «русский паспорт». Село больше всего напоминает пионерский лагерь. Бревенчатые избы с «огородами» и «свинарниками» перемежаются дощатыми домиками с магазинами «русских товаров», в числе которых — разные виды водки весьма левого вида, реликтовые болгарские сигареты «Стюардесса», виски такого же левого ряда, бразильский кофе. В общем, типично русские продукты.

Для заработка, для привлечения «новых китайцев» на острове выстроили концертный зал, для которого, как сказала русская женщина-экскурсовод из «русского дома», босс «даже пробил стриптиз». Внешне зал напоминает павильон с выставки народных достижений в Москве. Вообще в Харбине иногда кажется, что перенесся в СССР. Такое впечатление закрепляется на набережной, где есть Парк Сталина. Центральной скульптурной композицией там служит обнаженный бирюзового цвета юноша (не Халк) без ничего, схвативший за ухо зеленого дракона. Символ борьбы с наводнениями? Нет. Памятник борцам с наводнениями стоит дальше по набережной. Аллегория борьбы с зеленым змием? Но китайцам-то он зачем? Они не увлекаются. Разве что предупреждение нашим людям, российским туристам?

Еда в Харбине похожа на русскую. То есть мясо — большими кусками, много картошки, капусты, вкуснейшие овощные и мясные супы, ну, конечно, с поправкой на влияние подпирающей с юга колоссальной массы остальной китайской кулинарии. Очень популярна кислая капуста. Знаменитая холодная закуска здесь — кислая капуста с крахмальной лапшой, приправленная уксусом.

Харбинские пельмени славятся на всю страну. В Китае пользуются высокой репутацией фирменные рестораны Король пельменей Востока, *Дунфан цзяо-цзы ван / Dongfang jiaozi wang*. Пельмени сочные, с тонким тестом и щедрой начинкой, на любой вкус. Могу сказать, не раз отведав их в Харбине в дни китайского нового года, что по соотношению цена-качество им найдется мало равных в Поднебесной.

Теперь о земном, вернее, водном: в Харбине, как, наверное, ни в каком другом городе Китая, любят бани. Их здесь огромное количество. В китайских банных заведениях, замечу, можно и поспать, и поесть, провести и день, и два, даже больше при желании. Ильф и Петров написали бы, что харбинцы рождаются, чтобы помыться. Почему харбинцы любят баню? Может, влияние банной России сказывается, может, холодная погода способствует тяге к отдыху в горячей воде. Бани в Харбине на любой кошелек — от скромных помывочных халуп до дворцов с целым комплексом сопутствующих приятных услуг. Наблюдается даже разделение по ведомствам и профессиям. По госномерам машин, которые вечерами выстраиваются на стоянках у таких бань, можно легко установить, люди каких чинов и примерно из каких организаций здесь парятся. Бывают, однако, ведомства, избегающие публичности. Для таких клиентов предусмотрена особая услуга: привратники закрывают номера машин тряпочкой.

Еще в Харбине любят пиво. Любовь к нему, понятное дело, тоже из России. Харбин стал пионером в деле китайского пивоварения. Местный ежегодный двухнедельный пивной фестиваль в июле соперничает с такими же праздниками хмельного напитка в городах-конкурентах — Даляне и Циндао. Что удивительно, пиво везде замечательное! Но в чем Харбин совершенно точно их опережает, так это в колбасном сопровождении. Оно неповторимо.

Покидая город, ты точно знаешь, откуда уезжаешь. Самолет, поезд или автобус пропитаны ароматом «чуринской» колбасы горячего копчения, совершенно в русском стиле, под названием *хун-чан / hongchang*. Эти два слога произносятся двумя вторыми тонами — просьба не путать с Красной площадью, которая тоже *hongchang*, но только со вторым и третьим тоном... Таким образом, украшение российской столицы от харбинской колбасы отличается всего лишь понижением тона в одном слоге... Это к разговору о трудности китайского языка.

Оттуда же, из Харбина, пошел в китайский народ становящийся популярным напитком *гэвасы / gewasi* — квас. Я пил его в Харбине, пробовал в пекинском ресторане Король пельменей Востока. Что сказать? Подслащенная и подкрашенная водичка. Квасом и не пахнет, даже несмотря на то, что написано — «хлебный». Но людям всегда хочется чего-то новенького. Этим интересом воспользовалась крупнейшая китайская компания прохладительных напитков *Вахаха / Wahaha*, которая тоже начала выпускать и широко рекламировать *гэвасы*. Ну и ладно!

Муданьцзянские кричалки, пищалки и топталки

В мае солнце в Муданьцзяне встает рано, еще нет и четырех, а на улице уже светло, как днем. «Ох, уж это единое китайское время!» — вздыхаю я. Но шторы в номере гостиницы плотные, задвинул, и можно еще спать. Хотелось поваляться подольше — после четырех часов езды накануне вечером на машине из Харбина, вверх-вниз через зеленые сопки, по полям, где бережно растят здешнюю гордость — грибы «древесные ушки», *муэр / tuer*, торчащие на вертикальных колбасках из опилок, завернутых в полиэтилен, словно эскимо на палочке, где в парниках выращивают огурцы и прочую зелень, где земля в долинах влажная, пропитанная водой, подходящая для качественного, славящегося своим ароматом заливного риса, недаром это пространство между Сунгари и Уссури называют «малым Южноречьем» — по аналогии с плодородным краем к югу от Янцзы, а в посаженных людьми лесах на склонах гор на всем пути не увидишь частных домов или дач (зеленый пояс охраняется государством), по шоссе весьма добротному, а участками просто великолепному.

Не тут-то было. Поспать как следует не удалось.

В начале седьмого утра под окнами стали раздаваться крики и песни. Я ночевал в номере на самом высоком, 27-м этаже гостиницы «Гавайи», но и сюда донесся «веселый» шум. Выглядываю в окно. Внизу, на стоянке машин, выстроились группы людей. Сначала всего три. Потом добавляются новые. Они что-то скандируют, маршируют, поют.

Спускаюсь вниз, спать все равно не получится. К тому же неплохо бы снять это дело на видео. Выхожу к людям. Особенно мне интересен отряд в пятнистой полувоенной форме, зеленой с черными разводами, занявший позицию у входа в магазин модной одежды, с крупными буквами Lee на фасаде. В строю преимущественно женщины, девушки — видимо, продавщицы, кассирши и кладовщицы этого магазина. Они строятся, согнув руки в локтях, прижав кулачки к груди и семеня ножками в кроссовках, башмачках и туфлях на платформе, перестраиваются, рассчитываются на «первый-второй», маршируют туда-сюда. Командует молодой парень. Военизированные дамы сначала не горят энтузиазмом, но постепенно разогреваются, щеки начинают краснеть, ножки топают по асфальту все отчаянней. По соседству с ними в два ряда выстроились и кричат «раз-два!» работники стоящей неподалеку гостиницы «Цили» — в банданах, сделанных, похоже, из алых пионерских галстуков. Командует ими загорелый крепыш, которому не мешало бы сбросить пару десятков килограммов. Может, поэтому

подчиненные не слишком внимательно его слушают и даже смеют давать советы. Мое внимание привлекает женщина средних лет, с капризным лицом, в солнцезащитных очках и модных туфельках. Явно начальница отдела. Поначалу мне показалось, что происходящее ей не по душе. Но нет — смотрю, не отстает от других, с готовностью подчиняется приказам: «Направо!», «Налево!», «Равняйся!», кричит и шагает, как и все.

Не все группы соблюдают форму одежды. Какой-то отряд проводит разминку в чем есть — то есть в гражданском. Но входящие в него мужчины и женщины тоже стараются, топают, поддерживают настрой. Общий маршевый разгул прерывает строгий мужчина в белой рубашке, менеджер автостоянки: отряды мешают въезду и выезду машин. Группам приходится нехотя перебазироваться подальше, к началу пешеходной улицы, которая служит ночным рынком.

Перехожу назад улицу, возвращаясь поближе к своему отелю, к магазину, где торгуют «русскими товарами», которые, очевидно, призван символизировать выставленный в витрине макет пулемета «Максим» в натуральную величину. Местный отряд уже всю разошелся. Девушки и женщины в одинаковых красных майках, почему-то с веселым Губкой Бобом Квадратные Штаны на груди (тоже русский товар?) кричат и пищат на пределе сил — так, что закладывает уши. Рядом с ними утреннюю корпоративную повинность отбывают девицы из кондитерского магазина, где они вручную делают шоколадные изделия. Шоколадницы ведут себя скромнее, тише. Чуть дальше — кричат и бегают трусцой по кругу работницы и работницы ресторана и центра отдыха (баня плюс массаж) при гостинице «Гавайи», в красных пионерских галстуках. Все отряды стараются перекричать друг друга. Речевки и скандирование сливаются в хаотический шум.

Мне не в диковинку такие построения с пением, пританцовкой и выкрикиванием лозунгов: «Завтра будет лучше, чем сегодня! Работаем старательно, работаем вместе!» Подобным образом любят возбудить и зажечь трудовые массы боссы парикмахерских салонов в Пекине, я нередко люблю танцевально-песенными построениями возле разных цирюлен по дороге на работу. Но не только они привлекают внимание. Обычная картина — повара и официанты в белой униформе у ресторанов по утрам. Утренний развод. Менеджеры журят провинившихся и ставят задачи на день. Со временем такие построения стали устраивать офисы компаний по недвижимости (аренда и покупка жилья), расплодившиеся в Шанхае, Пекине и других городах как грибы после дождя. Эти заведения с десятком-другим сотрудников располагаются на первых этажах, поближе к клиентам. С одной из таких

контор пришлось даже поконфликтовать — еженедельные получасовые построения с пением и скандированием, выстраиванием в круг, общими приседаниями под экстатические кричалки мешали работе нашего пекинского офиса.

Но с подобным размахом и массовостью столкнулся впервые здесь, в Муданьцзяне. Очевидно, сказывается влияние и близость Кореи. Это оттуда через размножившиеся в Китае корейские рестораны, где подобным образом воспитывают персонал, поднимают дух, так сказать, и пришло поветрие маршей у ворот. Ведь Корея совсем недалеко от Муданьцзяна. Сюда приезжают туристы из Северной и Южной Кореи, в городе и окрестностях живет много этнических корейцев, которые соблюдают свои обычаи, в том числе в еде: в их ресторанах предлагаются блюда из собачатины.

Это же блюдо в качестве основного преподносят корейские ресторанчики при входе в главную муданьцзянскую достопримечательность — природный парк у Зеркально-тихого озера — *Цзинпоху / Jingpo Hu*, в часе быстрой езды на юг от города. Геопарк, признанный ЮНЕСКО, удивляет тем, что на входе ты должен приложить палец к аппарату, который снимает отпечаток. Почему? Билет действует 48 часов, а отпечаток нужен для контроля, чтобы ты, нагулявшись вволю, не передал его кому-нибудь другому для проникновения на заветную территорию. В живописном парке можно переночевать в гостинице, надышаться свежим воздухом. Осмотр начинается с водопада, его стены черные, так же как и камни вокруг, — вулканическая порода, базальт. 10 тысяч лет назад лава, исторгнутая вулканом, перегородила течение реки Муданьцзян. Местные коллеги с гордостью сообщают, что это одно из самых длинных озер в мире, образованных в результате вулканической деятельности, его протяженность — 45 километров, причем весьма интересен окружающий район, с кратерами, пещерами, участками девственного леса, озерцами и речушками. Можно прокатиться на пароходике по главному, изогнутому в виде буквы S озеру, а потом попробовать свежую, только что выловленную в нем рыбу.

Цзинпоху славится чистотой, в нем водятся десятки видов рыб: карп, сазан, налим, окунь и многие другие. Принимавшие нас друзья, местные старожилы, постарались и буквально заставили стол блюдами с тушеной, отварной, жареной рыбой. Мне особенно понравился приготовленный на пару «толстоголовик», *пан-тоу-юй / pangtouyu*, но более всего — деликатесные «краснохвостики», *хун-вэй-юй / hongweiyu*, светлые вытянутые, подобно плотвичке, рыбешки, прожаренные поваром так же, как солнечные пескаррики и карасики на маминой

сковородке в далеком детстве: можно есть с хвостиком и даже с головой. Эти рыбки водятся только здесь.

Муданьцзян — город с приятным для русского уха именем, с обилием сирени в садах и палисадниках, очень молодой, без длинной истории, но, как многие города китайского северо-востока, чтущий героев войны с Японией: в парке на берегу реки установлен памятник 8 женщинам-бойцам, отдавшим жизнь в боях с захватчиками, — предстает как весьма живой, энергичный, с народом по большей части молодым, деловым и неизбалованным. Об активности жизни говорит большое количество такси: в любое время суток в любом районе. На улицах то и дело встречаются крепкие такие мужички, хотел написать накачанные, нет, скорее налитые, в теле, — значит, питаются хорошо. Но Муданьцзян не забывает и про науку, здесь несколько вузов, в том числе педагогический, который роскошью не поражает, все-таки не самый богатый край, но необходимое есть, в том числе бассейн и концертный зал. Сюда приезжают на летние языковые курсы школьники из России. До Владивостока менее 300 километров — ближе, чем до Харбина.

Муданьцзянцы, как и все люди китайского северо-востока, поражают, просто-таки подавляют гостеприимством: для гостей они готовы накрывать щедрый стол три раза в сутки, а то и чаще, от души угощать местными деликатесами с обилием грибов и диких трав. Будьте готовы прибавить в весе.

На сопках Маньчжурии. Дальний и Порт-Артур

«На сопках Маньчжурии» — один из самых красивых и печальных русских вальсов. Когда слушаешь его, щемит сердце. А посвящен он солдатам, которые легли в землю северо-восточного Китая сто с лишним лет назад. За что легли?

В те времена Россия владела на правах аренды (правда, странно звучит?) огромным Ляодунским полуостровом. На побережье Желтого моря были построены город Дальний и рядом — военно-морская база Порт-Артур. Они стали полем боя в русско-японскую войну 1904–1905 годов, бездарно Россией проигранную. Кровь русских обильно полила невысокие горы — маньчжурские сопки.

Те, кому доводилось читать роман А. Н. Степанова (1892–1965) «Порт-Артур» про русско-японскую войну, меня поймут. Поймут мои чувства, когда я ровно сто лет спустя после тех событий оказался в Даляне (бывший Дальний) и стал узнавать, как бы съездить в Порт-

Артур. На сопки, где шли жестокие бои, где воевал Сережа Звонарев со товарищи.

Это для них город-порт назывался Порт-Артуром. А исконное китайское имя — Люйшунькоу / *Lushunkou* можно перевести как «Гавань удачного путешествия».

Оказалось, что «гавань» для иностранцев закрыта. Потому что там по-прежнему находится военно-морская база. В Дальнем — Даляне — пожалуйста, все открыто, все можно посмотреть. Один из красивейших городов Китая, очень зеленый, удобный, курортный. Дачу Мао Цзэ-дуна с прекрасным полем для гольфа можно посетить. А в Люйшунькоу — иностранцам допуска нет.

Как же так? Порт-Артур, город русской доблести! Я обратился в гостиницу, где мы остановились, спросил, можно ли организовать машину в Люйшунькоу, — нельзя. В турбюро — тот же ответ. Пришлось пойти по самому прямому пути. Первые два таксиста отказались. Третий — ура! — согласился.

Но, видно, согласился сгоряча. Потому что уже в дороге начал впадать в панику. Езды от Даляня до Люйшунькоу (или просто — Люйшуня) всего-то примерно с час. Но уже через двадцать минут он принялся звонить начальству. Лао-баня (босса), к нашему счастью, не оказалось на месте. Вцепившись в руль, таксист продолжил рискованное путешествие, подбодренный обещанным вознаграждением. Да здравствует жадность! Такса росла как на дрожжах! Но сомнения все равно терзали, и когда машина проезжала платные ворота на выезде из Даляня, он обратился за поддержкой к служивому, берущему мзду за проезд. С тайной надеждой, что вот сейчас нас тормознут, водитель испросил его высочайшего соизволения: можно ли, вот везу иностранцев, а пустят ли их в Люйшунькоу... Но привратнику военно-морские тайны и секреты, видимо, были безразличны, и он махнул рукой: «Езжай давай, не задерживай!»

Водитель снова за телефон — начальства нет. Везет дальше. Напуганный уже больше необходимого, шофер злится на нас, на себя, на жену, которая ему позвонила некстати, но везет! Давай, давай, парень, жми на газ! Потееет, но везет. Молодец! Подъезжаем к Люйшунькоу. Водитель умоляет нас сесть пониже и убрать ради Неба фотоаппарат, когда я хотел снять памятник нашим воинам, погибшим на этой земле. Вообще-то и постоять хотели рядом, отдать дань уважения. Но водитель даже не притормозил возле стелы. Нельзя! Мы поняли, что настаивать опасно. Того и гляди повернет назад, плюнув на тройную таксу. Едем вперед и в горы. Скорее бы оказаться на месте боев. Вот наконец и они, плавные горы-холмы. Сопки поросли невысокими соснами и пихтами.

Скачут белки, стрекозы носятся. Тихо и жарко. Земля серая, кое-где желтая, песочная. Китайцы, которые идут экскурсионным маршрутом, удивленно на нас смотрят: иностранцев здесь в самом деле нет.

Места тяжелейших боев. Траншеи, окопы. Вот знаменитая высота, на которой полегли тысячи бойцов. Склоны были буквально завалены телами нападавших японцев и защищавшихся русских.

Поднимаемся вверх. Стрекожут сороки. Сияет солнце. На вершине памятник погибшим японским солдатам — огромная гильза, метров пяти высотой. Написано, что установлен потомками в знак признательности своим японским предкам-героям. Табличка-указатель, тропа ведет к месту гибели одного из них. Спускаемся вниз по заросшему кустами и деревьями склону, прорезанному траншеями. Где-то они завалены землей, заросли травой и почти не видны, а где грунт крепче, сохранились. На тенистом склоне памятный знак и табличка, говорящая о подвиге японского офицера-пулеметчика, который погиб, отбивая атаки русских.

А где же памятные знаки нашим солдатам? Ничего нет. Пусто. Эй, где вы, профессионалы дружбы из соответствующих обществ? Ау-у?

На одном из холмов сохранились остатки крепости. Нашей, русской. И — ура! — стоят наши орудия. Читаю надпись на стволе. Мама моя... Обуховский завод, 1896 год. Пушки смотрят на долину, выходящую к морскому заливу. Там были расстреляны остатки российского флота. Рядом с орудиями — аттракцион для экскурсантов, можно сесть в каске за пулемет и сфотографироваться. За 20 юаней.

Сколько здесь полегло наших солдат, моряков... Места кажутся — нет, ощущаются родными, своими. И в то же время нет легкости на сердце. Тяжело. Пора идти назад. В сувенирном ряду на холме покупаю простенькие штампованные наручные часы с тремя иероглифами «Люй-шунь-коу» и морским кораблем на циферблате. Я знаю, кому эти часы будут дороги: отец моего коллеги Леонида Макарона, боевой офицер Семен Макарон воевал на северо-востоке Китая в 1945 году, освобождая Маньчжурию от японцев.

Шофер мечется у машины, ругается: обещали пробыть здесь 20 минут, а пропали на два часа. И гонит назад в Далянь что есть силы. Но только едет как-то странно, не вдоль моря, как приехали, а горами. Он объясняет, что так быстрее. Но скорее всего, боится и хочет проскочить незаметнее. Это ему удастся. Если не считать того, что ехали мы напрямик через все военные базы, которые там были. Что-то там стояло накрытое брезентом. Какие-то бетонные площадки с ангарами. Какие-то огороженные склады. Нам это неинтересно. У нас в России у самих этого добра хоть отбавляй. Но надо было видеть лицо

таксиста, когда он сообразил, куда нас завез. С такой скоростью по ухабам, не жалея амортизаторов, он, наверное, еще не гонял.

И знаете, ничего не случилось. Приехали, сказали спасибо шоферу, заплатили от души. Но не пойму одного: почему русским закрыта дорога в эти дорогие для нас места. Японцы ездят, которые с китайцами много лет воевали, уничтожали, расстреливали, сжигали, топили, в лагерях морили. Вспомнить хотя бы «отряд 731», где велась разработка бактериологического оружия — чумы, холеры, тифа и прочего, с испытаниями на военнопленных... А русских, которые против тех же японцев воевали, не пускают. Но это вопрос не к китайцам. Вопрос к нам самим, родства не помнящим. Сколько в самой матушке России солдат не захоронено по-человечески.

— Да ты что, не знаешь? — удивился Сеня. — Ты две войны попутал. Ту войну, 1905 года, китайцы считают не своей, какое им дело, это, мол, две империалистические державы дрались между собой, за обладание колониями... А вторая мировая — другое дело, тут мы были союзниками, китайцы нашим солдатам памятники поставили, уважают.

Пока книжка писалась, иностранцам наконец разрешили ездить в Люйшунькоу. Даже русское кладбище там позволили привести в порядок, это было сделано усилиями и на средства благотворительного фонда российского предпринимателя А. Скоча.

Ханчжоу.

«Сиху, здесь танцуют-поют, и без меры...»

Лето в зените Сиху отразила вода,
Виды такие дано нам узреть не всегда.
Заросли лотосов с небом лазурным слились,
Цвет их алеет в сиянии, как никогда.

Ян Вань-ли, Сунская эпоха

Хотите побывать в местах, которые прославлены тем, что дали Китаю, а значит, и всему миру, три важные вещи, — чай, шелк и жемчуг? Поезжайте в город Ханчжоу / *Hangzhou*.

Хотите своими глазами посмотреть на Западное озеро, *Сиху / Xihu*, воспетое знаменитыми китайскими поэтами многих поколений, — поезжайте в Ханчжоу.

Хотите полюбоваться древними дворцами и храмами, в том числе самым большим буддийским храмом к югу от Янцзы, — поезжайте в Ханчжоу.

Древняя столица Южной Сунской династии (1127–1279) находится примерно в 200 километрах к юго-западу от Шанхая. В Ханчжоу есть улица *Цинхэ-фан* / *Qinghefang*, или — *Хэ-фан* / *Hefang*, которая воспроизводит жизнь и быт той эпохи.

Марко Поло в книге «Путешествия» назвал Ханчжоу самым красивым городом на Земле.

Жемчужина города это, конечно, Западное озеро. Огромное водное зеркало, полуокруженное горами, притягивает само по себе. Но это же Китай! Значит, к природной красоте добавляется рукотворная. Это и три острова с выразительными названиями, к примеру, Беседка в середине озера, *Ху-синь-тин* / *Huxin ting*, и мосты, и не менее изящные пагоды, и терема на берегу.

Самый большой из островов называется «Три пруда, запечатлевшие Луну», *Сань тань иньюэ* / *San tan yinyue*. Добраться до него можно на лодке, и стоит это намного дороже, чем доехать, допустим, на поезде из Ханчжоу в Шанхай. Но ведь это развлечение, а не необходимость! (Порою так трудно отличить одно от другого...)

Он зовется также — «Остров маленьких морей», *Сяо ин-чжоу* / *Xiao yingzhou*. Его создали люди, которые занимались прозаической работой: вычерпывали ил со дна озера для удобрения полей, а заодно углубляли его. Получился остров-матрешка: большую часть занимает внутреннее озерцо. Оно поделено радиальными каменными мостиками и дорожками. Любимая забава туристов состоит в том, чтобы бросать мелкие монеты на листья лотоса. Прилистикалась монетка — к счастью. Наверное, монетный дождь плавающим под лотосовыми лопухами разноцветным карпам не очень нравится: шума много, а съесть нельзя. Зато наверняка нравится работникам парка, которые проволочным сачком выгребали ил с монетами со дна озера, промывали, добычу складывали в ведра и получали удовольствие, в том числе материальное.

Надо ли добавлять к общей картине изогнутые дугою мосты, резные беседки и пагоды, плакучие ивы, закат над горами? Рассказывать про буддийский храм на острове, который строил, будучи по совместительству чиновником, автор многих стихотворений о Сиху поэт-лирик *Ян Вань-ли* / *Yang Wanli* (1124–1206)?

О чем надо сказать непременно, так это о трех каменных пагодках, которые стоят над волнами южнее острова. Они небольшие, около двух метров высотой. Вечером в них зажигают свечи, пламя которых отражается в зеркале воды, соперничая с луной. Впрочем, чтобы увидеть их, вы можете не ехать в Ханчжоу, а взять валяющуюся у вас дома купюру в один юань и посмотреть на нее. Не на лицевую сторону —

ее украшает, как и все бумажные деньги в Китае, лик Мао Цзэ-дуна. Нет-нет, посмотрите на обратную: на водной глади застыли эти каменные башенки, стерегут луну.

Озеро Сиху славится лотосами. В разгар лета огромные округлые листья с распустившимися бутонами заполняют мелководье в больших и малых заливах, их аромат разносится от берега до берега. Кстати, как и в других парковых озерах Китая, лотосы не растут сами по себе, подобно сорнякам. К сожалению. Их высаживают садовники, которые огораживают заливчик или часть озера или пруда и весной помещают в донный ил рассаду. Лотос — олицетворение чистоты, поднявшейся из грязи и сияющей над нею.

Два знаменитых поэта Китая не просто воспели красоту Сиху, как многие их предшественники, да и последователи тоже, но в прямом смысле приложили руку к его обустройству. С северной стороны озера большой его кусок отрезает идущая с востока на запад «дамба Бай», *Bai-du / Baidi*. Она названа в честь танского поэта *Бо Цзюй-и / Bai Juyi* (772–846). Он был не только поэтом, но и чиновником высокого ранга, правителем области, участвовал в сооружении дамбы. Это слово вызывает в воображении нечто строительно-непривлекательное.

На самом деле ее не отличить от окружающих природных красот. Окаймленная плакучими ивами широкая дорога зеленой полосой тянется по воде, через изогнутые мосты, взбирается на гору, поросшую лесом. Знатоки утверждают, что дамбу и до поэта-градоначальника называли Бай (Белая), лишь со временем название стали связывать с его именем. Зачем построена дамба? Чтобы задерживать несущиеся с гор вешние паводки или же обильные дождевые воды.

Еще одна «поэтическая» дамба отсекает западную часть озера. Это «дамба Су», *Su-du / Sudi*. В честь поэта *Су Дун-по / Su Dongpo*, он же *Су Ши / Su Shi*, (1036–1101). Поэт-гражданин, один из умнейших людей своего времени, оказавшись на высоком посту в здешних местах, руководил строительством дамбы, сооруженной с художественным вкусом, украшенной пагодами, мостиками. После окончания работ Су Дун-по созвал всех строителей на угощение. По преданию, народ подарил ему свинью в знак благодарности. Поэт не стал есть в одиночку, сотворил кушанье на всех: отварил и слегка обжарил вымоченное в вине и пряностях, нарезанное кусочками мясо с толстой прослойкой жира, а затем в течение трех часов доводил до готовности на пару. Оно обладало нежным вкусом и таяло на языке, стало фирменным блюдом Ханчжоу с названием «мясо по-Дун-повски» — *Дун-по жоу / Dongpo rou*. Оно знаменито во всем Китае.

— А я слышал по-другому, — сказал Сеня и опустил в воду руку. Вместе с Мудрецом Суном они плыли в лодочке по озеру. Палило солнце. Друзья направлялись на встречу к давнему знакомому Мудреца, настоятелю буддийского храма в горах на северном берегу. Стари-на Сун вез подарок, новенький iPad, он знал, что настоятель любит фотографировать, а еще больше — любоваться своими снимками. — Я слышал, что когда к Су Дун-по пришли друзья, он как раз тушил свинину. Позвали играть в шахматы, поэт увлекся и забыл про еду, а когда вспомнил, мясо уже перетомилось, но получилось необычным и очень вкусным.

Впрочем, если вы не любите свинину, то и ладно. Отведайте что-нибудь другое из местных кушаний в одном из лучших ресторанов — «За теремом терем», *Лоу-вай-лоу / Louwailou*. Он находится на острове Одинокый холм, *Гу-шань / Gushan*, в северо-западном углу озера. На него можно попасть по «дамбе Бай», но ближе перейти с другого берега по мосту Западная прохлада, *Си-лин / Xiling*. Мост дал имя находяще-муся на острове китайскому Обществу печатей, *Xiling yinshe*, опекаю-щему этот вид искусства, располагающему коллекцией образцов ред-ких печатей. На Одиноком холме расположен также музей провинции Чжэцзян, в котором выставлены произведения искусства, собрания драгоценных камней, образцы ценного селадона — редкого вида ке-рамики бледно-зеленого цвета, родиной которого стал здешний край. Но жемчужина музея, привлекающая ценителей китайской истории и литературы, — это Палата письменных волн, *Вэнь-лань гэ / Wenlan ge*, постройка в типичном для Южноречья стиле, окруженная парком с искусственными скалами, галереями и прудами. Палата стала одним из семи созданных в конце XVIII в. императором Цянь-луном хранилищ копий «Полного собрания книг четырех кладовых» — древних руко-писей.

Но пройдем к берегу Сиху. Почему ресторан с прекрасным видом на озеро так называется — «За теремом терем»? Название взято из стихо-творения *Линь Шэна / Lin Sheng* (1106–1170), поэта эпохи Сун. Он писал:

Гора за горою, за теремом терем.
Сиху, здесь танцуют-поют, и без меры,
И ветер горячий пьянит празднующих,
Ханчжоу не хуже столицы, уверен.

В ресторане можно отведать фирменное местное блюдо «цыпленок нищих» — *цзяо-хуа тун-цзи / jiaohua tongji*. Это молодая курочка,

завернутая в лотосовые листья и запеченная в глине. Почему блюдо так называется? Понятное дело, почему: в давние времена нищие, бывало, украдут куренка, утащат его куда-нибудь в кусты на берегу озера, лист-другой лотоса сорвут, а они широкие, как шляпа, обернут, глиной обмажут — и в костер, под угли.

— Да чего там Ханчжоу-Манчжоу, нищие... цыплята-мыплята... — мрачно сказал Сеня. Он злился. Настоятель запаздывал, целый час они с Мудрецом Суном ждали его в «Лоу-вай-лоу», потягивая лунцзинский чай. Между тем аромат уже поданного на стол «цыпленка нищих» сводил с ума. — Возьми любого советского студента в стройотряде. Голодные же всё время. На подножном корму. Или макароны, хорошо если с тушенкой, а так — на комбижире, или — ищи сам что пожрать. Картошку молодую накопать ночью, колхозную, моркови надрать. У нас в стройотряде так считали: если курица в деревне отбежала от дома на пятьдесят метров, ее надо считать дикой. А дикую можно ловить и есть. А ты говоришь, «цыпленок нищего»...

Старик Сун промолчал, с жалостью посмотрел на Сеню и, подцепив палочками, положил ему на тарелку кусочек распаренной курятины.

— Ешь! — велел он.

— А настоятель? Без него же неудобно!

— Он будет только рад. Кстати, вот он уже идет. Эй, официант, подавай-ка, дружок, что там у нас еще заказано — Дун-по жоу, креветки в лунцзинском чае, рыба в остром соусе, рогульник, травки разные для настоятеля, и побыстрее...

В лотос не только цыпленка заворачивают. Лотос в разных видах входит во многие ханчжоуские блюда. Его можно есть и сырым, когда отцветет, на рынке продаются круглые семенные коробочки, похожие на рассеиватель душа, из них вылущиваются зерна, по вкусу подобные молочной кукурузе или неспелым лесным орехам. Корневища тоже идут в ход. Они дыристые, как швейцарский сыр. Китайские кулинары любят заполнять отверстия клейким рисом *но-ми* / *пиоти* и заправлять сладким соусом.

В Ханчжоу стоит попробовать еще одно озерное растение — рогульник, водяной орех. Его клубни, напоминающие вобравшего клешни крабика, сочные, хрусткие, придутся по вкусу всем, особенно вегетарианцам.

Насытившись земными яствами, вы можете перейти к пище духовной. В горах к северо-западу от Ханчжоу высится храм Убежище души, *Лин-инь-сы* / *Lingyin si*. Ему почти 1700 лет, основан в 326 году последователями чань-буддизма. Это самый большой буддийский храм

в Южноречье. Уже сама дорога к нему настраивает на особый лад: вдоль прыгающего по каменным уступам ручья, под нависающими скалами, в которых высечены фигуры будд и бодхисаттв. Храм действующий, в буддийские праздники всегда заполнен народом. Монахи стойко терпят суету и не обижаются даже на назойливых посетителей.

В первый год «культурной революции» храм собрались сжечь «красные охранники» — школьники из Ханчжоу и других мест провинции Чжэцзян. Идеологические вожди внушили малолетним «борцам с наследием прошлого», что настала пора покончить с «религиозным дурманом». Так же, как с искусством. До этого школьники громили в Ханчжоу могилы прославленных древних поэтов и художников. Уничтожили бы и храм, хотя и прочный, на века построенный из твердых пород дерева, но вот именно — деревянный. Уже были готовы банки и бутылки с бензином. Но на пути новых варваров встали студенты ханчжоуских вузов. Они окружили храм живой цепью, взявшись за руки. И выставили перед собой портреты «великого кормчего» Мао Цзэ-дуна. Это стояние у стен храма длилось три дня и три ночи, наконец сверху пришел приказ: храм не трогать. Погромщики отступили.

Об этом мне рассказал мой друг Шэнь Нянь-цзюй / *Shen Nianju*, русист, редактор и переводчик, он тогда преподавал в ханчжоуском вузе и стоял в этой живой цепи вместе со студентами. Настоящий китайский интеллигент, Шэнь Нянь-цзюй стал впоследствии главным редактором Чжэцзянского литературного издательства, перевел многие произведения русских классиков. Он меня и познакомил со своим родным городом. Об истории с храмом рассказал лишь раз, слишком больно это и теперь, спустя много лет.

В Ханчжоу похоронен национальный герой Китая, память которого чтут многие поколения. Его зовут Юэ Фэй / *Yue Fei* (1103–1142). Отважный полководец прославился победами над «северными варварами», защищал родину, отличался верностью долгу. Преданные и хорошо обученные войска почти не знали поражений в сражениях с чжурчжэнями. Но придворные завистники обвинили Юэ Фэя в измене, его бросили в застенки и казнили. Через 20 лет новый император признал его героем и велел захоронить останки в Ханчжоу, бывшем тогда столицей Южной Сун. Поклониться ему в храм возле могилы приезжают люди из разных мест Китая. Там же установлены бронзовые статуи кающихся, коленопреклоненных клеветников — царедворца и его жены, к которым туристы «выказывают неуважение» в вербальной и невербальной форме. Впрочем, некоторые дотошные историки не склонны оценивать однозначно как героя (не подчинялся разумным

приказам, мешал установлению мира), так и «злодеев» (не они виноваты в смерти Юэ Фэя).

— А знаешь, когда я делал татуировку в Пекине, мне историю рассказали, — сказал Сеня. — Про Юэ Фэя. Будто один раз его воины не выдержали натиска, бежали с места сражения, и Юэ Фэй, пристыженный, приехал к матери. Решил передохнуть. Заодно о матери позаботиться, по китайской традиции. Однако мать у него была еще женщина, кремень-старушка. Недаром сын такой получился. Она велела ему на спине наколоть четыре иероглифа: решимость, верность, защита и страна. Или даже вроде сама наколола. Ну, с такой татуировкой Юэ Фэю ничего не оставалось, как вернуться и стать героем.

— Это какую такую татуировку ты сделал? — спросил Мудрец Сун.

— Феникс обвивает дракона.

— В первый раз слышу.

— А я не показывал.

— Мне можно.

— Ладно, смотри! — Сеня повернулся и задрал рубашку.

— Н-да... — сказал Мудрец Сун. — Правильно не показывал.

Если вам не по душе памятники и вечный покой, вы можете в том же Ханчжоу получить порцию острых впечатлений, наблюдая за приливом, регулярно накатывающим по реке *Цяньтан / Qiantang*. Это один из самых знаменитых природных аттракционов в Китае.

Приливная волна из Ханчжоуского залива, который вбирает воду двух морей — Желтого и Восточно-Китайского — достигает пика в восемнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю, ее высота может составить десять метров. У вас же есть под рукой лунный календарь? Если грянет тайфун, а это случается время от времени, то волна несется просто грандиозная. Традиция любования приливной волной возникла в период Южных династий, в пятом веке. Императоры даже отправляли в море корабли для наблюдения (по-нашему — мониторинга) за идущей на берег стеной воды, причем они должны были плыть перед ней, убегая.

Зрелище мощного прилива, громады желтой воды, которая, ворвавшись в устье реки Цяньтан, стиснутая берегами, многократно усиливает скорость и несется с быстротой экспресса, производит неизгладимое впечатление. Тысячи людей приезжают осенью посмотреть на нее, их не смущает даже то, что в потоке время от времени тонут зеваки, которые, демонстрируя храбрость, стараются подобраться поближе к бушующей воде.

«Колодец дракона».

Место рождения самого знаменитого чая

Недалеко от Ханчжоу, в зеленых отрогах между вершинами Шахматная доска и Львиная гора, овеваемых бризами с Восточно-Китайского моря, в тенистой расщелине у дороги спрятался источник. Его убрали в круглую каменную чашу у подножья скалы. Вода чистейшая, глубокая, темно-синяя. К чаше приставлена палка. Зачем? Если вы проведете ею по воде, то увидите струи, распускающиеся длинными извивами — «усами дракона». Не у всех получается разглядеть. Мне, увы, не удалось. Близорукость тому виной или недостаток воображения, трудно сказать. Кто увидел, говорят, тому повезло — весь год его ждет денежная удача.

Это место называется «Колодец дракона», *Лунцзин / Longjing*. Оно дало название самому знаменитому сорту китайского чая. В окрестных горах тут и там разбросаны на склонах деревни чаеводов. Каменные дома не отличаются роскошью. С этим связана еще одна легенда. Прославленный мудростью император Цянь-лун приехал сюда весной, в начале апреля, отведать наисвежайшего чая первого сбора. Женщины по обычаю того времени должны были встретить его пышной прической. Но местные жительницы то ли поздно узнали о приезде императора, то ли поленились, однако волосы не убрали как полагается. Раздосадованный император будто бы молвил: «Так и будете всегда жить здесь: не плохо и не хорошо».

Правда это или нет, но и в самом деле особняков в стиле «новых китайцев» в горах мало, в отличие от недалекого речного и морского побережья. Зато эти горы дают чай, ради которого сюда приезжают издалека. Настоящий лунцзин растет всего в нескольких местах, остальное — лишь его подобие. К примеру, мы долго ехали горной дорогой, вдоль которой росли чайные кусты. Движение оживленное, машины, автобусы, пыль, гарь. Ну и что, скажите, впитают в себя чайные листья окрестных плантаций? Конечно же, не утренний горный туман.

Но если повезет на месте отведать самого что ни на есть настоящего лунцзинского, это запомнится надолго. Лунцзин — это трехлистник с вершины куста. Два листика по бокам побольше и совсем маленький росток посередине. Урожай нового года поспевает в конце марта.

Лучший срок сбора, однако, знатоки сдвигают на более позднее время: начиная с 5 апреля, дня Поминовения усопших, и до 20 апреля, когда отмечается праздник Зерновой дождь, *Гу-юй / Guyu* (традицион-

ное начало посадки риса). Хотя листики тогда становятся чуть менее нежными, они длиннее и шире, зато успевают набрать больше сил и сока, аромат отличается насыщенностью.

Сухие листья чая этого сорта должны быть плоскими, гладкими на ощупь и ровными по цвету. Заваривать лунцзин лучше в стеклянном чайничке или высоком стакане. Так вы сможете насладиться картиной разворачивающихся листьев, которые обретают изначальную природную форму и как бы «встают на ножки». Отпив до половины, снова доливайте воду. Не допивайте до дна, чтобы не обнажились листья и воздух не забил их поры. Сначала лунцзинский чай чуть горчит, затем, открываясь все больше, приобретает легкую сладость.

Настоящий лунцзинский при заваривании сохраняет идеальную чистоту и прозрачность, едва зазелененную, светло-золотистую. Если вода мутнеет — это подделка. К сожалению, на многочисленных рынках и в магазинчиках возле Ханчжоу, да и в других ближних и дальних городах по всему Китаю как раз такие подделки и продаются. Так что покупайте, посоветовавшись со знающими людьми. Лучше всего обзаведитесь друзьями в Ханчжоу. Проверено. Вот сегодня мне пришла посылка из Ханчжоу от друга, Шэнь Нянь-цзюя, объемистая и легкая — настоящий лунцзин. Вон — на столе лежит. Правда, правда, не выдумываю! Так совпало.

**Советы начинающим китаеведам:
Не поправляйте шляпу под китайской сливой.
Да и под русской тоже...**

Китайцы осторожные люди. Избегая прямооты, они умеют уклончиво говорить обо всем, включая саму осторожность. Одно из моих любимых высказываний я услышал от китайских знакомых: «Не поправляй шляпу, когда идешь по фруктовому саду, не поправляй обувь, когда идешь по бахче».

Потом я узнал, что это изречение восходит к стихотворению поэта Цао Чжи / Cao Zhi (192–232), который писал:

Муж досточтимый не может не жить без оглядок,
Для подозрений зазора нигде не оставит,
В тыквенном поле башмак никогда не поправит,
Шапку под сливою он не приводит в порядок.

Как я пытался спать на Великом канале

«А в Сучжоу мы поплывем по Великому каналу», — сказали мне коллеги-издатели в Ханчжоу. Вот Шэнь Нянь-цзюй и сказал.

Я обрадовался. Звучало романтично. Представилась водная гладь на закате, плакучие ивы, скользящий по плавным волнам легкий чёлн...

На память пришли любимые строки из стихотворения поэта Сунской эпохи Чэнь Юй-и / *Chen Yuyi* (1090–1139) «Проплывая в столицу через уезд Сяньи» (в блистательном переводе В. Микушевича):

Залита корма зарей карминной,
Берега цветами пламенеют.
Проплываю мимо дамбы длинной,
А на дамбе вязы зеленеют.
Облака, по-моему, недвижны,
Пленены небесной вышиною,
Но, в своем движении непостижны,
На восток плывут они со мною.

Это сейчас они приходят, эти строки. А когда я собирался плыть, они еще не были переведены. Зато уже были давно написаны. В общем, настрой похожий ощущался. Что-то такое, с карминной зарей и лодкой у зеленеющей дамбы, парило дрожащим миражом в горячем ханчжоуском воздухе.

Сели на корабль поздно вечером. Туристический такой кораблик с туристической такой китайской публикой. Поужинали и легли спать. Ха! «Ха» два раза! Не тут-то было. А было такое впечатление, как будто...

Пытались вы когда-нибудь спать на заводском дворе в разгар рабочего дня? Вот это и значит спать на кораблике Ханчжоу-Сучжоу. Какая уж там тишина! Сплошной стук и бряк, грохот моторов, лязганье и гудки со всех сторон. На рассвете разглядел: сплошным потоком по каналу в обе стороны идут баржи. С песком, углем, кирпичами, железом и разным другим товаром. На баржах стирают, готовят еду, едят, нянчат младенцев. По берегам частые пристани, на которых тоже кипит работа. Проложив деревянные сходни, работяги грузят кирпичи, песок, доски, бочки, тюки, железо...

О чистоте воды в канале, конечно, лучше не задумываться. Гринпис отдыхает. Водная рабочая дорога.

Собственно, для такой работы канал и был задуман. Не для отдыха и любования — возить товары, и прежде всего зерно, с юга, житницы страны, на север.

Строительство *Да юнь-хэ / Da yunhe* (буквально — Большая транспортная река) длилось почти две тысячи лет! Длина составила 1800 км. Это единственная водная дорога Юг-Север, потому что реки в Китае текут с запада на восток.

Сооружение началось в VI в. до н. э. С юга, от Янцзы, его тянули на север, к Хуанхэ и дальше, используя озера и реки, уже имевшиеся каналы. К шестому веку новой эры строительство основного пути закончилось. В десятом веке китайские мастера придумали шлюзы из двух ворот, давшие возможность судам проходить там, где раньше не позволял рельеф местности, повысили безопасность плавания. Кое-где канал разветвлялся, появлялись длинные боковые ветви. За двадцать веков его довели до уездного центра Тунчжоу в 30 км к востоку от столицы. Там до сих пор сохранился старинный каменный мост, похожий на мост Марко Поло в другом конце города.

В XIII в. Хубилай, основатель монгольской династии Юань, потребовал соединить Тунчжоу со столицей. Зерно и другие припасы для снабжения жителей и гарнизона Великой столицы, Даду (так тогда назывался Пекин), должны были доставляться без перевалки на телеги. В дождливую погоду или зимой повозки застревали на глинистой дороге, требовалось много грузчиков, возниц, лошадей. Выполнение задачи было поручено выдающемуся человеку — астроному, математику и гидроинженеру по имени *Го Шоу-цзин / Guo Shoujing*. Главная проблема состояла в нехватке воды для судоходного пути. Столица снабжалась водой из рек северо-западнее города, они пополняли озеро Куньмин (сейчас — на территории парка Ихэюань), и не более того. Имелся канал, построенный в предшествующую эпоху, Цзинь, соединяющий реки с западных гор с Тунчжоу. Но он был мелким, нес много песка, заиливался, весной его переполняли вешние воды, создавая угрозу затопления столицы, поэтому канал не годился для проводки судов, использовался лишь для орошения и сплава леса.

Го Шоу-цзин потратил несколько лет для того, чтобы найти дополнительные источники, изменить течение нескольких рек, добиться регулярного поступления воды в идущий на восток старый канал, который расчистили и углубили. Но течение в нем из-за перепада высот оказалось слишком сильным, нагруженные корабли не могли подниматься против него, пришлось строить шлюзы. Наконец строительство успешно завершилось. Го Шоу-цзин победил! С тех пор зерно можно было доставлять по воде прямо к восточной городской стене, где его разгружали и помещали в расположенные там императорские хранилища — Северный великий склад, *Бэй-тай-цан / Beitai-cang*. В Минскую эпоху, в начале XV в., на их месте были построены

сохранившиеся до наших времен 9 зданий, которые называли Южный новый склад *Нань-синь-цан* / *Nanxincang*.

Теперь это достопримечательность, а также — популярное место среди любителей развлечений; искать его следует чуть южнее пересечения второго городского кольца с улицей *Дун-сы ши-тяо* / *Dongsi shitiao*. Канала вы там не увидите, зато полюбуетесь древними одноэтажными каменными строениями с черепичными крышами, возле которых — мраморная плита на газоне с высеченными иероглифами: «ИМПЕРАТОРСКОЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩЕ. Конечный пункт Великого канала Пекин-Ханчжоу». Теперь в этих зданиях разместился театр одной из самых известных и древних опер Китая — куньшаньской, *кунь-цюй* / *kunqu*. Перед спектаклем или после него стоит отведать утку по-пекински в фирменном ресторане *Да Дун* / *Da Dong* (ресторан Большого Дуна, по имени владельца) — он как раз напротив.

Но вернемся к воде. Канал считается самым старым и длинным из всех рукотворных водных путей в мире. Он перегружен работой, такое количество судов идет по нему, что то и дело случаются пробки. Если взглянуть на него сверху в такие часы (что я частенько мысленно делаю), то видны только баржи, а не вода.

В общем, резюмирую: спать во время плаванья по Великому каналу вряд ли удастся. Если, конечно, вы не примете на грудь лечебные капли. Нечто успокоительное и утешительное, и конечно, с друзьями. А потом можно и не спать, собственно, любоваться небом и вдруг нарисовавшейся на рассвете дамбой. «Залита корма зарей карминной...»

Так мы и поступили с коллегой, в то время главным редактором издательства «Художественная литература» Валерием Сергеевичем Модестовым, Лао Мо (Стариной Мо). Ночь провели без сна, смеялись так, что не давали покоя соседям. Лечебные капли имелись, но немного, к тому же за нами присматривала строгая дама, коллега, время от времени вопрошавшая из соседней каюты, что же, наконец, происходит. На китайском пароходике стенки общению не мешают. В самом деле, над чем смеялись, какая смешинка в рот попала, трудно объяснить. Может, нервное, может, веселье вызвал жесткий стык романтических представлений и реальной жизни?

— Дорогой Ю-ли (*Юрий по-китайски*, — прим. Ю. Иляхина), а помните, как мы плыли по каналу в Сучжоу и всю ночь не спали, а смеялись как заведенные? — спросил меня недавно Лао Мо. — А чему смеялись? Вроде ничего смешного не было. До сих пор удивляюсь!

Еще бы! Я тоже улыбаюсь, вспоминая.

Еще одна загадка Китая.

Хороши вечера на Тайху,
или Как разлучили уточек-неразлучниц

Я был в Уси,
А где я не был?
В Уси я ехал на такси,
Виновен, знаю, но спроси:
Еще бы раз в Уси поехал
И снова выбрал бы такси!
Там жили мы в партийной школе
На острове,
На озере Тайху,
Почти что в камышах.
Жара была,
Мы пели в хоре,
Ну, мы — не я...
(Я ехал на такси.)
Зато потом, отпевши,
Пропотевши,
Забрав призы:
Хрусталь, фарфор, стекло,
Мы ели-пили на кораблике,
Нам в этот вечер повезло.
Мы ели рыбку, белую,
Как будто из пещеры,
И пили местное вино.
Потом в грозу обратно
Полетели сквозь лес.
И опера пекинская,
Автобус раскачав,
Слегка нас отрезвила.

Безветренный и жаркий июльский вечер. Солнце уже почти скрылось за горами, и над огромным озером за клубился туман. Он ползет над прибрежными мелями к желтым камышам, обволакивает борта деревянного двухпалубного корабля, на широкой корме которого мы сидим с нашими старыми друзьями — Мудрецом Суном и Сеней.

Весь день они отбивали ладоши, поддерживая хор «Шоу ди шоу» («Из рук в руки») на фестивале хорового искусства в городе *Уси / Wuxi*, испереживались, и теперь вместе с певцами и певицами расслабляются за трапезой, обмывая почетный приз, кубок за блестящее исполнение — Prize for Excellent Performance.

— Кто это говорит, что китайцы не пьют? — бормочет под нос Сеня, утирая пот и глядя на музыкальную компанию за столами. И тенора,

и баритоны, а тем более басы не отставали от Сени, пивные бутылки опустошались в мгновение ока и так же быстро заменялись новыми, запотевшими. Замечу, забегаю вперед: на вечеринке был выпит маленький грузовичок пива, однако никто не свалился за борт и даже не подрался!

Так не бывает, скажете вы. Бывает. Вот оно: различие между Китаем и Россией. Главное, наверное.

А где мы, вообще-то, находимся? Что за берег в тумане, что за море-океан? О, это место знатное! Про воспетое поэтами озеро Сиху в Ханчжоу мы уже говорили. А севернее Сиху, не так уж далеко от него, раскинулось вот это, тоже прославленное озеро — Великое, *Тайху / Taihu*. Здесь снимались и снимаются фильмы на исторические сюжеты. Уж больно оно живописное: с горами и туманами, камышовыми зарослями, цаплями и утками. В самом деле великое по размерам, даже если посмотреть на карту.

Но нам с деревянного корабля этой величины не разглядеть. Тем более что уже почти стемнело. Тем более что корабль не плывет, а стоит у берега. И вообще это ресторан. Хотя после нескольких рюмок китайской водки, приправленной пивом, кажется, что плывем. Над фонариками по бортам вьются мошки. Но они не кусают почему-то. А комаров нет. Красота. Тут бы самое время рассказать несколько легенд про озеро Тайху. Но во-первых, я их не знаю, а врать без необходимости и удовольствия не люблю, а во-вторых, мешают официанты и официантки — они всё несут и несут блюда. Какие? Рыбные, конечно.

— Надо таких к нам завезти, на Валдайские озера, что ли, — говорит Сеня, цепляя палочками маленькую белую рыбку, обжаренную в масле. — Эй, официант, как она, кстати, называется? Ну, вот эта — маленькая белая рыбка?

И получает ответ:

— Она называется *сяо бай юй* («маленькая белая рыбка»).

В самом деле, не будет же официант щеголять латинским названием вроде какого-нибудь *Taihu porphigentus belaya gibencia*. Да и некогда ему. (Хотя знает ведь, знает, чёртушка, латинское название! По лукавому лицу видно.) За чередой жареной, пареной, тушеной, вяленой и засушенной рыбы разных размеров, видов и подвидов наступает мясная смена. Мяса не много, но приготовлено на славу. Сене понравилась сочная мешанина в глиняном горшочке, на травах, чуть острая, сладковатая. Замечу, что для местной кухни, которая, как вы уже знаете, называется *су-цай / sucai*, вообще характерна сладость — даже мясных и рыбных блюд.

— Это что за мясо? — Сеня хватается за руку пробегающего официанта.

— Это утки-мандаринки.

— Как! Разве их едят? — кричит Сеня. У него кусок встает в горле в буквальном смысле слова. Уточки-неразлучницы! О них Сене когда-то с любовью рассказывал ученый профессор из Москвы, подрабатывавший в летние каникулы переводчиком на поставках электроприборов на Дальний Восток. «В китайском классическом искусстве утки-мандаринки, селезень и уточка, *юань-ян / yuanyang*, так же как и пара бабочек, *ху-де / hude*, — говорил он, разделяя с Сеней номер размером с пенал в хабаровской гостинице «Турист», — служат символом неразлучной любви и преданности. Тысячи стихов и картин воспевают этот романтический образ. Обратили ли Вы внимание, Арсений, что на сувенирных лотках эти уточки, фарфоровые, яшмовые, бронзовые, деревянные всегда продаются парочками?» Рассказ Сене запомнился...

— Как же так? — Ища ответа и сочувствия, Сеня посмотрел на Мудреца Суна. Тот выдержал взгляд и невозмутимо отправил в рот еще один кусочек утятин.

— Они же неразлучны, Мудрец Сун!

— Значит, пришла пора разлучаться, — ответил Мудрец и посмотрел на озеро. Туман окрашивался розовым, светало.

Водные города

В провинциях Цзянсу и Чжэцзян вы найдете сразу несколько городков, каждый из которых именует себя «Венецией Востока». Впрочем, они могли бы обойтись и без этого сравнения: сами по себе оригинальны и полны очарования, присущего именно Китаю. Страны, где водой любуются так же, как горами.

Если будете в Шанхае, Сучжоу или Ханчжоу, стоит побывать в таких городках.

Назову четыре из них: Чжоу-чжуан / *Zhouzhuang*, Тун-ли / *Tongli*, У-чжэнь / *Wuzhen*, Чжу-цзя-цзяо / *Zhujia jiao*.

Самый известный — Чжоу-чжуан. Он находится в 30 км к юго-востоку от Сучжоу. Туда можно добраться также из Шанхая за час-полтора езды. Все, что ожидаете от города на воде, вы здесь увидите: изогнутые мостики, лодки с гребцами, ресторанчики на берегу, храмы, старинные пагоды... В Чжоу-чжуане много каменных домов, построенных в Цинскую эпоху и даже раньше — при Минах.

Его меньший собрат, Тун-ли расположен еще ближе — в 18 км от Сучжоу. В нем меньше туристов, он поспокойнее.

У-чжэнь находится в центре треугольника между Сучжоу, Ханчжоу и Шанхаем, в северной части провинции Чжэцзян. Он стоит на Великом

канале, связывающем юг страны с Пекином. Его прошлое — это история водного пути.

Если вы в Шанхае, то для посещения еще одной «восточной Венеции», Чжу-цзя-цзяо, не нужно далеко ехать: квартал домов в старинном стиле, с многочисленными мостами и храмами, смотрящими в воду каналов, находится в 25 км к западу от города.

Маленький секрет: в таких городках лучше всего задержаться до позднего вечера, когда толпы схлынут и можно спокойно любоваться отражением луны в воде, сидя с чашкой чая на террасе, слушая стрекот цикад в плакучих ивах и плеск волн от проплывающей лодки.

Парки Сучжоу

В Китае говорят: «Наверху — рай, внизу — Сучжоу и Ханчжоу» («Shang you tian tang, xia you Su Hang»). Два города расположены рядом. Говорят Ханчжоу — подразумевают прежде всего великолепные пейзажи озера Сиху и окружающих его гор. Говорят Сучжоу — подразумевают прежде всего непревзойденные по красоте сады.

Если хотите увидеть образцы классического китайского паркового искусства, езжайте в Сучжоу. Ландшафтные сады здесь существуют уже полторы тысячи лет. Главная их идея: единение Неба и Человека. Оказавшись внутри, человек ощущает себя частицей великой природы.

Когда-то в Сучжоу было 200 садов, принадлежавших богатым и знатным семьям. В этот город ссылали из столицы провинившихся знатных и чиновных особ; накопленные трудами праведными и неправедными деньги они тратили в том числе на устройство садов, всем на зависть. Теперь в Сучжоу садов, конечно, осталось меньше, несколько десятков. Но вполне хватает, чтобы наслаждаться фантазией и талантом создателей.

Отгороженные от городской суеты трехметровыми белыми стенами парки-сады с прудами и ручьями, причудливыми, источенными ветром и водой глыбами дикого камня, диковинными цветами и деревьями рожают душевную гармонию, время здесь замедляет ход.

Главная особенность таких садов заключается в том, что в природную среду самым естественным образом вписаны беседки, павильоны и внутренние дворики, соединенные террасами и крытыми галереями. По лабиринту коридоров, галерей и мостиков можно обойти сад, не выходя на солнце. Тень и прохлада на юге в большой цене. Здесь, в этих павильонах над тенистыми прудами со скользящими в глубине красными, черными, белыми карпами не одно поколение поэтов и худож-

ников, ученых и философов обретало вдохновение, подкрепляемое чашкой чая или пиалой шаосинского вина.

Цвет стен в парке, как внешних, так и внутренних, — белый. Черепица на гребне и крышах — черная или темно-серая. Это характерные цвета домов и построек в Южноречье, благодатном крае к югу от Янцзы. Кстати, открою секрет: популярный видеоклип, сделанный южнокорейским певцом Psy, именуется буквально — «В стиле Южноречья», так как Gangnam, название известного своими увеселениями района в Сеуле, происходит от китайского Цзян-нань / *Jiangnan*, что означает Южноречье. Все тянутся к красоте...

Самый известный парк в Сучжоу называется Лю-юань / *Liu Yuan*. Название перевести трудно. В свое время он принадлежал семье по фамилии Лю, потом перешел в другие руки, фамильный иероглиф Лю заменили на другой, смысл которого — оставаться. Можно, пожалуй, перевести Лю-юань как «Сад, в котором хочется остаться». По-английски — *The Lingering Garden*.

Сам сад был создан в Минскую эпоху, в 1525 году. Прелесть в том, что его нельзя охватить одним взглядом, он открывается постепенно, по частям. Как матрешка, только содержание все время разное. Вы переходите из одного внутреннего дворика в другой, крытыми галереями проходите сквозь павильоны и беседки, по каменным мостикам через лotosовые пруды и ручьи, через бамбуковые рощицы и цветочные заросли между каменными холмами и горками, и за каждым поворотом вас ждет новый вид, обернувшись, вы не узнаете даже то место, которое только что миновали.

Галереи и павильоны парка украшены каменными стелами с каллиграфическими надписями, выполненными лучшими мастерами древних и средних веков. Сад небольшой, но так искусно спланирован, что недостаток пространства не ощущается, напротив, кажется, что очутился в огромном — другом — мире.

Четыре самых знаменитых парка Китая

Какие парки в Китае самые красивые? Сколько людей, столько и мнений. Все-таки, по мнению знатоков, четыре из них выделяются особо и являются классикой ландшафтно-парковой архитектуры. Это:

- Парк, в котором хочется остаться, Лю-юань / *Liu Yuan*, в Сучжоу;
- Горное убежище от летней жары, Би-шу шань-чжуан / *Bishu shanzhuang*, летняя резиденция императоров в Чэндэ, городке в 200 с лишним километрах к северо-востоку от Пекина;

— Парк Сохраненной гармонии, *Ихэюань* / *Yiheyuán*, место летнего отдыха императоров в Пекине;

— Парк Неумелого управляющего, *Чжо-чжэн юань* / *Zhuozhengyuán*, в Сучжоу. Странное название, верно? Оно проистекает из склонности китайских талантов присваивать себе уничижительные прозвища.

Чэндэ: лучший парк Китая, на взгляд автора, конечно

Казалось бы, невозможно соперничать соразмерностью частей (постройки — воды — горы) с парком Лю-юань в Сучжоу. Казалось бы, трудно превзойти «вписанностью» в природную среду пекинский парк Ихэюань.

Горное убежище от летней жары, Би-шу шань-чжуан, позволю себе заявить, превосходит во всех отношениях своих соперников. Не говоря уже о размерах — он в два раз больше кажущегося бесконечным Ихэюаня. Лю-юань по сравнению с ним вообще крошка.

Парк находится в городке *Чэндэ* / *Chengde*, что в 230 километрах к северо-востоку от Пекина. Почему Кан-си, второй цинский император из маньчжурского рода Айсингиоро, выбрал для летнего отдыха место так далеко от столицы? Разве нельзя было найти место поближе? Ведь дорога до летней резиденции занимала несколько дней.

Ответ, на мой взгляд, очевидный. Меня поймут прежде всего охотники и рыбаки, да и грибники тоже. Они знают: возле дома искать удачу неинтересно.

Кан-си забрался в полюбившуюся ему даль как раз во время охоты. Как поведал мне в Чэндэ местный таксист (таксисты всегда и везде помогают понять местную действительность, пусть даже в ущерб качеству и скорости перевозки), кстати, тоже, как и цинские императоры, маньчжур по национальности, триста лет назад долина реки в горах Яньшань была сплошь покрыта лесами. Позже в горах пожелтелых шелковых свитков из древних архивов, чихая от вековой пыли, я нашел подтверждение тому, что достоверно, в порядке оплаченного полномочным юанем эксклюзива, сообщил мне добровольный гид.

Картины в музеях с изображениями императорской охоты наглядно подтверждают — были леса. Но на этих картинах столько народа, надо вам сказать!.. Облавная охота, она много загонщиков требует. А еще свита. За людьми, конными и пешими, на картинах даже леса не разглядеть. Кстати, охота не только развлечение, она всегда служила для тренировки войск: для слаженности действий, упражнений в конной езде и стрельбе из лука. Разница с военными действиями совсем небольшая.

Император Кан-си обожал охотиться в горах Яньшань на оленей, медведей, зайцев и прочую живность. Ему так понравились те места, горы, река, что в 1703 году в Чэндэ начали строить для него летнюю дачу. Так все и началось.

Впрочем, есть другое объяснение, более серьезное. Чэндэ находится на полпути в Монголию. Собственно, и сейчас до Внутренней (то есть китайской) Монголии из Чэндэ ехать меньше, чем до Пекина. Дорога на родной для маньчжуров северо-восток тоже здесь пролегает, по горным долинам. Путь к Чэндэ идет через Губэйкоу, «Древнюю северную заставу» на Великой китайской стене. Закрой этот проход, и доступная дорога на север отрезана.

Собственно, совпало все: и красота горной долины в соснах, и тяга к родной природе, родным местам, и, как любят говорить в российской думе, геополитическое положение. В Чэндэ китайские императоры изволили вызывать для переговоров представителей народов севера-северо-запада: казахов, монголов, и даже с запада, из Тибета, сюда приезжали на аудиенцию тамошние правители.

Но мы все-таки говорим не о внешней политике цинского двора. Итак, парк заложил Кан-си. На картинах юный император весьма стройный, с усиками на узком лице. Часто на коне. Продолжатель всё набирающей силу династии слыл просветителем, как позже его внук император Цянь-лун.

Кан-си покровительствовал наукам и искусствам, почитал литературу и живопись. Он самолично руководил строительством Горного убежища от летней жары. Устройство его замечательно своей гармонией. Войдя в главные ворота, которые, как полагается в Китае, находятся на южной стороне, вы словно попадаете в Запретный императорский город в Пекине. Но — в миниатюре. И это хорошо. Потому что вы не успеваете устать, проходя сквозь павильоны, где императоры восседали на троне во время торжеств, где они работали, давали аудиенции. Вы быстро осматриваете дворец и оказываетесь в северной его части, на площадке у лестницы, которая ведет вниз — к парку с озерами, островами, протоками, прибрежными рощами на холмах.

В отличие от известного Ихэюаня с его огромным озером или парка Бэйхай в Пекине, водное пространство здесь не открывается взгляду сразу и целиком: оно пересечено дамбами с деревьями и кустарниками, усеяно большими и малыми островами с галереями и павильонами. Вы можете пройти этими дамбами через все озеро, любуясь скалами, гротами и беседками, спрятанными в соснах. Император Кан-си приказал устроить в парке десятки живописных уголков, где можно

посидеть, полюбоваться пейзажем, игрой воды и ветра. Каждое место носит поэтичное название, например, «Остров Исполнения желаний», «Башня Туманного дождя», или — «Каменная площадка Любования рыбами».

Кан-си не дождался окончания строительства, оно продолжалось еще много лет после его смерти. Если точнее, парк обустраивали в общей сложности почти 90 лет. Его закончил в 1792 году любимый внук Кан-си, император Цянь-лун. Он ценил ландшафтное искусство не меньше, чем дед, и парк при нем сделали еще более привлекательным.

На одном из островов бьет вошедший в историю горячий источник. Это место называется Горячая река, Жэхэ / *Rehe*. Собственно, когда-то вся округа называлась Жэхэ, а не Чэндэ. В историко-приключенческом романе о маньчжурском Китае «Восемь знамен» Алана Сэвиджа (один из псевдонимов плодовитого британского литератора Кристофера Николя), который мне в свое время довелось переводить с английского, красочно описывается прием Цянь-луном английского посланника Дж. Макартни как раз в Жэхэ.

За озером начинается «степная», долинная часть парка, основной достопримечательностью которой были и остаются монгольские кочевые юрты. Сейчас, они, конечно, осовременены для туристов, со светом и прочими удобствами.

Словно драгоценный камень, парк обрамлен оправой — горами. К их склонам прилепилось несколько храмов, в том числе копия Поталы — самого большого и известного тибетского храма. Императоры любили переносить в свои парки копии понравившихся храмов, пагод, мостов, обычно — после поездок на юг Китая.

Кстати, считается, что жители Чэндэ обладают самым образцовым произношением на общепринятом китайском языке *путунхуа*. Не столичные жители, а именно они. Как это связано с императорским парком и связано ли вообще — еще одна загадка Китая.

Глиняная армия императора

Лепилась для одного, оказалась интересной многим, поглазеть на нее приезжают люди со всего мира...

Летом 1974 года девять крестьян копали колодец среди пологих холмов поблизости от города Сиань, столицы провинции Шэньси в центральном Китае. Когда углубились на несколько метров, из земли показалась глиняная голова, потом все тело. Одна статуя, вторая, рядом еще и еще... Так обнаружили армию терракотовых (глиняных)

воинов, которые призваны были сопровождать в загробной жизни первого императора Китая — Цинь Ши-хуана. В награду за находку крестьяне получили на всех несколько десятков юаней. Недорого обошлось казне одно из самых известных в мировой истории археологических открытий, называемое по-китайски *бин-ма-юн* / *bingmayong*, что означает «погребальные глиняные фигуры солдат и лошадей».

Тысячи глиняных воинов в полном глиняном вооружении, отрядами по несколько сотен каждый, глиняные кони и глиняные повозки застыли рядами в длинных траншеях под землей. Над ними построили павильоны, музей посещают ежегодно туристы из многих стран мира, но больше всего, конечно, своих, китайских. Всем любопытно. И все интересуются, где похоронен сам император.

Загадка императорской могилы

Захоронение находится в центре четырехугольника площадью 250 тысяч квадратных метров у склона горы *Лишань* / *Lishan* недалеко от Сиани. Внешне усыпальница Цинь Ши-хуана ничего интересного собой не представляет: высокий холм в окружении гранатовых садов.

Конечно, о том, что в тех местах, на Великой китайской равнине, в самом что ни на есть центре страны захоронен первый китайский император, известно давным-давно. Как только властитель Китая отошел в мир иной, исследователи легальные (историки-летописцы) и нелегальные (грабители могил — привет в веках Ларе Крофт!) стали гадать, какие сокровища таит его усыпальница. Было понятно, что добра с собой Цинь Ши-хуан взял немало. Так полагалось. Материальные ценности, они и в загробном мире в почете.

Сто лет спустя после смерти императора знаменитый историк *Сыма Цянь* / *Sima Qian* в своих «Исторических записках» восторгался роскошью подземной обители: могила представляет собой зал, потолок которого якобы усыпан жемчугами, символизирующими звездное небо, каменный пол повторяет очертания Циньской империи, по нему текут серебристые ртутные реки. Китайские археологи установили, где находится гробница Цинь Ши-хуана. Однако не торопятся копать, потому что современные технологии не позволяют сохранить в целости то, что будет найдено. Пока ведется исследование погребального холма специальной аппаратурой. Она показала, что в глубину ведут ступени, внутри есть деревянные конструкции. Датчики установили неестественно большое содержание ртути в районе погребального

комплекса — вспомним легенду о реках из ртути в усыпальнице, «жидкое серебро», по поверьям, давало бессмертие, а первый император хотел его обрести.

Что там найдут — загадка. Сохранилось ли тело или его останки? Есть ли там, под землей, ловушки для грабителей? Какие сокровища на самом деле таятся?

Пока установлено, что некрополь копирует план тогдашней столицы *Сяньян / Xianyang*. Внешняя стена квадратной формы окружает внутреннюю. На глубине до 30 метров были выстроены павильоны для отдыха императора, трапезные, храмы, дома для челяди и даже площадка для охоты. При раскопках в окрестностях найдены керамические и бронзовые журавли и лошади, каменные фигурки придворных, глиняные экипажи.

Цинь Ши-хуан приступил к созданию погребального комплекса, когда ему было всего 13 лет, а закончили все постройки уже после его смерти. Китайские источники отмечают, что строительство велось 38 лет — на 8 больше, чем сооружение пирамиды Хеопса в Египте.

На работах было занято более 700 тысяч человек, которых, как пишут историки, после окончания работ там же в окрестностях и закопали, дабы не выдали секрет императорской могилы. Среди останков обнаружили кости европейца. Это показал анализ ДНК. Видимо, бедолагу императорские войска отбили в числе других пленных у племени кочевников, которые, в свою очередь, захватили его во время предшествующих походов на северо-запад. Выходит по всему, он был одним из первых гастарбайтеров-европейцев в Китае.

— Да это обманка какая-то, мавзолей Цинь Ши-хуана, — сказал возмущенно Сеня. — Я туда приехал, посмотрел этих воинов, глиняных, а экскурсовод говорит, мол, рядом еще есть мавзолей. И показывает на высокий холм. Полез я на него. Жарища жуткая. Да, еще деньги заплатил перед подъемом. Лез, лез, еле добрался, холм-то высокий. Еще думаю, а как же могилу на такой высоте устроили, китайцы-то своих закапывают поглубже, взять тех же минских императоров, там под землю спускаться и спускаться. Ну ладно, думаю, все-таки первый был император, мог и по-своему все сделать, на холме окопаться. Да. Поднялся на вершину. Там стоит беседка, кругом китайцы, как и я, отдуваются. По сторонам озираются, пот утирают. А где вход-то? А нет его. Вообще ничего нет, кроме беседки. Ни двери, ни прохода вниз. В центре беседки столик под стеклом. Подхожу, читаю. Написано, мол, здесь захоронение Цинь Ши-хуана. И все!.. Я спрашиваю китайцев: где могила-то? А они сами в затылке чешут. Спустился вниз. Экскурсовода нет, он свою экскурсию закончил. А другие китайцы,

местные, объяснили, что никто вообще-то и не знает, в этом холме лежит Цинь Ши-хуан или нет. Этих холмов вокруг... полно. Он специально их насыпал несколько, втайне все обустроивал, чтобы грабители не раскопали. И китайские ученые тоже не уверены, что могила точно там. Вот и не копают пока.

— И чем же ты недоволен? — спросил Мудрец Сун. Они с Сеней отужинали в ночном ресторанчике на Дунчжимэнь нэй-да-цзе (она же — улица Призраков) и наслаждались сигарками марки «Лев», которые стали выпускаться для первого поколения китайских коммунистических руководителей, а затем уже для более широкого круга курильщиков.

— Как чем? Зачем писать, что мавзоль Цинь Ши-хуана?

— Думаю, ты неправ. Думаю, там было написано — Могильный холм Цинь Ши-хуана.

— Какая разница?

— Но на холм же ты взобрался?

— Да.

— Холм есть?

— Есть.

— И достаточно. Это и есть могильный холм.

— А деньги-то за что?

— Деньги за то, что ты растряс свой пивной живот. За удовлетворение любопытства. — Мудрец Сун затушил сигарку в нефритовой пепельнице. Нефрит был не из дорогих. — Кроме того, не забывай, ты снова внес свой вклад в благосостояние китайского народа.

— Ну, если так... — сказал Сеня и выпил еще хризантемового чая.

— Только так. Только так и надо относиться к жизни, — сказал Мудрец Сун. — Видеть хорошее. И будешь жить долго и мирно.

Гонконгские шустряки

Если выпало в Китае мне родиться,
Жить бы стал в Гонконге я у моря...

(Мог бы написать Иосиф Бродский)

Гонконг взял лучшее от Запада и от Востока. Он смотрит на Запад, но его крепко держит в своих объятиях Пекин.

В Гонконге все растет вверх. А люди очень шустрые. Но воспитанные. Не пристают по пустякам. Аккуратные. Потому что штраф за мусор, плевок или курение в неположенных местах (в такси, к примеру) составляет от нескольких сотен до пяти тысяч местных долларов, то есть

до 650 американских. На улицах нередко видишь большие оранжевые урны, возле которых торчат страдальцы, вышедшие перекурить. Беречь время и деньги и зарабатывать их здесь умеют, как мало где. В Китае гонконгских бизнесменов и финансистов считают самыми головастыми.

Гонконг делится на главный остров, собственно *Сянган / Xianggang* (Ароматная гавань), несколько неглавных и — материковую часть на полуострове Коулун (Девять драконов, *Цзю-лун / Jiulong*), смежную с городом Шэньчжэнь. Когда проезжаешь по центральным улицам острова, то думаешь, что жить здесь невозможно. Так все тесно. Дороги узкие, дома высоченные, машины несутся несуразно по левой стороне. А мы-то не англичане.

Но — дороги хорошие. Небоскребы — суперсовременные. Тойоты, машины такси, на английский лад зовущиеся кэбами, а по-китайски *диши / dishi* (taxi, перекочевавшее сюда через гуандунский диалект), прочные и просторные. Метро, трамвай, автобус: маршруты продуманы, пересадки удобные. Указатели на китайском и английском — на каждом шагу. Все сделано по уму. Англичане, которые получили остров в 1842 году по Нанкинскому договору в итоге первой опиумной войны и владели им полтора столетия, знают, как сделать жизнь удобной. Город прижат к горам и взбирается по ним вверх. Дороги петляют по склонам, укрепленным бетоном так искусно, что не отличишь от скалы. В искусственном камне сделаны отверстия для стока воды. Стены защищают от оползней. Океанские тайфуны приносят массу воды, и, наталкиваясь на горы, сбрасывают ее вниз на Гонконг, заливая все вокруг и размывая землю.

Движение в городе, хотя машин много, налажено отменно. Видеокамеры и большие штрафы заставляют уважать правила. Их жесткое соблюдение обеспечивает жизнь почти без пробок. Менять ряд запрещено задолго до выезда со скоростной дороги, чтобы избежать кучималы из машин, как это бывает в других больших городах, например, в Пекине или Шанхае. Многие дороги односторонние, и хотя часто приходится делать крюк, скорость движения тем самым гарантируется высокая. Немалые штрафы ждут тех, кто припарковался в неподобающем месте или остановился, чтобы взять пассажира. Для автобусов отведены специальные полосы. Пешеходов на зебрах пропускают. Гудки запрещены, это считается показателем невежества. Все это для меня, привыкшего к дорожному хаосу и шуму других китайских городов, пролилось бальзамом на душу.

В 1997 году Китай восстановил свой суверенитет над Гонконгом. Тот год был тревожным для всех жителей города-государства. Ведь он

привык к своему вольному международному статусу. Каково будет в объятиях родины? Пекин понимает, что именно свобода Гонконга сделала его привлекательным для бизнеса, позволила стать финансовым и экономическим центром. Он старается сохранить эти преимущества, но политически «прижимает», ему не нравится дух свободымыслия и «излишней демократичности». В самом деле, Гонконг привык отгораживаться от большого Китая — и границей, и языком: иероглифы здесь по-прежнему старые, полные, а не сокращенные, как в материковом Китае. Все с тобой общаются по-английски, с разной степенью бойкости, но тем не менее. Определенная степень свободы здесь сохранилась. Газеты не боятся выступать с критикой Пекина и центральных властей. А жители решительно выходят на демонстрации, когда считают, что власти наносят ущерб их правам.

Жизнь, конечно, изменилась. Журналист Питер Каммерер, обозреватель газеты «South China Morning Post» с ностальгией вспоминает Гонконг прежних времен — более открытый, приветливый, не такой суетливый. Теперь же, пишет он, Гонконг занял в исследованиях социологов третье место по недружелюбию в мире — после Москвы и Лондона.

Самая сжатая и престижная часть острова Гонконг — узкая полоса между подножием гор и морским заливом имени королевы Виктории. Здесь ритм жизни самый жесткий. Здесь самые важные люди в деловых костюмах, самые высокие небоскребы, самые быстрые мотоциклисты-курьеры, самые оживленные дороги, по которым и среди ночи куда-то мчатся такси. Здесь улицы с английскими названиями — всякие там Gloucester или Hennessy Road, или Nelson Street. Здесь самые дорогие офисные квадратные метры и самый лучший шопинг. Самые ухоженные продавщицы. Хотите почувствовать Гонконг — прогуляйтесь по району Causeway Bay в квартале между магазином Sogo и торговым центром Times Square. Хотите посмотреть, где покупают вещи самые модные девушки Китая? Загляните там же в магазин «Навсегда 21» — Forever 21, заодно и полюбуетесь этими девушками.

Цены на вещи вполне приемлемые, и это особенность Гонконга: если транспорт, проживание и еда гораздо дороже, чем в остальном Китае, то ширпотреб обходится в разумные деньги. Причем одежда и обувь — самые модные. Гонконг диктует моду.

Еще один популярный торговый район находится на материке, в Коулуне. Он называется Мыс колкого песка, Цзянь-ша-цзуй / *Jian-shazui*, а по-гуандунски — Tsim Sha Tsui. Множество магазинов на любой вкус разместилось у главной дороги — Натан-роуд, получившей

имя в честь 13-го губернатора Гонконга, но проложенной задолго до него — она стала первой улицей Коулуна еще в 1861 году.

Бросается в глаза и поражает обилие в Гонконге ювелирных магазинов под известной торговой маркой Zhou Dafu (Chow Tai Fook), они буквально на каждом углу, а реклама зазывает с автобусов, экранов на стенах зданий и экранов ТВ; такое впечатление, что все приезжающие просто обязаны отовариться в Гонконге золотом и бриллиантами.

Вам хочется купить вещи очень дорого? Или изучить ценники с бесконечными нолями? Отправляйтесь в торговый центр IFC рядом с одноименным 88-этажным финансовым центром (самым высоким зданием на острове) и высотным отелем Four Seasons. Там просто выставка всех ведущих марок.

Любите ночную жизнь? Вам прямая дорога в популярный среди экспатов Квартал орхидей и корицы, *Лань-гуй фан / Langui fang*, он же Lan Kwai Fong по-гуандунски. Очень колоритное место, на склонах гор, сжатых гармошкой, причем не только вдоль, но и поперек: узкие переулки ухают резко вниз или лезут косо вверх, переплетаются, бок о бок теснятся бары и рестораны, в полночь полно народа...

Устали от суеты центра — добро пожаловать на противоположную, южную сторону острова. Там и рыбацкую деревню найдете, и пляжи, кстати, бесплатные и чистые. А море бирюзовое. Хотите посмотреть на Гонконг сверху? Тогда отправляйтесь на трамвайчике на пик Виктории (Victoria Peak). Уж какая там сила затаскивает транспортное средство со столетней историей вверх за несколько минут, непонятно, но в кресло вжимает, как в самолете на взлете. Говорят, электричество тащит, но я сомневаюсь. Какая-то другая сила, может, небесная. Без фэншуя, в Гонконге чрезвычайно популярного, наверняка не обошлось. А сверху, с вершины можно насладиться потрясающим видом синего залива с большими и малыми кораблями, позавтракать в кафе с видом на всю эту красоту.

— Да зачем на этот пик тащиться? — спросил Сеня. — Разве здесь плохо? — Они сидели с Мудрецом Суном в баре на 34-м этаже гостиницы Excelsior, в которой всегда останавливались во время поездок в Гонконг. Вечером отсюда открывалась просторная панорама залива, залитого огнями небоскребов с обеих сторон, в тоннель под ним безостановочным потоком неслись машины, моторизованные джонки сновали вдоль берега. — И здесь все здорово видно, верно? И платить не надо за подъем. Давай-ка еще закажем виски, односолодового!

У вас есть представление об идеальном аэропорте? В Гонконге вашу мечту сделали явью. Сделали на много лет вперед, с размахом звездных войн, вернее, мировым. Простор и комфорт. Воздух, свет и чистота.

Тебя везде ждут и готовы помочь, штат аэропорта — несколько десятков тысяч человек. Дорога на такси до аэропорта из центральной части острова, которая так и называется — Central, обойдется в две-три сотни гонконгских долларов, но можно добраться другим транспортом — и гораздо дешевле. Например, поездом-экспрессом: полчаса, и вы достигли цели. Или автобусом-шаттлом. Или совсем дешево — на метро.

Не стоит думать, что в Гонконге живут сплошь финансисты-капиталисты. Все-таки, как ни странно покажется для мирового финансового центра, здесь больше обычных людей среднего достатка, которые по утрам и вечерам дисциплинированно выстраиваются в очереди на остановках двухэтажных автобусов. А по вечерам ужинают в ресторанах, кафешках или дома. Воспитывают детей. Всё вроде как везде. Есть и бедняки. Есть и дома, которые называют «цементный лес»: с крошечными квартирками, тесными коридорчиками и совмещенными удобствами.

Это город-работяга. Когда едешь вдоль побережья, видишь гигантские контейнерные терминалы, огромные краны, суда, подходящие на погрузку-разгрузку.

В целом люди живут и работают в более быстром темпе и получают более весомые зарплаты, чем в других районах Китая, качество и уровень жизни здесь выше. Материковые китайцы рвутся в Гонконг. Получить гонконгский паспорт — несбыточная мечта. Он позволяет ездить по миру без визы — в 139 стран и регионов. Для получения вида на жительство достаточно родиться в Гонконге. До недавних пор ежегодно сюда приезжали рожать из материкового Китая несколько десятков тысяч женщин. Помимо гораздо более комфортных условий для родов, семьи таким образом обеспечивали ребенку возможность — при желании — учиться в Гонконге на льготных условиях, получить высшее образование. Правда, в таком случае он терял право на паспорт КНР, так как двойное гражданство запрещено. Однако гонконгское гражданство достаточно удобно и в Китае. Так что семьи были готовы потратить большие суммы — до 25 тысяч американских долларов за медобслуживание и сервис посредников, чтобы наследник родился на острове. Но затем власти решили, что пора прекратить эту практику и запретили континентальным женщинам «родовые поездки». Населения в 7 с лишним миллионов острову и так достаточно, даже с избытком.

Власти также ограничивают поток желающих приехать сюда туристов из КНР. Их можно понять: разреши свободный безвизовый въезд, и Гонконг просто затопчат. Я как-то въезжал в Гонконг из Шэнь-

чжэня на частной машине коллег после того, как мы гуляли на свадьбе наших друзей. Друзья друзей, которые нас принимали, были непростые — владельцы Шэньчжэньского центра релаксации *Дэшибао / Deshibao*, построенного в виде немецкого замка, с девизом «Д-клуб. Наслаждайся своей жизнью вместе с нами каждый день» (D. club. Enjoy your life with us every day). Он предоставляет для отдыха 20 тысяч квадратных метров: бассейн, бани, два огромных массажных зала — один посветлее и пошумнее, другой затемненный, массажные VIP-кабинеты, комнаты для игры в мацзян, ресторан с 200 поварами и официантами, гостиничные номера 5-звездного уровня; одних только массажистов и массажисток в Дэшибао трудится 800 человек, а клиенты оставляют в стенах клуба от нескольких сотен до нескольких сотен тысяч юаней. Нас возили по городу Бентли и Роллс-Ройс. Еще тогда я обратил внимание на большую желтую номерную табличку с именем нашего приятеля на латинице поверх еще одной, с гуандунским номером. Подумал — ну, причуды богатых, бывает. Оказывается, не причуда. Это выяснилось при пересечении границы. Друзья сказали мне: «Посмотри, все здесь с двумя номерами — желтым гонконгским и черным гуандунским. Только они могут ездить беспрепятственно туда и обратно. И знаешь, сколько стоит обладание одновременно двумя номерами? Миллион двести тысяч юаней». 200 тысяч американских долларов! Ничего себе. Причем, объяснили мне, их разрешают получить не всем, у кого есть деньги, а только тем, кто внес существенный экономический вклад, например, сделал многомиллионные инвестиции в Гонконге.

Да, ограничения нужны. Ведь одна из главных проблем здесь — нехватка места. Горы просто-таки выпихивают Гонконг к морю, вынуждая максимально рачительно использовать пространства. Дома стараются строить так, чтобы заняли минимум места под собой. «Жирных» домов мало. Здания кажутся стройными, плоскими, как живот модельки. Внутри жилых домов тоже не размахнешься. Экономия пространства максимальная. Коридоры рекордно узкие, толстякам не разойтись без трения.

Если хотите более просторной и спокойной жизни, перебирайтесь на материковую часть Гонконга, на полуостров Девяти драконов — Коулун. Здесь улицы шире, всё попроще и потише. В общем, похоже на средний такой китайский город. На тот же соседний Шэньчжэнь. Хотя дома новые, тоже высоченные. Но после бешеной островной суеты здесь отдыхаешь.

Однако, если уж совсем хотите отдохнуть в тишине, то добро пожаловать в Макао. Да-да, в тот самый Макао, город-казино, прославленный на весь мир.

Макаоские мямлики, тихие и азартные

До Макао шестьдесят километров морем от Гонконга (знаю, знаю, надо писать в милях, но я же не моряк). Есть паром (ferry), а точнее — вместительные катера TurboJet'ы, которые ходят туда каждые 15 минут с пристани в Центральном районе острова и каждые 30 минут — с полуострова Коулун. Ночью пореже — раз в час. Катера идут ровно, плавно, не заметите, как пролетит час — и вы в Макао. А хотите, вертолет доставит еще быстрее. Всего-то за 4 тысячи гонконгских долларов (500 американских).

Макао (Аомэнь) — единственный город КНР, где разрешены азартные игры. Какие у вас возникают ассоциации при слове «Макао»? Азиатская столица игорного бизнеса, казино и ночная жизнь, притоны и прочие злачные места? «Город греха», место действия фильмов про бандитов, где гонконгские триады соперничают с макаоскими?

Так было до недавнего времени. Страсти приутихли, когда Макао вернулся в лоно родины (так любят говорить в Китае) после многолетнего португальского правления. Нет, казино остались, даже появились новые, ночная жизнь тоже продолжается, но в более спокойном виде. Хотя, зайдя вы в казино Grand Lisboa (Лиссабон), одно из самых крупных, ощущение спокойствия тут же улетучится. Напряжение в центральном зале пропитывает воздух сильнее, чем сигаретный дым. Отрешенные, я бы сказал, «слепые» лица людей, сидящих за игровыми столами, впечатляют. Они словно пребывают в ином измерении, в другой жизни. Игроки, а это большей частью китайцы, съезжающие сюда со всего мира оторваться на всю катушку, сражаются в свои китайские игры: аналог рулетки *фаньтань* / *fantan* или «драгоценные игральные кости» *сик-бо* / *sicbo*, а также в принятые повсюду азартные игры: покер и блэк джек, рулетку, но преимущественно — в баккару. Массу желающих испытать удачу привлекают «Колеса удачи», причем большинство игроков — женщины. К полуночи зал набит битком, не протолкнуться. Хотите уединения? Пожалуйста в VIP-залы на других этажах. В этих зальчиках тихо. Охранников море — берегут покой и безопасность гостей.

Однорукие бандиты, по-нашему, по-народному — слот-машины, на первом этаже привлекают всех, и новичков, и опытных старушек. Все вокруг кажется каким-то придуманным, киношным, словно кто-то вот-вот крикнет: «Стоп! Снято!»

К действительности возвращают крупье, которые в белых рубашках и черных жилетках ранним утром ждут первого автобуса на дороге. Домашние такие тетечки, вполне себе положительные. Даже

толстенькие есть. И еще своих хозяев и хозяек ожидают возле казино длинные ряды мотоциклов. Персональный транспорт обслуживающего народа.

Отважные португальцы в смешных то ли чулках, то ли сапогах на голу ногу (именно такая статуя португальского морехода стоит на площади недалеко от старой гавани) впервые высадились на полуостров в начале XVI в. Расположение Макао в дельте Жемчужной реки, *Чжуцзян / Zhujiang*, третьей по протяженности в Китае, позволяло наладить связи с многими провинциями Китая, прежде всего южными. Отчаянные португальские бородачи, мореплаватели и купцы, торговали со всем миром китайскими товарами: шелком, чаем, фарфором, жемчугом, пряностями. Они проложили великий морской шелковый путь по южным морям к Средиземноморью.

Все названия улиц в Макао написаны на португальском и китайском. Это официальные языки. Макао состоит из одноименного полуострова и двух островов, с которыми соединяют белоснежные, красиво изгибающиеся мосты.

Дома в старой части города построены так, как их строили в Португалии несколько веков назад. Розовый и белый цвет, окна в ставнях, улицы и площади выложены булыжником. Символ Макао — собор Святого Павла. Вообще-то он назывался собором Пресвятой богородицы и был построен в начале XVII в. португальскими моряками, чудом избежавшими гибели в столкновении с голландскими пиратами. От собора остался только фасад с фигурой девы Марии и крестом на вершине.

Там же рядом — форт. Крепость с пушками на вершине горы. И отличный современный музей Макао, где можно отдохнуть от жары и получить представление об истории города. Но историей сыт не будешь.

— А вот это верно! — воскликнул Сеня. Они с Мудрецом Суном сидели в лучшем ресторане макаоской кухни, объединившей чудеса китайской и португальской кулинарии, с названием *Litoral*, в районе старого порта. Ресторан — обладатель мишленовских звезд и многих других почетных званий и наград. Друзья заказали рис с морепродуктами, жареные сардины и белый портвейн. Официантки летали. Хозяин-португалец все контролировал. Сардины таяли во рту. — Да, вот это я понимаю — Макао! — Сеня был взбудоражен. Мудрец кивнул. Он понимал настроение приятеля. Только что они приехали из казино *The Venetian*, построенного в игровой зоне на насыпной территории, соединившей два острова — Тайпа и Колоан. «Венеция» — целый город, с гондолами в искусственном внутреннем канале под синим фанерным

небосводом, с китайскими и импортными гондольерами в тельняшках и шляпах, распеваящими чувствительные песни для услады туристов, с десятками бутиков, гостиницей и конечно, центром всей жизни казино — огромным игровым залом. Таким большим, что стены терялись вдали. Их заслоняли игровые машины и экраны. Зал кишел народом. Сеня поменял на фишки тысячу гонконгских долларов и сел за рулеточный стол, выбрав не электронную, а старую добрую механическую рулетку. Сеня полагался на опыт, который приобрел когда-то в Хабаровске, в казино гостиницы «Турист», вместе с китайским коллегой они просидели там за рулеткой всю ночь, компанию им составлял бритоголовый местный бизнесмен с телохранителем. Сеня тогда остался в итоге при своих. Здесь же, в макаоской «Венеции», он сначала проигрывал, потом отыгрался и фишку в 1000 долларов тут же благо-разумно отдал Мудрецу Суну. Потом играл на оставшиеся, проиграл и вопрошающе посмотрел на Отшельника. Но настаивать не стал. Разогрел кровь, ушел со своими — уже хорошо. Сеня подкладывал Мудрецу сардинки и заказывал все новые рюмочки портвейна. В завершение друзья съели взбитые белки с манговым соусом. Жизнь удалась!

Рядом с портом, возле которого ужинали Мудрец и Сеня, стоит построенный в XV в. храм покровительницы моряков и рыбаков *А-Ма / А-Ма (Ма-цзу / Ma zu)*. Эта китаянка прославилась тем, что, по легендам, могла успокоить разбушевавшееся море и спасти рыбаков. Храм небольшой, но любопытный, со свойственным Китаю смешением буддизма, даосизма и народных религий. На почетном месте, конечно, статуя Гуаньинь. Воздух насыщен дымом благовоний. В тазиках с водой ползают по устилающим дно монеткам «священные» черепахи: согласно поверьям, они приносят счастье и благоденствие.

Покровительнице мореходов А-Ма остров обязан своим названием. Высадившись на берег там, где сейчас стоит храм, португальцы спросили рыбаков, как называется остров. Им ответили: «Это молельня матушки». По-китайски — *Ма гао-мяо / Ma gaotiao*. А отсюда совсем близко до *Макао*, верно?

Португальцы управляли Макао более 4-х веков. Доходы приносила в основном торговля. Затем, с 1962 года, когда были легализованы казино — игорный бизнес. Вроде бы хорошие деньги, но... Утверждают, что по развитию Макао отстает от Гонконга лет на тридцать. В общем, так оно и есть. Построенные лет сорок с гаком назад невзрачные многоэтажки (по-нашему — хрущобы) во влажном климате под ветром и дождями обветшали, облупились и производят не самое радостное впечатление. Низок уровень образованности. Молодежь, видя перед собой «легкие способы получения денег», не стремилась к высшему

образованию, предпочитая устраиваться поближе к игорным домам. На игорном бизнесе, как показывает жизнь, не очень-то удавалось строить общее процветание. Возможно, сказывалась удаленность от Португалии: расстояние убивает управление. Да и к чему португальцам суетиться, вкладывать деньги, если все должно было перейти в другие руки?

В 1999 году Макао снова стал китайским.

С тех пор жизнь здесь диктует Пекин. Макао играет по его правилам в прямом и переносном смысле. Смягчились правила приезда сюда китайцев с континента, были разрешены индивидуальные посещения взамен групповых. Открылись новые игорные заведения. Рядом со старым «Лиссабоном» поднялась затейливая башня нового Grand Lisboa. Теперь в Макао более 30 казино, самое крупное из которых The Venetian Macao, в котором отметились Сеня и Мудрец Сун: копия лас-вегасского, с кучей шоу, с 3400 игровыми автоматами и 800 игровыми столами, а также отелем на 3 тысячи номеров — самым большим в Азии. «Венеция» процветает, побуждая конкурентов строить новые и новые казино.

Индустрия азарта включает многое. Это и скачки, и собачьи бега, и спортивные тотализаторы, и лотереи.

Результат — возросший приток туристов, многократный рост выручки. Доходы казино Макао достигли пика в 2013 году — 45 миллиардов долларов США. Здесь надо бы поставить восклицательный знак. (Эта сумма равна примерно 1/10 доходов бюджета России в 2013 году, составивших 439 миллиардов долларов.) Но делать ставку на азартные игры — весьма опасный перекося. Китайские власти это прекрасно понимают. Они пытаются разнообразить источники дохода. В Макао развивают выставочный бизнес, туризм, здесь хорошие пляжи, поля для гольфа, сооружена трасса для соревнований гоночной «Формулы». Строятся новые офисные центры, гостиницы, жилые районы.

В ходе антикоррупционной политики усилили меры финансового контроля, в результате в 2015 году доходы казино Макао сократились более чем на треть. Приструнивая азартных игроков (страсть сгубила карьеру не одного чиновника, играющего на казенные деньги), власти запретили гражданам КНР приезжать в Макао чаще, чем раз в два месяца. Но есть же и другие казино, и не так далеко, в Сингапуре, Малайзии, Камбодже. Тот же Лас-Вегас всегда с удовольствием приветит китайцев. Они составляют большинство игроков, играющих по-крупному в разных казино мира. Ведут игру расчетливо, изобретательно, к тому же у каждого второго идеальное покерное лицо. Скорее, у каждого первого.

«Почему же в Макао — мямлики?» — спросите вы. Потому что жизнь здесь гораздо тише, чем в соседнем, чуть не написал — братском, Гонконге. Мы заехали как-то в район новостроек на острове Тайпа. Автобус еле полз. Он петлял так, как петляет заяц, убегая от лисы. Шел зигзагами. Между зигзагами расстояние было максимум 200 метров. В Москве, Пекине и тем более в Гонконге такой неспешно-кропотливый сбор пассажиров был бы просто немыслим. А здесь — люди стояли и ждали, пока их подберут. Они и не думали пройти лишние метры. Зачем суетиться? Это Макао!

Придумано китайцами: — даже кетчуп...

Его сочинили они, а не кто-либо еще. Американский производитель маринованных овощей и соусов Генри Хайнц в 1876 году решил выкинуть на рынок какой-нибудь новый продукт для увеличения продаж. Как пишут историки маринования, он вспомнил про отведенную им в заморских путешествиях диковинную китайскую приправу «ке-циап» (забавно звучит для уха китаиста), сделанную на основе помидоров и крахмала. Г. Хайнц слегка изменил состав, добавил пряностей — получился кетчуп, который прославил и обогатил американца. Но в основе — все та же китайская кухня, куда же от нее денешься...

Шаолинь — ценный экспортный товар

Китай прославился на весь мир своими бритоголовыми, в желтых одеяниях, монахами из Шаолиньского монастыря, которые на первый взгляд вместо положенного чтения молитв и медитирования занимаются исключительно тем, что дубасят друг друга, используя только им ведомые приемы боя. Прыгают, скачут, вертятся, гнутся и лупят соперника руками, ногами, бамбуковыми палками.

По преданиям, искусство боя из *Шаолиня / Shaolin*, монастыря, находящегося в центральной части Китая в провинции Хэнань, уходит в глубокую старину, лет этак на 1500 назад. Хэнань означает — «южнее реки», матушки Хуанхэ. То есть в самом сердце Китая родилось это знаменитое искусство монашеской драки. По легенде, монахи были вынуждены защищать свою обитель от разного рода врагов, либо воинственных племен с севера, либо доморощенных разбойников-лиходеев. Буддистам между тем не полагается брать в руки оружие. Вот и пришлось монахам и послушникам драться с врагами голыми руками. Волей-неволей они придумали технику боя, которая позволяла одолеть

не только пешего воина, но и всадника с мечом или копьем. (Замечу, что монахи-воины были и в России, взять хотя бы знаменитого Пересвета, перед Куликовской битвой вступившего в конное сражение с бойцом-поединщиком противника, могучим и опытным Челубеем; в схватке погибли оба отважных бойца.)

Современная боевая слава монахов началась в 1982 году, когда на экраны вышел гонконгский фильм «Шаолиньский монастырь». Это был первый фильм, снятый гонконгской студией на территории материкового Китая. (Гонконг тогда был колонией Англии, да и сейчас считается хоть и своим — «вернулся в лоно Родины» — но все равно вроде как иностранным.) История любви послушника к дочери своего наставника, благородной мести на фоне непрерывных боев вызвала волну интереса к боевым искусствам вообще и шаолиньскому мастерству в частности. В главной роли дебютировал 19-летний чемпион Китая по ушу Ли Лянь-цзе / *Li Lianjie*, уроженец Пекина, который переселился в Гонконг, сделал блестящую кинокарьеру и прославился в голливудских блокбастерах под именем Джет Ли, Реактивный Ли.

Монахи утверждают, что стиль Шаолиня отличается от других видов мастерства ушу прежде всего духовной глубиной, сочетанием с буддийской практикой. То есть почитал молитву — помахал кулаками, помедитировал — полупил палкой по башке друга-послушника. Однако те же монахи жалуются, что в последнее время, когда проводятся спортивные состязания по боевым искусствам, на первое место в массовом сознании выходит все-таки физическая форма и техника.

Так это или не так, судить сложно. Но то, что Шаолинь стал торговой маркой мирового уровня, несомненно. В Китае по схеме франчайзинга создаются его школы. Шаолиньское боевое искусство экспортируется: в разных странах действуют школы под этой маркой. Ежегодно свыше полутора миллионов туристов, в том числе из-за рубежа, приезжают в Шаолинь поучиться приемам драки или просто посмотреть на загадочных монахов-бойцов. Под маркой Шаолиня продаются пиво, мебель и масса других товаров.

Это вызывает раздражение китайцев, приверженных традиции, которые считают, что коммерциализация Шаолиня ведет к деградации, упрекают наставника — главу монастыря в стремлении к богатству и почестям, мирской славе.

Когда подъезжаешь к городку Дэнфэн / *Dengfeng*, где находится монастырь, по обеим сторонам дороги на каждом шагу видишь вывески и указатели спортивных заведений, которые готовят спортсменов под маркой «Шаолинь». На асфальтовых площадках возле школ или

на пыльных пустырях утром, днем и вечером мальчики и девочки, юноши и девушки в спортивных костюмах отрабатывают движения под открытым небом. Масштабы индустриализации мастерства ушу впечатляют.

В самом Дэнфэне и других городах недалеко от монастыря работают школы большие и малые, в каждой обучаются от 100 до нескольких тысяч подростков. Своя школа с двумя тысячами учеников есть и у монастыря. От других она отличается воспитанием в духе буддизма, следованием принципу «очищения души и закалки характера», ну, и конечно, гармонии на принципах *инь* и *ян*.

Как-то я беседовал с девушкой, чей брат проходил курс обучения в одной из шаолиньских школ в провинции Хэнань. Он начал заниматься с 5 лет. Не сам пошел, родители отдали в учение. Оно шло очень тяжело, в отрыве от семьи, в изнуряющих тренировках. Зачем? Ответила так: родители надеялись, что он станет прославленным чемпионом и заработает много денег.

Большинство ребят в этих школах — из неблагополучных семей, преимущественно сельских, либо дети крестьян, оставленных дома родителями, уехавшими на заработки, либо из неполных семей, либо «незаконные» дети, то есть рожденные «вне плана», не имеющие прописки в городах. Для них занятие в школах ушу единственный выход. Обучение платное, около 300–400 долларов в год, но родителям все равно дешевле и удобнее отдать туда ребенка на полный пансион. Куда идут потом все эти выпускники, владеющие навыками боевых искусств? Предел мечтаний — остаться тренером в школе, остальные идут в армию или, что ниже по статусу, в охранники. Занятия боем они совмещают со школьным образованием, по несколько уроков в день, этого, конечно, недостаточно, чтобы после окончания поступить в вуз. Никто почти и не поступает.

— Смотрел я тут гонконгский фильм про театральную труппу, — сказал Сеня. — Они выступали в разных городках, ну, и пекинскую оперу исполняли в том числе. Там в группе акробатов-ушуистов был мальчик. Ему и кирпич на голове разбивали, и живот копьем кололи, чего только не делали...

— Думаю, это трюки для невзыскательной публики, — заметил Мудрец Сун. Вместе с Сеней они на сайте Таобао выбирали новый меч для занятий ушу. Старина Сун уже несколько лет упражнялся с мечом под руководством наставника, 80-летнего мастера, неоднократного победителя всекитайских соревнований в старших возрастах.

— Неважно! Там был еще зритель, ему понравилось. Он приходил на все представления. И вот пришел, а вместо мальчика выступает

кто-то другой. Зритель спрашивает: «А где тот мальчик?» Ему отвечают: «А-а... Мальчик... Мальчик того... Умер. Теперь вон тот парнишка вместо него».

— При чем здесь Шаолинь?

— Да так, к слову пришлось.

Шаолинь — энергетика духа

«А что же в монастыре происходит? — спросите вы. — Неужели правда — проникся спортивно-коммерческим духом?»

Этого я и опасался, когда вошел вместе с женой и дочкой в его стены. Но вскоре успокоился. Монастырь, как ему и полагается, тих и спокоен. Да, бродят гости, заморские и китайские, но не очень мешают. Монастырь живет своей внутренней духовной жизнью, неспешной и раздумчивой. Дни проходят в молитвах. Здесь совершенствуют себя около 100 монахов. В их распоряжении, кроме свитков с буддийскими сутрами, интернет и мобильные телефоны.

Что меня поразило? Недаром говорят о намоленных стенах. В монастыре особая атмосфера, которая воздействует, причем не только на вас, не только на душу. Энергетика места настолько сильна, что выходит из строя техника. В буквальном смысле. Мы пытались сделать фотографии, снять на камеру — ничего не получалось. Нет, никто не запрещал снимать. Только батареи мгновенно разряжались. Кадры получались засвеченными. То же самое, кстати, случилось спустя несколько дней в храме Белой лошади, *Бай ма сы / Bai ma si* — первом буддийском храме в Китае, в недалеком от Шаолиня городе Лояне, древней столице.

В Шаолине же дочка Лида специально поставила в камеру новые батареи, накануне подзарядила старые. Но вошли в монастырь, и они мгновенно сели, и новые, и старые. Снимки фотоаппаратом тоже не получились, хотя день был пасмурный, с дождем, солнце если и проглядывало, то сквозь тучи, но тем не менее все кадры оказались белыми, засвеченными: такое впечатление, что наводили объектив на солнце. (Дочка прочитала и поправила: «Было не совсем так. Кадр вышел только один, смазанный из-за сложных условий съемки, — было темно, за башней скрылось солнце. А кадр вышел потому, что я мучительно натирала батарейку о свитер — хотя научно все это неправильно 😊».)

Сильнейшая энергия намоленного места выводит технику из строя? Я не очень люблю говорить о таких вещах (энергетика, дух, аура и прочее), но что было, то было.

Это меня успокаивает: есть вещи посильнее силы, покрепче каменных кулаков и железных лбов. Дух все-таки первичен, что бы ни говорили физкультурники.

Лушань: дачи, пленум, облака... и первый социалистический поцелуй

С института в голове засело немало названий китайских городов, гор, рек. Они казались странными, непонятными. Работа и жизнь в Китае предоставили возможность разобраться хотя бы с частью этого хозяйства. Так мы очутились в городе Девяти рек — Цзюцзян / *Jiujiang* на севере провинции Цзянси. Почему в Цзюцзяне? Об этом отдельный разговор...

Пока — про другое. Недалеко от Девятиречья находится одно из самых красивых мест Китая, связанное и с древностью, и с новой историей: национальный парк Лушань / *Lushan*, признанный ЮНЕСКО объектом всемирного наследия.

Этот горный хребет смотрит на севере на Янцзы, на востоке — на огромное озеро Поян-ху / *Poyang hu*. Красоту горных пиков, лесов, водопадов, озер, трав и цветов воспели самые известные поэты древнего Китая. Лушань можно перевести как «Обитель отшельника». Горы приютили немало буддийских и даосских храмов. Здесь размышлял над идеями Кун-цзы и Лао-цзы, продолжая и развивая их, основоположник неоконфуцианства философ Чжоу Дунь-и / *Zhou Dunyi* (1017–1073), а в XII веке его последователь, выдающийся мыслитель Чжу Си / *Zhu Xi*, соединивший лучшее в конфуцианстве, даосизме и буддизме, основал знаменитое, престижнейшее учебное заведение тех времен — Академию пещеры Белого оленя, Бай лу дун шу-юань / *Bai lu dong shuyuan*.

Ученым, исследующим новейшую историю страны, слово Лушань говорит о другом. В июле-августе 1959 года здесь проводился пленум ЦК компартии, на котором Мао Цзэ-дун разгромил оппозицию, выступающую против «большого скачка», попытки «одним прыжком» экономически обогнать Америку и Англию, пресек инакомыслие, это стало переломным моментом в развитии и партии, и государства, своего рода прологом «культурной революции».

Меня всегда интересовало — почему пленум состоялся в Лушани? Надо посмотреть! Из Цзюцзяна, с берегов Янцзы, отправляемся в 30-километровый путь по горному серпантину. Постепенно становится ясно, почему. Руководители нового Китая шли по стопам своих предшественников: выбрали для отдыха и деликатных совещаний

место удаленное и укромное, чтобы не всякий добрался... да и выбрался тоже.

Горы все выше, облака ползут через дорогу. Райское место. Не случайно сто лет назад его присмотрели иностранные миссионеры для спасения от летней жары, а затем обжили китайские правители, включая Чан Кай-ши. В горной тиши среди сосен разбросаны двух- и трехэтажные дачи, словно где-нибудь в старом подмосковном поселке. Теперь в этих особнячках отели. Воздух чистейший, по соснам бегают белки, в зелени трав журчат прозрачные ручьи. Впечатляет обстановка дачи, где отдыхали Чан Кай-ши и его супруга Сун Мэйлин. Для 30-х годов прошлого века быт был налажен превосходно. Суперсовременное по тем временам оборудование ванной, туалет с биде, кухня с огромными американскими холодильниками, два пианино — в гостиной и еще в комнате хозяйки на втором этаже. Каких усилий стоило дотащить все это в поднебесье в те времена? Трудно даже представить...

Зато нетрудно вообразить атмосферу на пресловутом пленуме ЦК партии 1959 года, когда проходишь по залу заседаний и смотришь на казенную обстановку, фотографии. Во время конференции с личным письмом к Мао обратился министр обороны *Пэн Дэ-хуай / Peng Dehuai*. Он протестовал против «большого скачка», против вранья и приписок, лишь на бумаге «увеличивающих» урожай зерна, против создания народных коммун, курса на обобществление личных хозяйств, словом, против разоряющей страну политики. Мао воспринял это как личный выпад, передал письмо всем — для ознакомления и критики Пэн Дэ-хуая. Дэн Сяопин избежал участия в совещании — сломал ногу, играя в бильярд, и в Лушань не приехал; впрочем, он был одним из главных «проводников» политики «большого скачка», и хотя за год ее осуществления стало ясно, что дело идет к разорению и голоду, тем не менее — «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй» — написал письмо с осуждением Пэн Дэ-хуая... Но и без Дэна нашлось кому подавить инакомыслие, «добить упавшую в воду собаку». Мао лично обрушился на своего «врага», продлил на несколько дней совещание, выступал с длиннейшими речами. Позже маршал был снят с должности министра обороны, оказался в опале.

Честный и смелый Пэн Дэ-хуай в частных беседах с товарищами осуждал Мао за разрастающийся «культ личности», за то, что тот имел многочисленных любовниц из танцевального армейского ансамбля; маршал сравнивал их с императорскими наложницами. Зная об этом, мы с интересом разглядывали на бывшей даче Мао Цзэ-дуна, построенной в 1960 году в кондовом советском стиле и превращенной в местный

музей, фотографии, на которых «великий кормчий» запечатлен в Лушани отдыхающим у воды в окружении привлекательных девушек в купальниках...

Еще раз горы Лушань прогремели на весь Китай в 1980 году, когда вышел фильм, в котором впервые в истории социалистического Китая на экране был смело показан поцелуй влюбленных юноши и девушки! «Лушаньская любовь», *Лушань лян* / *Lushan lian*, о романе американки китайского происхождения, дочери гоминьдановского генерала, эмигрировавшего в США, и студента, сына офицера народной армии Китая, на фоне горных пейзажей, демонстрируется и по сей день в одном из местных кинотеатров.

Горы, облака, буддисты, даосы, конфуцианцы, дачи, разгром оппозиции, красотки в купальниках рядом с «великим кормчим», первый социалистический поцелуй... Это всё — Лушань.

Мягкий город Нанкин

Мягкий — значит добрый, вежливый, уютный. Одна из древних столиц Китая, пережившая многое, отличается именно этими свойствами. Центральные улицы города прикрыты от солнца платанами, чьи кроны садовники сформировали наподобие рогатки, или же победоносной буквы V. Могучая Янцзы несет свои непрозрачные воды через город, а над ней высится красивый мост, местная достопримечательность; он стал одним из первых, построенных в коммунистическом Китае самостоятельно, без помощи иностранных специалистов.

Народ в Южной столице (так переводится Нанкин, он же *Наньцзин* / *Nanjing*) нетороплив и несуетлив. Центр старого города с парком-озером окружен мощнейшей крепостной стеной Минской эпохи.

В Нанкине сто лет назад работал «отец демократических реформ» Сунь Ят-сен. В невысоких горах на окраине стоит его мавзолей, правда, по слухам, останки вождя забрали с собой гоминьдановцы, бежавшие на Тайвань после победы коммунистов. Нанкинцы это опровергают.

Там же, в горах, поближе к природе, стараются поставить особняки богатые китайцы и представители иностранных компаний.

В центре города можно проехаться на прогулочном катерке по каналу, который соединял когда-то самые престижные, богатые дома. Вечерние прогулки по прохладным водам издавна в особой цене, потому что город считается одной из «трех печей» в Китае наряду с Уханем и Чунцином: летом здесь бывает невыносимо жарко.

Тут же, в центре, стоит храм Конфуция, *Фу-цзы мяо / Fuzi miao*, удививший нас тем, что массовики-затейники прямо у входа на деревянном помосте водрузили пластмассовые фигуры в древних платьях (они могут открывать глаза) и таких же пластмассовых коней (могут поднимать ногу). Как-то уж чересчур по-детски непосредственно древняя морально-этическая культура конфуцианства соединилась с ярмарочным балаганом.

Город пережил страшную трагедию в 1937 году, когда за шесть зимних недель японские войска уничтожили здесь 300 тысяч человек. Это накладывает отпечаток печали на все вокруг.

Но это хороший, светлый город. Социологи провели исследование на тему, где в Китае лучше всего жить. Нанкин занял первое место. Оценивались качество жизни, доступность жилья, образования, медицинского обслуживания, транспорт и прочее.

К числу приятных сторон относится и нанкинская кухня, принадлежащая к Цзянсуской ветви, *Су-цай*, где деликатесом считаются блюда из утки. В окрестностях множество рек и озер, уточки разводятся в почти естественных условиях, то есть питаются разнообразно, водными растениями, рыбой, рачками, креветками, постоянно плавают, и мясо таких птиц очень плотное, упругое. Самое известное блюдо — соленая вареная утка, *яньшуй я / yanshui ya*, которая долго маринуется в соленом соусе на смеси трав и корней, в готовом виде отличается мясом темно-красного цвета, нежной белой кожицей и хрустящими косточками.

Я люблю книги и все с ними связанное. О Нанкине сужу еще и по новой библиотеке на одной из центральных улиц. Роскошное светлое здание — такие у нас в России отводят для банков или страховых компаний, всяких газовых и нефтяных гигантов, а также пенсионных фондов. Увидишь подобную библиотеку — и сразу зауважашь городские власти. Тратят деньги на самое нужное. Но, с другой стороны, по дороге из аэропорта в город на пути встает огромное здание, напоминающее нечто средне-внушительное между вашингтонским Капитолием и сталинскими высотками. Что это? «Управа района», — сказал таксист. Ничего себе управа. Одного района! Сколько же денег вбухали в помпезное здание? Сразу вспоминаешь храм Конфуция и пластмассовый театр перед его входом.

Но опять-таки — библиотека в городе замечательная. Как-то все это соединяется.

— Наш хор выступал как-то в пригороде Пекина, — сказал Сеня. — Сельский такой район. В доме культуры сцена скрипит и шатается, пыль столбом, не сказать, что все новое, мягко говоря. А потом нас

пригласила районная администрация. Новехонький четырехэтажный дом. Тысячи три-четыре квадратных метров. Спрашиваю, а сколько здесь у вас человек работает. Человек сорок, говорят... Чиновники себя нигде не обижают.

Чэнду, самодостаточный город

О Китае можно сказать, что здесь всё есть. Он недаром считал себя центром мира. Чэнду / *Chengdu*, большой город на юго-западе Китая, можно сказать, олицетворяет эту самодостаточность. Почему? Наверное, потому, что в отличие от Пекина не претендует на столичность, в отличие от Шанхая не задирает нос, в отличие от Гуанчжоу, Тяньцзиня, Гонконга или других процветающих приморских городов расположен не так удачно — находится в глубине страны. Ничего особенного вроде бы в экономике, никаких преимуществ с точки зрения географии.

Даже наоборот — слишком много дождливых дней, гораздо больше, чем солнечных. Мы прилетели днем, но небо было таким темным, что подумалось: «Неужели так быстро наступил вечер?» Шел дождь. Город находится ниже окружающих гор, не продувается, поэтому часто накрыт облаками и туманом.

Но это не мешает ему дышать энергией. Это центр большой провинции, житницы страны — Сычуани, уроженцы которой отличаются добрым нравом, остроумием, доброжелательностью. Я много встречал сычуаньцев в своей китайской жизни. Они — живые. Таков же и Чэнду: размашистый, вольный, энергичный. Чэндусцы ненавязчивы и открыты, а это говорит о чувстве собственного достоинства.

Собственно, для уверенности в себе есть все основания. У сычуаньского края давняя и славная история. Здесь три и более тысячи лет назад процветали царства с высоким уровнем развития, оставившие нам, например, прекрасные образцы изделий из бронзы. Чэнду считается родиной парчи, плотного шелка, вышитого золотыми нитями, его в древности даже называли Цзиньчэн / *Jincheng* — Город парчи. В честь нее именуется живописная улица — Парчовая верста, Цзинь-ли / *Jin li*, лежащая под боком храма Воинственного князя (о нем речь пойдет ниже), где можно купить местные диковинки и отведать блюда сычуаньской кухни.

Про чэндусцев говорят: «Они и едят, и развлекаются». Думаю, так можно сказать про многие места в Китае, да и в мире. Но Чэнду выделяется в ряду городов-гурманов, здесь ценят не только вкус, но и забаву.

Так, известная чэндуская закуска с названием «три артиллерийских залпа», *сань да пао / san da pao*, в прямом смысле дает возможность не только утолить голод, но и получить удовольствие от зрелища. Блюдо-игру придумала 80 лет назад семья местных кулинаров. На ваших глазах повар лепит из теста клейкого риса три шарика и бросает их один за другим на разделочный стол — таким образом, чтобы они рикошетом отлетали в стоящее дальше круглое бамбуковое лукошко с мукой соевых бобов. Повалявшись в желтой пудре, троица отправляется в пиалу с сиропом из коричневого тростникового сахара, присыпается зернышками кунжута. Можно есть. Почему «три артиллерийских залпа»? Вдоль краев разделочного стола, о который, как в пинг-понге, ударяются шарики, закреплены медные колокольчики, они-то и отзываются звоном литавр: «Бом, бом, бом!» Это привлекает публику. Она восхищается сноровкой и меткостью поваров. Самые смелые клиенты пробуют сами бросить шарики. У кого-то получается, у кого-то нет, но все довольны.

Как видите, элемент игры очень важен, как и артистизм, художественность. Даже клецки *хунь-тунь* местные гурманы называют образно — «скрещенные на груди руки», *чао-шоу / chaoshou*, потому что так, крест-накрест, здесь соединяют стороны кусочка теста. *Чао-шоу* по-чэндуски должны быть «тонкими, как бумага, и нежными, словно шелк», подают их либо в бульоне, либо в жгучем перечном соусе «красное масло», *хун-ю / hongyou*. Влажный климат требует перца, который «сушит», и городская кухня, как и вся сычуаньская в целом, довольно острая.

Чэнду славится многими блюдами, в числе которых — «соевый творог рябой тетушки», *ма-по доуфу / ma po doufu*. По кулинарным преданиям, он появился на свет так: в 1870-е годы в северном пригороде Чэнду возле Моста полного счастья, Ваньфуцяо, жила женщина, которая была бедной и некрасивой, лицо испятнала оспа. В ее харчевню не ходили богатые люди. Зато домик оказался на пути работяг, которые занимались изготовлением соевого творога. По дороге домой они заглядывали к ней, просили что-то приготовить на скорую руку из полученного на работе доуфу. Со временем она придумала соус, который как нельзя лучше подходил для пресного творога. В его состав вошли тушеная, нарезанная мелкими кусочками свинина, черные бобы, сычуаньский цветочный перец, соевая паста, масло чили, зеленый лук, чеснок и еще кое-что по мелочи. Главное было хорошенько протушить все ингредиенты, прежде чем залить доуфу огненным соусом. Блюдо получилось ароматным, острым чуть ли не до онемения нёба и в то же время воздушным, тающим на языке.

Можно было бы долго говорить о местных блюдах. Вот сычуаньский огненный котел, *хо-го*, здесь это истинное... Но стоп! Вспомним о диете — и лучше давайте посидим на террасе чайного дома, попьем лунцзин, улун или пуэр, по настроению. В Чэнду культ чайных, они издавна служат местом общения. Вот и мы поговорим о ком-нибудь, посплетничаем.

С землей Сычуани связаны судьбы многих великих людей. В ста с лишним километрах от Чэнду, возле городка с названием Речное масло (*Jiang you*), в деревне Лиловые лотосы вырос поэт — гений Танской эпохи *Ли Бо / Li Bai* (701–762). Оказавшись в этой деревушке, понимаешь, что не случайно мощный стихийный талант проявился именно здесь. Дом стоит на невысоком холме над излучиной реки, которая петлей уходит к подножию недалеких гор. Синее небо, облака над вершинами. Зелень и синева. Щедрая природа подарила талант. Поэт прожил здесь более двадцати лет, здесь же начал писать. Сейчас возле дома поставили каменные стелы с его стихами, на высоком холме рядом построили беседку с прекрасным обзором. Но старый дом интереснее. Окруженный деревьями, с внутренним двориком и тремя легкими флигельками по сторонам, очень уютный и очень китайский. Кажется, жизнь здесь течет неспешно, как и 1300 лет назад.

Не так далеко от Чэнду родился другой выдающийся китаец — Дэн Сяопин. Его родина, сычуаньская деревня, находится в двухстах километрах к западу от Чэнду.

Впрочем, вернемся к Ли Бо, даже не к нему самому, но к его другу-сопернику, еще одному великому поэту того же далекого VIII века — *Ду Фу / Du Fu* (712–770). Его жизнь тоже связана с Чэнду. Уроженец центральной провинции Хэнань, он пережил восстание Ань Лу-шаня против Танского двора, в скитаниях испытал немало невзгод, искал и не находил покоя, и вот пути привели поэта с семьей в тихий Чэнду. Здесь провел четыре года и написал около трети произведений. Если Ли Бо и его творения дышат волей и стихией, то поэзия Ду Фу строга, как и его жизнь. В Чэнду наслаждался тишиной, построив «дом с соломенной крышей».

Со временем вокруг этой хижины вырос огромный парк. До него я уверенно считал, что лучший парк Китая находится в Чэндэ, летней резиденции цинских императоров. Считаю так по-прежнему, но...

Но парк Ду Фу в Чэнду поразил. Как и сам город, он не стеснен в размерах. Масштабами намного превосходит к примеру, парки Сучжоу, схожие с ним южным цветовым колоритом: белые стены, черные черепичные крыши. В парке нет нужды увиливать от солнца, ты все время находишься в тени высоких деревьев с пышными кронами. По парку

разбросаны пагоды и терема южного стиля: черное резное дерево, галереи, бесчисленные переходы из одного дворика в другой.

Побывать в Парке Соломенной хижины Ду Фу или на родине Ли Бо — все равно что посетить Пушкинские горы в России. Стоит лишь вспомнить, что эти поэты прославились за тысячу лет до нашего гения, а до них и после них были другие великие стихотворцы, причем эта цепь не прерывалась ни на век, — и ты мгновенно осознаешь протяженность и глубину китайской культуры.

Здесь же, в Чэнду, находится уникальный храм. У него редчайшие для Китая святыне. Это — князь Лю Бэй и «князь Воинственный» Чжугэ Лян (II–III вв.). Утопающий в зелени сада с беседками, лotosовыми прудами и заводами, этот храм — единственный в Китае, где почитают как святого не только государя, как принято, но и его приближенного. В честь Чжугэ Ляна, «воинственного князя», храм и назван — *У-хоу цы / Wuhou ci*. Неподалеку от храма находится могила Лю Бэя.

Легенда гласит, что однажды в древности грабитель гробниц проник в мавзолей. К своему ужасу, он увидел внутри бесчисленное множество горящих свечей, а за накрытым столом — Чжугэ Ляна, Лю Бэя и двух его названных братьев. Лю Бэй поднес напуганному до смерти вору чашу с вином и пояс. Как только тот осушил чашу и подпоясался, раскат гром выбросил его из мавзолея наружу, вино в мгновение ока превратилось в яд, а пояс в змею. С тех пор никто не смел и подумать об ограблении могилы. (Отмечу, что для Китая вопрос сохранения захоронений, ценностей, которые там спрятаны, — весьма и весьма актуальный. Существует даже целое направление литературы — о грабителях могил.)

Чэнду отличается характерной особенностью: даже на первый взгляд (днем на улицах, вечером в парках) в нем гораздо больше мужчин, чем женщин. Чем это объяснить? Возможно, тем, что он является центром огромной сельской провинции, а на селе издавна считалось, что только мальчик дает семье рабочие руки и прокорм. Но заработок в городе больше, поэтому здесь так много мужчин.

Саньсиндуй — величайшее археологическое открытие XX века

Если судьба занесла вас в Чэнду, непременно наведайтесь в музей на месте археологических раскопок *Саньсиндуй / Sanxingdui*, что в 40 км от города. Музей поражает современнейшими техническими и художественными характеристиками. Он вполне соответствует содержанию — размещенным в нем сокровищам.

В прошлом веке в Саньсиндуе сделали одно из самых удивительных археологических открытий, которое ученые называют даже более значительным, чем терракотовая армия Цинь Ши-хуана. В 80-е годы прошлого века при продолжении раскопок погребальных холмов обнаружили бронзовые и золотые «маски» и скульптурные изображения людей, которые совсем не похожи на китайцев. Их внешний вид необычен: вытянутые миндалевидные глаза с выпирающими зрачками, крупные носы, узкогубые широкие рты. Одежда и головные уборы также отличаются от традиционных образцов. Там же обнаружены бронзовые фигурки животных — земных и фантастических, «денежное дерево» с листьями-монетами, оружие, причем металл по составу намного прочнее, нежели изделия эпохи Шан-Инь.

Всё найденное в этом месте на территории, которая входила в состав царства Шу, одного из основных в древнейшей истории Китая, настолько отличается от привычных артефактов китайской цивилизации, что одни исследователи называют людей, изображения которых обнаружены в Саньсиндуе, чуть ли не инопланетянами, другие связывают их с древними евреями. Более реалистично настроенные ученые полагают, что найдены следы ранее неизвестного общества, а «странные люди» — либо жрецы, либо правители. Но и они признают наличие загадок, к числу которых, например, относится отсутствие явных признаков существования письменности, несмотря на развитость материальной культуры. Остается тайной сама судьба этой цивилизации, существовавшей около 3,5 тысячи лет назад: найденные предметы повреждены огнем, такое впечатление, что их собрали и спрятали в спешке, спасаясь от наступающего врага. С кем они воевали, почему исчезли с лица земли?

Советы начинающим китаеведам: Не удивляйтесь, если вас встречают без улыбки

Я уже говорил вам ранее, что улыбка здесь часто выражает смущение и растерянность. В китайской традиции не принято улыбаться незнакомцам на улице или в другом общественном месте. Собственно, в России это тоже не принято, к великому сожалению. Китай ценит сдержанность в проявлении эмоций. Улыбающийся ни с того ни с сего человек вызывает удивление: мол, или глуповат, или что-то замыслил. В общем, что-то с ним не так. Впрочем, так же и в России относятся к открытым, добродушно настроенным людям. Угрюмый, со взлядом вниз или исподлобья человек — наш, свой! Потому как чего русскому

человеку радоваться? У нас улыбчивый тип на улице вызывает подозрение. Наверное, иностранный шпион. Оправдать веселый вид соотечественника может только догадка: «А, наверное, выпивший? Ну, тогда понятно!» В Китае же умеренность — закон. Конфуций учил.

Поиски панд в горах Сычуани

В невысоких горах северо-восточнее Чэнду расположен питомник, где разводят панд. Внимание — не путать с заповедником больших панд «Спящий дракон», *Волун / Wolong*, находящимся в 130 километрах к северо-западу от города, в районе рядом с эпицентром землетрясения 12 мая 2008 года, и поэтому, к сожалению, сильно от него пострадавшим.

Мы отправились к пандам во второй половине дня. Почему? Народа меньше. Главное — успеть до закрытия касс, они часто захлопывают окошко в 5 часов дня, а то и раньше.

Мы пошли в гору по дорожкам, следуя указателям. Искали жилье панд. Мы привыкли в пекинском зоопарке разглядывать их за стеклом бетонных домиков. Вот и не удивились, когда здесь увидели то же самое — бетонные халупы. За мутными стеклами еле угадывались панды. Что же делать? Только и оставалось, что просить служителей в синих комбинезонах оставить дверь, в которую они засовывали бамбуковые ветки, открытой хотя бы на минутку, чтобы сделать снимки. Так мы добрались до «родильного дома», современного сооружения, где ухаживают за новорожденными. За стеклянной стеной специалисты в белых халатах и масках взвешивают на электронных весах крошечных пандят, некоторые младенцы-панды спят в утепленных чашах. На стенах экраны, на которых панды большие и маленькие едят, пьют, спят, играют.

Но это все не то! Кино и дома можно посмотреть...

Обидно, однако! Мы-то думали, здесь панды толпами шастают в лесу, а нет — крутись вокруг домиков, ищи щель в дверце или вглядывайся через стекло: кто там лежит бело-черным пятном на полу среди деревянных чурбанов-сидений. Но вот странный указатель: малые панды. Что за чудеса? Оказывается, в Китае есть и такие! В отличие от больших, они скорее похожи на кошек или енотов, коричневые, даже с рыжиной, с черными полосками. Уф, ладно, хотя бы их посмотрим. Маленькие панды собирались на кормежку на зеленых островках, отрезанных глубокой канавой от зрителей. Забавные, смешные.

Только вот настоящих-то мы пока и не увидели. Хотя кругом заросли бамбука. В бамбуковых рощах и кущах, в оврагах и перелесках — ни одной пандовой души. Подвешенные к ветвям канаты с обрубками дерева на них болтаются без всякой пользы.

Видно, не судьба нам увидеть панд в природе. Ну, почти в природе.

Уже пора уходить. Время к шести. Скоро питомник закроется. Мы потопали с горы вниз. И тут-то и началось!

Так бывает с грибниками. Прочесывают лес целый день, а грибов нет. И вот уже когда пора выходить, и темнеть собирается, и на электричку спешить нужно, тут-то и попрут вдруг грибы.

Так же вышло с пандами. За поворотом асфальтовой дорожки, прямо напротив, за охранительным рвом — перед нами предстают, вернее, предлежат две панды. Опираясь спиной на кусты, развалились, как обычно они разваливаются — животом вперед, обдирают только что брошенные им зеленолистные ветки бамбука. На нас ноль внимания. Захватывают в горсть ветку и ведут вверх к концу, а потом пучок листьев отправляют в рот. Расстояние до панд всего метра три. Роскошь! Фотографируем, наслаждаемся. Ура! Можно идти восвояси. Но стоило нам отойти за поворот, как снова увидели панд. Они тоже ужинали.

И пошло-поехало! Буквально за каждым поворотом словно из воздуха появлялись новые и новые панды. Все больше и больше. Дело в том, оказалось, что днем они отсыпаются в укромных уголках, обычно на бамбуковых настилах на деревьях, спят там, свесив все, что можно свесить. В смысле лапы, хвост, голову и прочее. А к вечеру им привозят корм. Бамбук доставляют с других сычуаньских гор, километров за сто везут, потому что панды разборчивы, какой попало бамбук не едят. Вот к темноте они и появляются на людях. К тому же спокойнее становится, народа меньше.

Самый приятный подарок достался нам уже перед закрытием, когда попали на площадку для молодняка. Как там эти малыши ползали по ветвям, как вдруг, устав и решив передохнуть, зависали, порою даже вниз головой, полностью расслабив лапы, это ни в сказке сказать, ни пером описать. Настоящие живые панды, не из кино, это, я вам скажу, штука умиротворяющая, успокаивающая и, как говорилось в старых восточных сказках, продлевающая дни.

Еще один важный момент. Меня многие читатели тут спрашивают, мол, как происходит процесс естественного отправления у панд. Что же, отвечаю, происходит обычным образом, не без изящества. Образовавшиеся в результате ровные толстые шарики и колбаски темно-

зеленого цвета натуральным образом, без шума и пыли, падают в ров, канаву или еще куда-нибудь вниз. Такого добра набирается много: чтобы жить, питаясь только листьями, надо съесть огромное количество корма. Куда девать полученное добро? Не пропадать же — из него, высушив и обработав неким гигиеническим образом, делают сувениры, всякие там фигурки и пагоды, и продают туристам. И это правильно.

Зачем Гуанчжоу козы

«...В Гуанчжоу люди живут современной жизнью на фоне традиционной культуры и оригинальных нравов и обычаев... В Гуанчжоу вы непременно ощутите ритм города, и вам станут ближе и понятнее взгляды кантонцев, ведущих чуть лихорадочный, но веселый и радостный образ жизни...» (Из статьи на китайском русскоязычном сайте China.org.)

Будь моя воля, я бы свой рассказ о большом и славном городе на юго-востоке Китая вот этой цитатой и ограничил. Можно ли сказать лучше про Гуанчжоу и гуанчжоусцев? Однако читателю нужны подробности, как всегда.

Я полюбил этот город сразу, в первые же два дня. По одной-единственной причине: нас два раза за эти два дня пустили в парки и музеи бесплатно! Для Китая удивительно. Китайский прагматизм и рационализм (а они неглубоко дремлют даже в высокоученых университетских профессорах) заставляют природных торговцев и практиков жизни брать плату за вход в любое мало-мальски любопытное место.

Так вот: в Гуанчжоу дважды на нас махнули рукой при входе! Мол, идите так! Первый раз в центре в Парке культуры, *Вэньхуа гун-юань / Wenhua gongyuan*. Выйдя из ресторана «Змеиная деревня», где мы съели страшную, оказавшуюся на вкус чересчур жесткой, изумрудную змею, внеся посильный вклад в российскую борьбу с зеленым змием, мы услышали музыку, доносившуюся из-за ограды парка этой самой культуры. Чего хочется после сытной еды? Зрелищ, конечно. Мы направились к воротам. Кассирша в будке сначала сказала: «Сдачи нет!» И, не дав сообразить, что это значит и как на это реагировать, махнула рукой: «Идите так!» Ошеломленные щедростью, мы пошли на звук. Слушать и смотреть особо было нечего. Местная авиакомпания открывала новую линию на запад Китая и устроила вечер-презентацию. Пела группа так, как поют обычно в караоке-барах. Но мы были так довольны бесплатным входом, что минут десять слушали песни в толпе других любителей даровых развлечений.

Второй случай произошел на следующий день. Мы вышли из магазинчика старинной рухляди на антикварной улице в районе Гавань личжи, *Ли-ван / Li wang*, и наткнулись на исторический музей. В билетной будке никого не оказалось, ну, обеденный час, бывает, сейчас внутри, выйдя из засады, кто-то плату возьмет, нам не к спеху. Походили по старому особняку, принадлежащему богатой семье, полюбовались резными красного дерева жалюзи, резными железного дерева балками и колоннами, минскими и цинскими фарфоровыми вазами и каллиграфией и пошли на выход. Никто не обращал на нас внимания. Единственное, когда мы принялись кормить печеньем красных и белых карпов в прудике у ворот, девушка-служительница, болтавшая с приятелем, сделала нам замечание.

Тут-то я и понял, что Гуанчжоу особенный город. Более свободный, менее скованный формальностями. Жизнелюбивый. Богатый.

Причем богатство имеет совершенно точное историческое начало. Ну, почти историческое. В городском парке установлена скульптурная композиция, довольно незатейливая. Это небольшое козье стадо. Вожак возвышается над двумя козами и парой козлят. Они не просто так пасутся. Этим животным город обязан своим процветанием. Вернее, их хозяевам — пяти бессмертным. Народом установлено, что они спустились на землю Гуанчжоу в IX в. до н. э., в эпоху правителя Чжоу И, девятого по счету вана Чжоуского царства. Пятеро святых в пятицветных одеяниях прибыли верхом на пяти пятицветных козах. Почему упорно повторяется пятерка? Потому что святая делегация доставила 5 видов зерна, *у-гу / wugu*: рис, просо, ячмень, бобы и пшеницу. Этот квинтет зерновых культур в Китае служит символом изобилия. А здешний край, гласит легенда, тогда бедствовал, люди никогда не ели досыта. Святые спасли от голода, обеспечили достаток. Затем они вознеслись на небо, а козы превратились в камень.

С тех пор началась эпоха процветания, а город зовут Козьим / Козлиным, *Ян-чэн / Yang cheng*, или городом зерна — *Суй-чэн / Sui cheng*. Немного удивляет, правда, что скульптурный козел-вожак изображен жующим эти самые колосья. Во всяком случае, с гордым видом стиснул в пасти пушистый колос. словно другого корма ему не нашлось... С другой стороны, возможно, авторы хотели подчеркнуть благородство — все-таки колос целехонький, не пережеванный, вероятно, козел таким образом демонстрировал народу, что следует делать с тем добром, что они притащили...

Как бы то ни было, теперь козы — символ Гуанчжоу.

Замечу, что эти животные по-китайски — *ян / yang*, что созвучно с *ян* — из пары *инь-ян*, а также с солнцем — *ян*. То есть козы ассоции-

руются со светилом, с теплом, активностью, светлым началом жизни. Гуанчжоу именно такой.

Если же говорить о других символах города, то в архитектурном плане таковым служит Храм рода Чэнь, *Чэньцзя цы / Chenjia ci*, или же Академия рода Чэнь, *Чэньши шу-юань / Chenshi shuyuan*. Если вы любите: а) каменное зодчество, б) резьбу по дереву, в) изделия из фарфора, г) керамику, д) вышивку по шелку и другие предметы, сделанные мастерами-ремесленниками, то это место для вас.

История его весьма любопытна. В конце XIX в. два вернувшихся из Америки местных уроженца, оба по фамилии Чэнь, решили объединить средства всех, кто ее носит в провинции Гуандун, и построить храм-академию. Убить двух зайцев: создать место поклонения предкам, а также — предоставить условия для занятий всем, кто готовится к императорским экзаменам. Не всем вообще, конечно, только членам клана. На строительство скинулись Чэни 72-х уездов провинции Гуандун, а также зарубежные земляки-однофамильцы.

Храм-академия поражал всех роскошью. Сад знаний. Сюда приезжали для занятий молодые Чэни, мечтающие о карьере чиновника. Они хотели повторить подвиг выдающегося предка, занявшего в Цинскую эпоху 3-е место на императорских экзаменах. Он навеки прославил весь род. Впрочем, через 11 лет после окончания строительства храма, в 1905 году, императорские экзамены были отменены. Тогда классы для подготовки к экзаменам превратились в школу для всех Чэней провинции. Если вы думаете, что это небольшой храм, то ошибаетесь. Он занимает землю площадью около 15 тысяч квадратных метров. Вы работаете в офисном здании? Это примерно 15-этажное здание, развернутое на плоскости. Конечно, площадь построек поменьше — 6,4 тысячи метров. Но и этого хватает. Храм состоит из нескольких павильонов, в том числе трех основных — Головные ворота, Зал собраний и Задний зал, помещений поменьше, между которыми дворики, и всё соединяют-пронизывают галереи-коридоры. Высокие кирпичные стены и стенки-экраны из твердых пород дерева отделяют разные части храма друг от друга. Поддерживается принцип сочетаний: малое-большое, высокое-низкое, явное-затаенное.

Уже на подходе к храму хочется застыть на месте и смотреть, любоваться. Карнизы и гребни крыш украшены цветными керамическими композициями на сказочные темы. Мифические единороги, призванные защитить от злых духов, символы богатства — пионы, парные лотосы — образ супружеской четы, птицы, человечки... Подобные густонаселенные, сложносочиненные композиции установлены также на перекрытиях внутренних двориков, на поперечных балках, над галереями. Кирпичные

стены украшены резьбой по технологии, принятой в свое время лишь в Гуандуне — рисунок наносился на кирпичи уже после обжига.

В Зале собраний старейшины обсуждали важные дела и устраивали церемонии поклонения предкам до тех пор, пока не был построен храм. Он разместился в Заднем зале. Там был алтарь, перед ним все отдавали почести мифическому государю Шуню, от которого, как считается, и пошел род Чэней. В боковых постройках находились классы для занятий.

Храм служит образцом южной архитектуры. Ставни, створки окон, двери — резные, кресла и столы, подставки под вазы, консоли красного дерева разных пород — всё с тончайшими узорами. Шедевром можно назвать экраны-перегородки в Зале собраний. Каждая створка — сюжет классической драмы или романа; поражает тщательность проработки деталей, характерность лиц персонажей. Многие экраны, разделяющие комнаты, — прорезные, двухсторонние, рисунок на задней поверхности зеркально отражает изображение на передней.

Сейчас в храме рода Чэнь — музей народного искусства...

«Кто хорошо трудится, тот хорошо ест!» — любит повторять мой коллега Ма Ка-лун.

В Гуанчжоу любят поесть. Ну, скажете, удивил. В Китае все любят поесть.

Это, конечно, так. Но и в стране гурманов, где каждый в течение жизни становится знатоком китайской кухни, мастерство гуанчжоуских кулинаров общепризнано. Даже не столько само мастерство, сколько обилие ингредиентов. Впрочем, заменим это иностранное слово. Скажем просто: это гуанчжоусцы, и еще шире — гуандунцы, дали ход бытовому присловью: «В Китае едят все, что движется, кроме паровоза, все, что плавает, кроме парохода, все, что летает, кроме самолета!»

У всеядности есть обратная сторона. Чутким натурам на тамошний рынок лучше не забредать. Каких только ободранных тушек там не увидишь! Каких только шариков, муриков и крысок-ларисок не углядишь на прилавках! Гуанчжоусцы считают, что каждая тварь имеет право быть съеденной. Провинцию Гуандун обвинили в том, что от туда поползла по стране в 2003 году эпидемия атипичной пневмонии, источником которой стали животные, которых там разводили — дикие кошки-виверры. (Впрочем, гуандунцы не оригинальны в своем стремлении съесть все или хотя бы попробовать, в духе любимого принципа философа-жизнелюба, истинного эпикурейца Ма Ка-луна — «не съем, так надкушу», от которого он не может, да и не хочет избавиться... К примеру, сейчас, когда пишу эти строки, в вечернем воздухе светятся иероглифы над входом в ресторанчик на углу напротив нашего

пекинского офиса: «Жареные лепешки с ослиным мясом — у Толстяка Вана».)

Но не будем о грустном. Гуанчжоу достоин веселых слов. Это огромный город, по-нашему — мегаполис. Если смотреть на него из окна вращающегося ресторана на 45-м этаже гостиницы «Азия-Международная», то всюду, куда достает взор, дома и дома, побольше и поменьше, а между ними небоскребы. Небоскребы не так сконцентрированы, как, допустим, в Шанхае в районе Пудун или в Гонконге у залива Виктории, а более-менее равномерно разбросаны по всему пространству. Город тропический, и дома, построенные в 60–70-е годы, вид имеют непрезентабельный: стены из-за дождей приобретают грязновато-коричневый оттенок.

Гуанчжоу входит в тройку самых развитых городов Китая, следуя за Пекином и Шанхаем. С Пекином ясно — политический центр. Шанхай — восточный Париж. Гуанчжоу я бы назвал столицей торговли. Он стоит в дельте Жемчужной реки — Чжуцзян, которая впадает в нескольких десятках километрах от него в Южно-Китайское море. В средние века через Кантон, как тогда называли город, шли дальние морские пути. Идут они и сейчас. В городе образовалась самая большая община африканцев. Африка — пароход — Гуанчжоу. И обратный маршрут: товар — Гуанчжоу — Африка. Есть районы, где чернокожие бизнесмены, мелкие торговцы, студенты или похожие на мелких торговцев и студентов молодые люди встречаются чаще, чем китайцы.

Вольный торговый образ жизни, огромное количество приезжающих за работой людей из других мест, обширные контакты имеют оборотную сторону — высокий по сравнению с другими городами уровень преступности. В Гуанчжоу ухо надо держать востро, раззяв здесь не прощают.

Райские места: Си-шуан-бань-на, Дали, Лицзян, или Вокруг и около легендарной страны Шангри-Ла

Если задать себе вопрос, какие места запомнились больше всего, то в числе первых будет провинция *Юньнань* / *Yunnan* на юге Китая. Ее название можно перевести — «К югу от облаков». Китайцы считают, что климат там самый лучший в стране: солнечно-мягкий, ровный, если, к примеру, говорить о столице — Куньмине и окрестностях, знаменитых своими цветочными полями.

Однако я начну не с города «вечной весны» Куньмина, а южнее — с тропического рая, который называется *Си-шуан-бань-на* / *Xi shuang banna*. Еще в институте мне запомнилось это название, что-то в нем

банановое, южное, мягкое, притягивающее. Тропический климат, дождевые леса, заповедники, растительный рай... Так оно и оказалось.

От Пекина до городка Цзинхун / *Jinghong* — местной столицы, 3,5 часа лета, две с половиной тысячи километров. Это не очень богатый, но и не бедный город. Он стоит на берегу реки Ланьцанцзян / *Lancang jiang* (можно перевести как «Студеные бушующие волны»), которая бежит дальше на юг, становится все шире и шире и превращается в Меконг, разделяет Лаос и Мьянму (Бирму), течет через Камбоджу и Вьетнам и впадает в Южно-Китайское море. Город старается быть веселым, многие дома выкрашены в яркие цвета: красный, желтый, оранжевый. На некоторых установлены солнечные батареи. Совсем недалеко до Лаоса и Мьянмы, и в магазинах масса завезенной оттуда яшмы и прочих самоцветов.

Понятное дело, процветают ночные рынки (днем-то жарко), много фруктов: ананасов, кокосов, лонганов (они же — «драконий глаз», лун-янь / *longyan*), мангостанов (он же мангостин, мангустин, он же «горный бамбук», шань-чжу / *shanzhu*, хотя с точки зрения китайцев — не что иное, как «феникс-императрица плодов», фэн-го / *feng guo*), рамбутанов («красноволосая пилюля», хун-мао-дань / *hongmaodan*, или «волосатый драконий глаз», маолун-янь / *maolongyan*, или же «волосатый» личжи / *tao lizhi*), маракуйя — «плод ста ароматов», бай-сян-го / *baixiangguo*, и прочего, прочего, часто нам непонятного. В лесу встречается гевея: дерево, дающее густой сок для производства каучука, в гевеевых рощах и сейчас его собирают, надрезая широкой полосой кору. Но зачем нам гевея, лучше уж ананас съесть! К моему удивлению, они растут как маленькие, «толстые» такие кустики. Я-то думал, надо лезть на дерево, а нет, достаточно нагнуться и срезать. Свежий ананас с куста, это что-то! Фруктов много, но соков еще больше, причем подают их в округлых кружках, похожих на старосоветские пивные, только поменьше, граммов на 300.

Люди в Цзинхуне приветливые, неизбалованные. Любят петь. Непременно стоит побывать на каком-нибудь представлении, мы с удовольствием смотрели «танцы павлинов» — красочное зрелище с изящными девушками в изумительных костюмах.

Цзино

В Си-шуан-бань-на живут десять национальных меньшинств, а основной народ — дай / *dai*. У него свои праздники, главный из которых — по весне облить кого-то водой и проплыть на лодках, а также свои костюмы, песни и пляски, обычаи и представления о земной и загробной жизни. Хотя вообще-то большинство дайцев являются последователями хинаяны (малой колесницы), направления буддизма, основанного

на идее личного усовершенствования; этот т. н. южный буддизм смешан здесь с местными верованиями.

Но мы едем к народу поэзотичнее, совсем крошечному — самому маленькому в Китае. Он называется *цзино* / *jīnqín* (*jīn*). Дорога в горную деревню петляет, бежит вдоль кипящих речек, через высокие, некогда девственные леса, прореженные шоссе и линиями электропередачи. Проскочив под опорами недавно построенной скоростной дороги, которая ведет в Мьянму, поднимаемся выше и выше, к деревне цзино.

Без экскурсовода, конечно, не обойтись. Маленькая, как все цзино, девушка в вышитом красно-белом национальном платье и черных гетриках ведет нас по тропинке к вершине горы. Тропинку обступают высокие деревья, кусты, от обилия цветов кружится голова. Я не успеваю записывать: вот пушистые розовые шарики *мэй-жуй-хуа* / *meiruihua* (каллиандра красноголовая — как выясняется затем с помощью словаря и Великой Сети), вот горят алым напоминающие гирлянду праздничных китайских хлопушек плоские фонарики геликонии, *се-вэй-цзяо* / *xieweijiao*, вот манят глупых бабочек и мушек сиренево-лиловые, похожие на колокольчики *мань-то-ло* / *mantuoluo* — это датура, дурман обыкновенный, известный своими сильными наркотическими свойствами, его, к примеру, описывает К. Кастанеда как опаснейшее растение, изменяющее сознание, переносящее в иные миры.

Девушка-экскурсовод прекрасно знает об особенностях датуры и предупреждает: «Не нюхайте!» Она объясняет, что деревенские лекари делают из мань-то-ло анестезирующее снадобье. Цзино замечательные травники, охотники, лес для них родной дом. Идем дальше мимо мимоз, кактусов, знакомых и незнакомых цветов. Воздух переполнен ароматами. Тропинку караулят огромные деревянные маски, тотемы — лесные боги, покровители цзино. За разговором прошли краем деревни по вымощенной камнями дороге, вдоль которой на деревьях вывешены черепа буйволов. Оказывается, когда парню цзино исполняется 16 лет, он обязан забить буйвола и вывесить его череп — на счастье.

Идем дальше, в показательную деревню, знакомиться с бытом и нравами цзино, какими они были когда-то. В общинном доме на сваях, который служит гостиницей для всех, с помещением размером метров в 200, нам демонстрируют обряд совершеннолетия: парнишка 16-ти лет пьет вино, ему вручают самострел и учат пускать стрелы в цель. Буйвола он при нас не закалывал. Зато получил курточку с шестиконечной звездой на спине, скорее всего — символом солнца.

Заодно нам демонстрируют элементы свадебного обряда — молодые получают благословение старейшин. Обряд коротенький: выпили вина, поклонились, а что еще надо, собственно? Пора готовить еду. У каждой семьи свой очаг — три кирпича, поставленные на по́па, на них водружается круглая сковорода с железной крышкой. Мы пригубили рисовой бражки и попробовали угощение: копченую свинину, бататы и арахисовые орешки. Основная еда для цзино — тот же рис, тыква в разных видах и дикие травы. У дома широкая веранда. Наших новобрачных под общий смех толкают на постель за ширмой — пора обзаводиться потомством. Роды через 9 месяцев будут проходить на веранде, неважно при этом, какая погода, в доме рожать нельзя, негигиенично. В семьях по двое-трое детей.

Потом мы посмотрели представление для туристов — пляски парней и девушек, на манер «бояре, а мы к вам пришли, отворяйте ворота...»: гром огромных барабанов, прыжки не через веревочку, а через двойные бамбуковые палки, всё, как полагается. Туристов здесь приветчают: деревня подписала договор с туркомпанией и получает свою долю дохода, плюс деньги от продажи сувениров — бамбуковых чашек и стаканов, фруктов. Иностранцев приезжает мало, потому что нет англоговорящих гидов.

Потом из декоративной мы начали спускаться в настоящую деревню. Наша сопровождающая рассказывает, что ее сородичей, цзино, насчитывается около 20 тысяч человек, они гордятся тем, что их чуть ли не последними китайское правительство 6 июня 1979 года признало национальным меньшинством. Это дает определенные преимущества, например, не так строго ограничивается количество детей. Цзино рассеяны по горным деревушкам. Наша, куда идем, с названием Деревня на склоне (Ба-по-цунь), довольно большая, около ста домов, в ней живут четыреста человек. Дома трех видов: деревянные с соломенной крышей, деревянные же, но крытые черепицей, и — кирпичные с хорошей шиферной или черепичной крышей. Последние — самые зажиточные. Они обладают тем, что называется «4 признака благополучия» (4 tong, «четыре проходимости»): телефон, электричество, вода и дорога. Доход приносит выращивание чая (на косогоре напротив находится плантация), свиней, буйволов, а также охота. В загонах под домами копошатся черные боровы килограммов под сто. Буйволов не видно, днем они пасутся в горах, к вечеру их пригоняют в стойло у дома. Везде в деревне на видных местах красуются почерневшие, с прозеленью, буйволиные рога, они вставлены в булыжники дороги, подвешены к каменной арке над той же дорогой, прибиты к деревьям.

На высоких деревьях за деревней видны соломенные хижины, там, на верхотуре живут охотники. Цзино разрешено иметь огнестрельное оружие, охотничьи ружья — еще одно преимущество принадлежности к национальному меньшинству, ружье в Китае простому смертному купить чрезвычайно сложно.

Подвесным шатким мостом спускаемся вниз, к машине, вдоль стены бамбуков зеленого и серого цвета. Нам все равно, какого они цвета, а цзино — нет: в сером живут личинки, которые запечешь на огне — и пальчики оближешь. На этом экскурсия, оказывается, не заканчивается. Снова нас знакомят с ремеслами и обычаями: тут и кузнец, который выковывает нож, похожий на саблю, тут и ловкие парни, которые под звуки гонгов и барабанов взбираются вверх по бамбуковым лестницам, где ступенями служат те же самые сабли — острием вверх, красные от ржавчины, но опасные, а парни босые, между прочим, тут же и красильня, где из листьев и коры делают черную, зеленую, красную, синюю краски. На дорожку угощают памелой и 50-градусной рисовой водкой. Дорожка ведет к помосту над рекой, он проложен не через нее, а вдоль по склону холма. Обратно в Цзинхун едем с опаской: после сезона дождей, а это август-сентябрь, на ней то и дело случаются обвалы, оползни, языки красной глины вперемешку с валунами преграждают путь через каждые несколько сотен метров. В одном месте дорога с левой стороны просто обрушилась вниз, с правой ее накрыл оползень, но — как-то проскочили.

Тропический рай — Ботанический сад

Он находится на полуострове, образованном объятиями реки Лосо / Luosuo, притока Ланьцанцзян, к востоку от Цзинхуна. Официальное название рая цветов, деревьев, бабочек, в общем, всего живого — Тропический ботанический сад Си-шуан-бань-на Академии наук Китая. Он прекрасно организован, разбит на отдельные тематические зоны: Сад национальных деревьев и цветов, Бамбуковый сад, Сад тропических цветов, Сад медицинских растений, Сад водных растений, Сад тропических фруктовых деревьев.

Стоит заглянуть в Музей культуры народностей тропического дождевого леса. Но одно дело слушать про такой лес, другое — побывать в нем. Небольшой его участок спрятался на речном берегу Ботанического сада, однако нам хочется большего. Для этого надо вернуться назад, поближе к Цзинхуну.

В тропическом дождевом лесу

Официальное название — Парк девственного леса Си-шуан-бань-на (Xi shuang banna yuanshi senlin gongyuan). В Китае таких лесов немно-

го. Здесь влажно, сыро, бессолнечно. Мы идем вместе с многочисленными китайскими туристами узким ущельем, склоны которого как колоннами утыканы деревьями. Тонкими и толстыми, в несколько обхватов. Но все тянутся вверх, все стараются набраться солнечного света и тепла, верхушки самых удачливых упираются в небо. Так вот ты какой, дождевой лес! На стволах, увитых лианами, — таблички с названиями. Не на всех, понятно, а на тех, что у дорожки, которая то петляет каменистой тропинкой, то прерывается длинным бамбуковым настилом над текущим внизу ручьем. Только и успеваю записывать на диктофон иероглифы с табличек. Выглядит это, вернее, слышится, примерно так: «Ух ты, огромное, метров за 40 деревище, а называется, ага... *цянь-го-лань-жэнь* / *qianguo lanren*, *цянь* — тысяча, *го* — плод, *лань* — олива, *жэнь* — добродетель...»

Что за чудо такое — «тысячеплодная оливковая добродетель?» Дома в сети, в китайском толковом словаре нахожу — по-латински это *Terminalia myriocarpa*. А по-русски? Ищу в русской сети. Ага, ну, конечно, кто бы сомневался — это терминалия многоплодная...

Названия совершенно прелестные. Вот высокий, прямой как стрела ствол носит имя: «с листьями-цинями, ветрами обдуваемое камфорное дерево», *цин-е фэн-чуй-нань* / *qin ye fengchui nan*. Листья в самом деле похожи на самый-самый китайский музыкальный инструмент — цинь. Оказывается, это *horsfieldia pandurifolia*, по-нашему, понятное дело, хорсфидия. А рядом высоченная сестричка с похожим названием — «юньнаньское, южным ветром обдуваемое камфорное дерево», *дянь нань-фэн-чуй нань* / *diannan fengchui nan*, или же — *horsfieldia tetraterala*. Следом за ними над тропинкой нависает какое-то морское чудовище, мощные корни ветвятся сотнями стволов, словно осьминог встал на дыбы. Это, стало быть, зеленый фикус, *хуан-гэ жун* / *huangge rong*, он же *figus virens*. Ничего себе фикус! Ему лет триста, наверное, весь седой.

Не просыхающая даже в жаркий полдень тропинка огибает великаншу с красноватой корой, это — цедрела, красное дерево, *хунчунь* / *hongchun*, или же *toon ciliata roem*. Табличка на другом стволе представляет «желтое хлопковое дерево», *хуанмянь шу* / *huangmian shu*, хотя к знакомой ткани *metadina trichotoma* никакого отношения не имеет.

Мы дошли до конца ущелья, по-прежнему жарко, влажно, душно, пора поворачивать назад; спускаться по пружинящему бамбуковому настилу гораздо легче. Пробегаю глазами смешное название на табличке — «красноплодное, воняющее луком дерево», *хун-го цун-чоу му* / *hongguo congchou mu*, оно же *dysoxylum*, по-нашему — дизоксилум,

рядом с ним «дерево с круглыми цветами» — *туань-хуа му* / *tuanhua mu*, оно же *antocephalus macrophyllus*, под которым примостилась невысокая, безлистная, но мощная соседка — «восемь драгоценностей», *ба-бао шу* / *babao shu*, или же дуабанга (*duabanga grandiflora*). На прощание нам свысока кивает «сияющее красным дерево», *хун-гуан шу* / *hongguang shu*, или *knema furfuracea*, с опущенными вниз глянцевыми листьями.

Дали, город у озера

От Цзинхуна до *Дали* / *Dali* лететь на северо-запад, в сторону Тибета, не так уж и долго. Еще не успел забыться сюрприз — кристаллики глютамината натрия в качестве приправы на столе в кафешке цзинхунского аэропорта (это я встретил в Китае в первый раз и был немало удивлен), а мы уже в аэропорту Сягуа в Дали.

Чем примечателен этот город? Его украшение — синее озеро *Эрхай* / *Erhai*, второе по величине в провинции Юньнань, после *Дяньчи* / *Dianchi* в Куньмине. Здесь некогда существовало государство народа *бай* / *bai*, уничтоженное в XIII в. монголами. Культура байцев и привлекает нас, прежде всего — архитектура. Байцы составляют большинство 300-тысячного населения города. Их дома показались мне одними из самых красивых в Китае. Они похожи на традиционные: замкнутые дворики с террасой вдоль второго этажа, женственно изогнутые крыши, резные деревянные ставни на окнах, но отличаются удивительно гармоничным сочетанием цветов — белого (стены), черного (черепица на крышах и гребнях стен) и синего. Синий — это вставки глазурованной плитки. Ими украшают ворота, обрамляют стены, фасады. Даже надписи, и те сделаны голубым и синим, в тон здешнему небу. На белых стенах, фасадах нарисованы сочные картины: реки, горы, птицы, цветы, орнаменты. И опять-таки с преобладанием синего. Настенные картины обновляют каждые пять лет. На гребнях черепичных крыш прилеплены керамические птички, похожие на ласточек, это обереги. Как и картины, они призваны отгонять злых духов.

Я уже не говорю о деревянных домах старых поселений байцев — они украшены такой замечательной резьбой, что позавидует любой музей.

Город делится на две части, новую и старую. Обе радуют чистотой. Если бы я ставил оценки за опрятность, в рейтинге китайских городов Дали занял бы одно из первых мест. Мусор прибран, ни окурка, ни бумажки, ни пластикового пакета, ничего не разбросано, даже в промышленных кварталах не заметил привычных для других мест куч строительного мусора. Скорее всего это связано с особенностями национального байского характера, культурой быта.

Город стоит на 1900 м над уровнем моря, от величественной, прячущейся в облаках горной гряды с поэтическим именем Лазурная, *Цан-шань / Cang shan*, (про нее говорят — гора 19-ти пиков и 18-ти ущелий) его отделяет вытянувшееся в форме уха озеро Эрхай. «Эр» — «ухо», только с добавлением трех черточек, обозначающих воду. Из озера вытекает река Сиэрхэ, впадающая в Ланьцанцзян. Зарабатывают здесь на туристах, а еще выращивают табак в окрестных горах.

Местные рано ложатся спать, вечером народа на улицах немного. Двери домов в старой части выходят прямо на улицу, и в сочетании с аккуратными, чистыми, вымощенными плитами улицами это создает впечатление какого-то небольшого европейского городка.

Далийцы сами аккуратисты, к этому призывают и гостей. Если в гостинице Цзинхуна гостям рекомендовалось не вывешивать для сушки одежду за окно, то в Дали табличка на прикроватном столике гласила: «Спокойной ночи. Пожалуйста, не вешайте влажную одежду на абажур». Мы честно не вешали. Может, просто не успели промокнуть. Дождей не было.

Город украшен буддийским Храмом трех пагод, *Сань-та сы / San-ta si*. Это еще и музей. Кроме прочего, он запомнился мне тем, что поставил всекитайский рекорд по удаленности кассы от центрального входа: она так далеко за углом, что идти до нее от ворот пришлось минут 5, не меньше. А может, мы просто торопились? Хотели насладиться видом трех пагод, которые отражаются в водах озера. Этот вид — визитная карточка Дали. Главная, 70-метровая четырехугольная кирпичная башня построена в Танскую эпоху, в IX веке. Сплошные карнизы прикрывают каждый из 16-ти ярусов. До середины башня полая. Как оказалось, стены 3-метровой толщины скрывали в этой полости сокровища: священные буддийские свитки, скульптуры из золота, серебра, другие ценности. Клад обнаружили несколько десятков лет назад при реставрации. Эта пагода считается младшей сестрой знаменитой Пагоды гусенка, *Сяо-янь та / Xiaoyan ta* в городе Сиань, которая появилась на свет столетием раньше — не путать с не менее известной сианьской пагодой Большого дикого гуся.

Две другие далийские пагоды пониже, они восьмиугольные. Вместе пагоды образуют треугольник. Мы пытались отыскать точку, с которой эта троица запечатлена у синей глади озера, как на открытках, потратили кучу времени, обегали всю немалую территорию музея в поисках водоема, но так и не нашли, кроме крошечного прудика, очевидно, китайские мастера рекламы использовали древнюю технику «заимствованного вида» — вписывания в пейзаж далеко отстоящего объекта.

Кроме осмотра этого музея и прогулки по старому центру с его лавками ремесленников (там я купил тушечницу, творение из мастерской братьев Ло, которые делают их из камня разных видов; мою самую теперь любимую: буйвол нежится в пруду), стоит проплыть на кораблике по озеру Эрхай и на острове *Иньсо / Yinsuo* перекусить в рыбацкой деревне. Дома на острове добротные, из белого известняка. Всюду солнце. Почему-то на память пришла Сицилия. Но тут же назад в Китай вернули красные иероглифы на беленой каменной стене в дугообразном переулке: «Наука и техника — это первая производительная сила». Сюр! Я же снова и снова повторяю вслед за академиком В. М. Алексеевым: «Китай — страна надписей».

Чем угощают байцы? В семейном ресторане на отшибе старого города нам предложили такие деликатесы: тонкую кору дерева, ошпаренную кипятком и слегка обжаренную, перемешанную с ломтиками ветчины, а также суп: отварной карп с крахмальной лапшой, ростками бамбука, зеленью, луком, соевым творогом, неизменной ветчиной и грибами. Еще подали отварную зеленую, слегка горчащую травку *лихао*, оказавшуюся селенгинской полынью (*artemisia selengensis*) — почти что с родины привет. Ну и вино попробовали, с названием «Насыщенное вино Тополиного леса», «Янлинь фэйцзю». Тополиного в нем ничего нет. Янлинь, Тополиный лес — городок в Юньнани, где полтора-два лет назад местный травник создал целебный 38-градусный ликер зеленого цвета. Основой служат пшеница, гаолян и рис, а лечебные свойства придают цветы и растения, к примеру, хризантема и жужуб(а). Бирюзовый оттенок и насыщенность полезными элементами обеспечиваются ферментированными листьями бамбука, груши и других деревьев. Я попробовал и почувствовал: резко снизился холестерин, вместе с давлением, улучшилось пищеварение, нормализовался сердечный ритм, мигом повысился иммунитет — точь-в-точь как написано на этикетке.

Дали порадовал неплохим сервисом и яркой одеждой байцев, особенно женщин: красно-белые юбки и курточки, красные шапочки-колпачки с белой оторочкой и белой же кисточкой.

Белый цвет не случаен. Он в цене. Национальность бай переводится — белая. Хозяин ресторанчика сказал, что байцы о женской красоте судят так: «*И бай вэй мэй, и пан вэй гуй / Yi bai wei mei, yi pang wei gui*» — «Чем белее, тем красивее, чем полнее, тем знатнее».

В Лицзян, к Шангри-Ла!

Скорее, скорее вперед, в *Лицзян / Lijiang*, поближе к тибетским горам, к волшебному краю Шангри-Ла! В Лицзян мы отправляемся на автобусе из Дали, разместившись в удобных креслах с ремнями безопас-

ности. Дождь, гроза, дорога забирается все выше. В Лицзян приезжаем ночью, размещаемся в новой части города. А наутро — в старый город. Его окружают горы. С них струятся вниз речки и ручьи. В прозрачайшей воде скользят форели и карпы — красные, желтые, розовые, причем крупные, килограмма по полтора.

Это удивительный край. В Китае лет двадцать назад затеялся спор — какое место имеет право называться «страной Шангри-Ла». За эту честь воевали Юньнань, Сычуань и Тибет. Почему воевали? Распиаренное название Шангри-Ла — райский край — привлекает туристов, а значит, деньги. В борьбе за торговую марку победил район *Дицин* / *Diqing* с городком *Чжундянь* / *Zhongdian* в северо-западном уголке провинции Юньнань.

Откуда вообще взялось это название — Шангри-Ла? Из книжки! В 1933 году британский писатель *Дж. Хилтон* / *J. Hilton* в романе «Потерянный горизонт» («*Lost Horizon*») рассказал о том, как где-то в горах потерпел крушение самолет и уцелевшие пассажиры обнаружили рай на земле: добрых крестьян, которые возделывают плодородные поля и цветущие сады, а вокруг снежные горы, синие озера, чистые реки. Так вымышленная обитель гармонии стала известна миру. Ее принялись искать — в Индии, в Пакистане, в Непале. Нашли в Китае, в местах, которые и без мифов поражали первозданной красотой.

Родившаяся в Лхасе китайская писательница и общественная деятельница *Лю Мань-цин* / *Liu Manqing* (1906–1941) в записках о путешествиях по Тибету, опубликованных в 30-е годы, писала: «К западу от Лицзяна дорога перешла в крутую каменистую тропу, словно мы карабкались по лестнице в небо... Три дня спустя перед нами открылась обширная равнина, пел освежающий ветер, а в небе висела яркая луна. Всюду, насколько хватало глаз, простирались обширные луга. На лугах, усыпанных желтыми цветами, паслись стада коров и овец. Тут и там виднелись палатки. Когда мы приблизились, увидели струйки дыма, поднимающиеся над очагами домов, образующих хорошо спланированный городок. Нам казалось, что мы попали в сказочную страну».

В Лицзяне в книжной лавке я купил мемуары «*Forgotten Kingdom*» («Забывтое королевство»). На обложке значится имя автора — *Peter Goullart*. Ее я рекомендую прочитать любителям Китая, Тибета, а также природы и романтики. Ее написал наш соотечественник *Петр Гуляр* (1901–1978). Октябрьский переворот 1917 года вынудил его семью бежать из России. Владивосток, затем Шанхай; японская интервенция, смерть матери. Петр ищет духовное забвение, становится учеником даоса в Ханчжоу. Но надо чем-то жить. Он устраивается гидом к иностранцам,

путешествующим по Китаю, затем ему предлагают работу в системе промышленных кооперативов. Так в 1939 году оказывается сначала в Чунцине, а затем в Лицзяне, который стал для него любимым краем. Он провел здесь 10 самых счастливых лет своей жизни. После установления в Китае новой власти был вынужден уехать на Запад, где издал эту книгу, «Забытое королевство». Она написана увлекательно, с любовью к людям, со знанием традиций, повседневной жизни. Здесь и описание караванов с товарами, которые идут горными тропами в Тибет и дальше в Индию, затем обратно — в Китай, загадочнейшие наси, тибетцы, экзотические обычаи, здесь и горы, леса и реки, крестьяне, бандиты, прекрасные девушки, опасности, приключения...

Два города в Китае сохранили средневековый облик: Пинъяо в центральном Китае и Лицзян в тибетских предгорьях. Лицзян теперь модное место, привлекает не только колоритом старины и предтибетской экзотикой, но и бурной ночной жизнью: в барах над горными речками здесь под этномузыку «а-ля Тибет» с заката до рассвета тусуется золотая молодежь со всей страны, перемешанная с иностранными сверстниками.

Старый город поражает. Вообще это такое место, где весь день бродишь, любишься, а вечером говоришь: «И это красиво, и вот это красиво, и это тоже!» — и устало машешь рукой. Самой заметной архитектурной достопримечательностью признан княжеский двор семейства Му. Семья царствовала в здешних краях две тысячи лет, в Минскую эпоху глава рода построил дворец, впечатляющий размерами и красотой. Он копировал императорский Запретный город в Пекине и концентрировал гражданскую и военную власть.

Находившись по булыжным мостовым, стоит передохнуть и отведать местной кухни, что мы и сделали, зайдя наугад в маленький дворик, с одной стороны которого высился каменный дом, а с трех — деревянные. Оказалось, это гостиница. Под столом бродила серая собачка с желтыми ушами, которую мы тут же окрестили «карликовым тибетским мастифом». От еды собачка не отказывалась. А кормили нас так: омлет с местной травкой «морские цветы», хайхуа, крахмальное желе со жгучим перцем и тушеная картошка с говядиной. Ну и рис, конечно. Почти все острое. Собачке мы острого не давали.

Мы поднялись по крутой каменной тропе в горы, окружающие Лицзян, полюбовались панорамой черепичных крыш, сплошь накрывающих город. Здесь же набрали на храм даосского святого, покровителя литераторов и чиновников по имени *Вэньчан / Wenchang*, тихий, уютный, с монахами в серых халатах, с каменным бассейном с золотыми рыбками.

Туристов множество. К ночи вся жизнь смещается вниз, на центральную площадь, в рестораны и бары над водными потоками.

Главной фишкой традиционной культурной жизни здесь считаются вечера национальной насийской музыки. *Nasi / naxi* — древний народ, который создал уникальную письменность *дунба / dongba*, представляющую собой рисуночки-пиктограммы: человечки, животные, реки и горы, крючки и закорючки. Купив словарик на желтой самодельной дунбаской бумаге, вы можете мгновенно освоить местный язык.

Но — про насийскую музыку. Мы попали на концерт в центре старого города. В зале много людей, примерно четверть иностранцы. На сцену сначала вышла девица и минут 15 рассказывала про насийскую музыку по-английски и по-китайски. Потом на сцену поднялись старички в национальных костюмах, преимущественно красных с золотой вышивкой, примерно в количестве 30, многие в очках, а двое почему-то в черных, что делало их до жути похожими на кота Базилио в исполнении незабвенного Ролана Быкова.

Нам представили музыкантов. Всем далеко за 60, многим за 70, и особо выделили аплодисментами тех, кому перевалило за 80. Их оказалось трое: 82, 84 и 86 лет. Подумалось: «Наверное, это самое большое достижение оркестра». В Китае уважают старость, а эти патриархи и вовсе явились из далекого-далекого прошлого, видимо, собрали последние силы, чтобы передать нам древнее искусство. Старички принялись играть на лютнях, скрипочках, флейтах, бить в барабанчики, звякать колокольчиками. Подумалось: «Н-да, большой обман, конечно, но коммерчески — очень круто! Билеты дорогие, одно представление собирает примерно 50–60 тысяч юаней, то есть 8–9 тысяч долларов, два спектакля в день. Молодцы!» После маловразумительных композиций музыканты перешли к песням народности бай. Переход осуществил самый молодой исполнитель, лет 60-ти с небольшим. Он пел байские частушки, а также под аккомпанемент похожего на банджо инструмента рассказывал веселые и преимущественно неприличные истории. Китайская публика была в восторге. Подумалось: «И это выдается за вечер древней насийской музыки? Шарлатаны!»

Вечер между тем шел своим чередом. Были исполнены мелодии «времен Юаньской эпохи», ведущая упомянула ее основателя монгола Хубилая, покорявшего эти края и ставшего властителем всего Китая.

Затем на сцену торжественно ступил *Сюань Кэ / Xuan Ke*, отец-основатель всего этого музыкального хозяйства. Я вспомнил, что читал о нем в китайских газетах: одни хвалили его за поддержку древней традиции, другие ругали, считая, что насийская музыка — не более

чем ловкая придумка и спекуляция на тему народной музыки, которая то ли существовала, то ли нет, никто достоверно не знает...

Ладно, послушаем. Сюань Кэ говорил долго. По-китайски и по-английски. В основном про свой недавний инсульт и про себя любимого: мол, мне 80, а выгляжу на 57! Потом перешел все-таки к насийской музыке. Сказал, что главное было сохранить ее неизменной, что он все забросил для этого, хотя был уже известным дирижером и музыкантом. А насийская музыка — уникальна, потому что не подвергалась влиянию в силу изолированности Лицзяна от внешнего мира. Более того, кроме собственных, насийцы сохранили китайские мелодии Танской, Сунской и более поздних эпох в их полной первозданности. Мысль Сюань Кэ разливалась широко, надолго ни на чем не задерживаясь. От музыки он перепрыгнул к традиции бинтования ног женщинами, поиздевался над изнеженными иностранцами-лаоваями, что очень понравилось китайской аудитории. Это он говорил по-китайски. По-английски — наоборот, насмешничал над китайцами. Мол, вот раньше китайцы были крепкими, посмотрите хотя бы на богатырей-воинов глиняной армии императора Цинь Ши-хуана (все ростом 1,80 м и выше), а теперь что? Слабаки, даже в футбол ничего не могут выиграть, несмотря на возможность выбора из полутора миллиардов...

Затем снова зазвучала музыка. Насколько она была идентичной — судить древним насийцам, но большая группа итальянских туристов, занимавших два ряда перед нами, измученная потоком сознания много-речивого Сюань Кэ и музыкой, невыносимой для привыкшей к итальянской мелодике души, ушла дружным отрядом, плюнув на 40-долларовые билеты.

Позже я почитал купленную после концерта мини-книжечку с биографией Сюань Кэ. Не так все просто было с ним, как мне показалось на концерте. Он родился в Лицзяне в 1930 году в семье местной знати, отец первым из насийцев овладел английским языком, мать-певица принадлежала к знатному тибетскому роду из уезда Чжундянь (читай — Шангри-Ла). Маленький штрих: гувернанткой в семье Сюань служила немка. Он получил хорошее образование, после установления народной власти работал дирижером, преподавал английский. Но затем «буржуазное происхождение» аукнулось, и с 1957 по 1978 год он «проходил трудовое перевоспитание» на горных оловянных рудниках, которые курировались провинциальной госбезопасностью. Затем началось возрождение. Судя по всему, энергия у Сюань Кэ была ключом. Я не поленился и посчитал перечисленные в книжечке должности — всего 20. Это и преподаватель нескольких институтов и университетов, и дирижер, и член народного политического консультативного совета,

и руководитель общества Красного креста и т. д и т. п. Нащупав золотую жилу — «традиционную насийскую музыку», он успешно ее разрабатывал. На концертах его ансамбля побывали в 90-е и последующие годы многие китайские руководители, включая Цзян Цзэ-миня, тогдашнего лидера страны.

Местные власти, уверен, молятся на Сюань Кэ: он так раскрутил насийский музыкальный проект, что это стало визитной карточкой Лицзяна. Можно сколько угодно подсмеиваться над качеством продукта, но то, что он работает, привлекает туристов и деньги — вне всякого сомнения. В общем — браво, гений маркетинга!..

Не только старой музыкой привлекает Лицзян. Здесь на открытой площадке у гор время от времени проводится фестиваль Снежной горы (Snow Mountain Festival) с участием лучших китайских рок- и поп-исполнителей, заглядывают сюда и западные звездочки. Мы угадали попасть на выступление Аврил Лавин. Вернее, делегировали дочку Лиду. А сами послушали из кафе неподалеку, как бушует многотысячная публика под популярные мелодии, уходящие в звездном небе куда-то вдаль, к ближним горам и еще дальше — к Тибету.

Заснеженные пики из самого Лицзяна нам увидеть не удалось. Мы решили съездить чуть поближе к ним: в недалгий древний городок Шухэ / *Shuhe guzhen*. Так же, как Лицзян, он стоит на старинном пути, по которому в Тибет из Китая везли конными караванами чай, основной экспортный товар. Благодаря этой торговле и процветали города. Шухэ еще старше, чем Лицзян. Очень уютный. Деревянные дома, украшенные резьбой, маленькие гостиницы с внутренними дворами, и везде ручьи, речушки, потоки, которые текут под мостиками, а на выложенных камнем берегах встречают гостей рестораны и кафешки.

На полпути от Лицзяна к Шухэ раскинулся парк Омут черного дракона, Хэйлун тань / *Heilong tan*. Сразу за воротами встречает водная гладь, в глубине просматриваются тени карпов, прогонистых, быстрых, мощных. Иногда они замедляют движение, встают под нависающими над водой плакучими ивами: ждут, когда сверху упадет что-нибудь съедобное, жучок или мушка. Озеро разделяется на две части дамбой с выгнутым беломраморным пятиарочным мостом с названием Драгоценный пояс и прижимается к Слоновой горе. Вода необыкновенной прозрачности, недаром раньше парк назывался Нефритовый источник, Юй цюань / *Yu quan*. За озером прячется пруд пронзительного бирюзового цвета. На склонах холмов стоят Лунный павильон, храм Драконьего бога, ажурные беседки, из травы выглядывают цветы. В октябре — да-да, в октябре! — здесь цветут сочные

подснежники. Вода из озера бежит вниз, к Лицзяну, она-то и питает ручьи, которые рисуют облик города.

В парке в замкнутом дворике с постройками в местном стиле разместился Институт изучения культуры дунба, включая музыку, литературу и язык тысячелетней давности. Смешные рисунки — письма дунба — перешли на сувенирную посуду, майки, кепки и всяческие безделушки.

А как же кухня? На улице Цветов и лошадей, *Хуа-ма цзе/ Нуата jie*, мы зашли в ресторан «Дикие горные грибы дунба», «Дунба е-шань цзюнь» / *Dongba yeshan jun*. В украшенном пиктограммами меню их оказалось более 50 видов! Некоторые похожи на наши, российские, но большинство незнакомые, как с опаской заметила жена — смахивающие на родные отечественные поганки. Но не будут же нас травить! Выбрали все-таки привычные. Белые называются «говяжья печень», *ню-гань цзюнь / niugan jun*, да еще с прибавкой «деликатесные» — *мэй-вэй / mei wei*. Боровики, они и в Юньнани в почете!

Лисички кличут «куриный жир» — *цзи-ю цзюнь / jiyou jun*. Рыжики обозначены как «молочные полководцы», *най-цзян цзюнь / naijiang jun*. Грибы нам приготовили и отварные, и тушеные, и жареные, а впридачу поставили на стол деревянную кадучечку с рисом. С грибами сочетается отлично.

Вперед, к Ущелью прыгнувшего тигра!

Мы решили отправиться на поиски приключений в Ущелье прыгнувшего тигра, *Ху-тяо ся / Hu tiao xia*. Дорога из Лицзяна туда ведет вдоль длинного озера, служащего центром болотного заповедника *Ла-ши / Lashi*, где гнездится множество перелетных птиц. Дорога вьется в горах, спускается в долины, по обочинам шеренги ив, крестьяне продают ведра с персиками и корзинки красного стручкового перца, его связки подвешены на деревьях в качестве рекламной приманки. Одолев горный перевал высотой этак 2,5 тысячи метров, спускаемся в долину реки Золотого песка *Цзиньша / Jinsha*, она же — начало Янцзы, едем вдоль нее по старой разбитой дороге, на полях пасутся волы и коровы, в деревнях с тынов свешиваются тыквы, в полях стеной кукуруза, подсолнухи, по обочинам прыгают трясогузки. Вот и развилка — одна дорога ведет на Чжундянь, к Шангри-Ла, вторая уходит направо, вдоль Цзиньша-реки, рядом знаменитый V-образный «первый изгиб» Янцзы: с юга она поворачивает на северо-восток. Едем на север к ущелью Прыгнувшего тигра, зажатому снежными грядками гор Хаба и Юйлун...

Дальше... Дальше было так страшно, что потребовалась отдельная глава (читайте ниже — «Облачный юг. Когда было страшно»).

Спокойный Куньмин. Каменный лес

После Лицзяна сразу чувствуются перепад температур и смена климата. Если в Лицзяне было 28, то здесь 18. Но тепло.

В этом городе вообще самая стабильная температура. Здесь не бывает слишком холодно зимой и слишком жарко летом. Рай для цветов. Их поставляют отсюда во все концы страны, а еще проводят цветочные праздники, фестивали, выставки.

Тем не менее это не самый богатый город. Удивило, что на главной пешеходной улице (в Китае модно иметь таковые в больших городах) вечером темно и совсем-совсем немногочисленно. Улицы широкие, есть где разгуляться. Может быть, из-за широты куньминской души мерой веса фруктов и овощей служит килограмм, *гунцзинь / gongjin*, а не 500 граммов, *цзинь / jin*, как везде.

Мы спешим в Юньнаньский парк диких животных, *Юньнань е-шэн дун-у-юань / Yunnan ye sheng dongwu yuan*. Маленький автобус везет по холмам над городом, дорога петляет в лесу, и на каждом изгибе мы видим новых и новых животных — антилоп, буйволов, жирафов, птиц. Объезжаем Лебединое озеро с пеликанами, розовыми фламинго и, конечно, лебедями. Отсюда, с высоты открывается прекрасный вид на Куньмин и окрестные горы. Сафари-парк устроен с душой, с любовью к природе, например, посреди дорожки, ведущей к тиграм и обезьянам, растут деревья, их не вырубili, окружили плитками, ухаживают.

Конечно, нельзя не посмотреть Каменный лес, *Ши-лин / Shilin*. До него, правда, из Куньмина надо ехать, и достаточно долго, сто километров все-таки. Но если вы любите причуды природы и обожаете большие затейливые камни, как издавна ведется в Китае, то это ваше место. В этом районе когда-то было море, потом ушло, а морское дно стало размываться, более прочные породы сохранились, мягкие исчезли. Так образовались карстовые отложения, сформировав горы и скалы. Подобные участки есть в бывшей Югославии (Карс в Словении) и в китайской Сычуани, но небольшие и не такие причудливые.

Площадь каменного дива порядка 400 кв. километров. Примерно вдвое меньше, чем площадь Москвы внутри окружной дороги. Как нам объяснила экскурсовод, милая девушка национальности *у / uí* (самой многочисленной в Юньнани, около 7 миллионов человек), территория делится на три вида: охраняемая, охраняемая строго и охраняемая чрезвычайно строго. Понятно, почему это делается: иначе давно бы растащили всю красоту на стройматериалы.

По легенде, прекрасная девушка народа *у* в этих местах когда-то влюбилась в не менее прекрасного юношу, но их разлучили родители,

и она от горя окаменела (см. также китайскую легенду о Лян Шань-бо / *Liang Shanbo* и Чжу Ин-тай / *Zhu Yingtai*, а также шекспировскую повесть о Ромео и Джульетте). Так вырос каменный лес, с тех пор каждую весну в честь своей героини ийцы танцуют на лужайке с факелами. Танцев мы ждать не стали, зато долго любовались скалами. Их обычная высота — 2–3 метра, а самые высокие поднимаются и до 30. «Слоны», «черепахи», «обезьяны» — у каждой свое имя. Включая даже Чжу Ба-цзе — легендарного борова из романа «Путешествие на Запад». Его скала — с большим круглым животом. Девушки должны его погладить, чтобы притянуть семейное счастье. Почему? Чжу Ба-цзе, хотя и толстый и не очень умный, зато надежный, понятный, хозяйственный, «всё в семью». Ну, любит поесть, конечно, выпить, как же без этого, зато семейный. Не то что другой герой «Путешествия на Запад», царь обезьян Сунь У-кун, которого дома никакими силами не удержать. Вот и не гладят его скалу девушки.

Внутри Большого каменного леса спрятался Малый. Вот здесь уже строгая охрана: везде камеры слежения. Но и самые любопытные скалы. Вот муж с женой. Супруги поссорились и не смотрят друг на друга. Некоторые столбы с нахлобученными «шапками» напоминают застывших истуканов. Стенки многих гладкие, словно отполированные.

Узкими проходами меж отвесных стен пробираемся в потаенные места. Над головой нависают и грозят упасть огромные глыбы. В этом извилистом гроте когда-то провел ночь отшельник и алхимик Чжан Го-лао / *Zhang Guolao*, один из восьми даосских бессмертных. Вот его каменная постель, рядом каменный стол, да с чудесами: гладкий, шелковистый, как будто даже мягкий на ощупь, а шлепнешь по нему ладонью — раздается нежный протяжный звон. Здесь же кораллы. Грот сторожит охранник. Они несут караул и в других провалах и гротах. Беднягам холодно в темноте и сырости. В самых низких местах виднеется вода, здесь примерно около 10 метров над уровнем моря.

Назад — в Куньмин. Аэропорт. Странное дело: по всей Юньнани везде — от ночных базаров в Си-шуан-бань-на и до сувенирных лавок куньминского аэропорта — масса русских матрешек, с лицом на фоне церковных куполов. Наверное, сделаны в Харбине.

И еще — также к вопросу о глубинной геополитической связи Юньнани с Россией, а также на заметку бывшим уличным хулиганам: во многих местах благодатного края продаются в качестве сувенира рогатки. Ведь это край охотников. А для нас — повод вспомнить детство. И я не избежал искушения, прикупил одну, гладкую такую, из светлого дерева, пострелял даже, пока резинка не порвалась.

Облачный юг. Когда было страшно

Тибетская лошадка шла вверх по тропе неохотно. Наш проводник подгонял ее сзади, а на особо крутых участках помогал, подталкивая меня в зад. Я громоздился в седле, вцепившись в луку, и боялся. Бояться были основания, потому что тропа поднималась вверх под углом градусов в 50, не меньше. Хотел бы добавить — «обрывистая тропа», но об этом просто не хотелось думать. Она вилась зигзагами над краем пропасти. Лошадь, которая, как меня страстно убеждал проводник, «умная, ни за что не упадет», наверное, не была так уж в этом уверена. Дойдя до поворота, а тропа виляла каждые пять-шесть метров, делая иногда зигзаги под прямым углом, лошадка упиралась ногами в точку поворота, причем ее голова и грудь выдвигались над пропастью. Потом она крутилась на месте, разворачиваясь вправо или влево, давая тебе вволю посмотреть на пропасть и быструю реку далеко внизу, и снова копытила тропу, оступаясь на камнях, забирая круто вверх.

Мне бы окрестностями любоваться, но уж больно страшно! Хотя вокруг возвышались горы неописанной красоты, сдавливающие реку Золотого песка, Цзиньша, будущую Янцзы. Здесь, в горах на северо-западе провинции Юньнань начинается Шангри-Ла, мифическая страна. А мы находимся в красивейшем месте — ущелье Прыгнувшего тигра, одном из самых глубоких и живописных в мире. Недаром оно вошло во все туристические справочники. Готовясь к поездке в Юньнань, я все интересные места взял на заметку. И это ущелье в первую очередь. Уж больно красочными были описания в сети и путеводителях. Горы, сосны, река, небо. Так оно и было бы, не выбери я этот треклятый нижний маршрут!..

Походы по ущелью любители горных пеших походов (по-нашему — trekking) всего мира ставят очень высоко. Вдоль него идут маршруты разного уровня. Верхний, высоко в горах, начинается от местечка Голова моста, *Цяньтоу / Qiantou*, там, где шоссе из города Лицзян раздваивается. Одна ветка ведет в эту самую Шангри-Ла, в город *Дэцин / Deqing*, вторая тянется вдоль ущелья также в направлении заветной Шангри-Ла, но уже ее восточной части. Этот верхний маршрут рассчитан на 8 часов хорошего хода, для людей, конечно, физически крепких, не боящихся опасностей, наоборот, на них напрашивающихся.

Я себя к горным походникам не отношу, хотя ходить люблю, к тому же отправился не один, а с дочерью Лидой. Она тоже не туристка.

Но нам (мне прежде всего) как шлея под хвост попала, захотелось до невозможности хоть немного, но пройти по ущелью. Лида фотограф, и шанс запечатлеть замечательные виды сподвиг её пойти со мной в поход. Но маршрут я решил выбрать коротенький. Посмотрел на карту — ага, лучше идти нижним маршрутом, он наверняка полегче. (Лететь, так низенько!) Начать решили с дальнего участка, с Орехового сада, *Хэ-тао юань* / *Hetao yuan*, который по-английски в путеводителях зовется Ореховой рощей (Walnut Grove), и пройти назад до точки с названием Небесная лестница, *Тянь ти* / *Tian ti*. Из Цяньтоу на взятом за умеренные деньги микроавтобусе мы поехали по дороге, идущей примерно на уровне середины горы.

Уже начало показалось страшноватым. Дорога была заасфальтирована наполовину, грунтовую часть размыли дожди. Шофер, местный парень, выбирая поверхность потверже, все жался ближе к краю пропасти. Туда лучше было не смотреть, что мы и пытались делать. Вскоре, где-то на полпути шофер предложил нам спуститься к реке. Она шумела внизу, метрах в 300-х. Зачем спускаться? Ну как же! Там «тигр впервые прыгнул», обрушил в реку огромный камень. Ладно, потопали вниз вместе с толпами китайских туристов — до этого места ходили автобусы. Спуск вниз и подъем, с фотографированием и передышками, занял добрый час. А сил отнял — будь здоров. Еле дыша, выбрались наверх и поехали дальше, к Ореховому саду. Это, собственно, не сад, а ложбина среди крутых гор. Там стоят несколько домов — гостиничек для «крутых туристов». В одной из них мы пообедали. После спуска к реке и подъема сил и желания ходить пешком порядком поубавилось. Но деваться некуда, план надо выполнять, нас ждут красоты «самого красивого ущелья»! И мы отправились в поход.

Сначала все шло прекрасно, мы шагали с удовольствием. Синее небо, высокие горы вокруг, тепло. По склону вниз, через кукурузные поля, мимо хуторов с толстыми черными свиньями, мимо огромных тыкв (время — октябрь, лучшее в Китае) и дальше, дальше, направо, вдоль реки. По словам шофера, путь по низу ущелья до точки с названием «дом Чжана» или чуть ближе — до Небесной лестницы, должен занять часа три-четыре.

Потом начался сплошной кошмар. Нет, конечно, в сети я читал, что участок трудный даже для физически подготовленных туристов. Но что он не просто трудный, а еще и опасный, вот это было неожиданно. Ну да, я прочитал и даже видел фотографию, как в одном месте вдоль отвесной стены надо идти, держась за проволоку, к ней прикрепленную. Как-нибудь пройдем, подумал тогда я. Но кто мог знать, что маршрут от Орехового сада назад по ущелью, по «простой» нижней части, станет

таким рискованным, что я бы его весь в проволоку забрал! Или установил бы лифт. Плати деньги (пусть большие!) — и тебя вернут назад, к жизни. Потому как маршрут заставлял спустя какое-то время заботиться только лишь о сохранении этой самой жизни. Нет, красота действительно потрясающая: узкое ущелье, горы уходят в небо, желтая Янцзы ревет, как пишут романтики, стиснутая в извилистом каменном ложе... Но когда страшно, тут не до красот, хотя Лида смело и отважно продолжала фотографировать, выбирая удачный ракурс и ради этого выходя к самому краю. Впрочем, до обрыва было всего ничего, несколько шагов. И это было замечательно, когда несколько шагов. А когда всего шаг? Или полшага?

Тропа стала все теснее прижиматься к скалам, местами сужалась до полуметра, а кое-где и того меньше. Она уступом прыгала вниз, и надо было по деревянной, из пяти-шести тонких бревнышек, лестнице спускаться, опасаясь трухлявых ступенек и стараясь не глядеть налево. Иногда места снаружи тропе не находилось, она ныряла в вырубленную в стене нишу, приходилось идти на полусогнутых, цепляясь рюкзаком за нависающий «потолок». В одном месте я животом, всем нутром почувствовал — сейчас полечу вниз. Тропа уходила вправо, в расщелину, упиралась в нее и под острым углом поворачивала налево. Как шпилька или воткнутая острым углом в стену, перевернутая латинская буква V. В этом каменном углу я и застыл. С той стороны из тропы выпирала толстая глыба. Через нее надо заносить ногу. Левую. А у меня, как поется в песне В. Высоцкого, толчковая как раз левая, «как у всех». Совсем не под ногу. Не развернусь. И за спиной рюкзак, который, как шагну, точно стянет туда, в эту расщелину, уходящую отвесно вниз. Так я стоял несколько минут. Столбняк. Спасла дочка Лида. Она смело перешагнула валун и протянула руку. Только с ее помощью я прошел дальше. А так — хоть назад возвращайся...

В общем, случилось как в сказке, когда становится все страшнее и страшнее. Уже не пугали поборы, которые местные жители берут с туристов. За проход. Первый такой кассир, приветливый молодой человек, скучающий на высоком камне, взял деньги и посоветовал идти осторожнее: кое-где тропа размыта дождями. А за что деньги брал? Об этом гласила рукописная надпись на доске, прислоненной к камню. Смысл сводился к тому, что государство о тропе не беспокоится, а ее надо поддерживать, так что давайте, ребята, кто сколько может.

Но что там эти юани, когда в голове билась только одна мысль: когда же этот кошмар наяву закончится? Мы в семье стараемся не ругаться матом, но тут в сознании ярко засветилось одно емкое слово,

означающее «полный конец», и оно само рвалось наружу. И вырывалось то и дело. Потому как сил становилось все меньше, а тропа все круче. Вот она нырнула вниз, к огромному камню в реке, который в путеводителях обозначался как Третий прыжок тигра. Это был единственный «настоящий прыжок», объяснил нам еще один хранитель тропы. Мужичок вынырнул из тени деревьев на склоне, показал на камень и вынул из кармана ключ. Мол, ключ от камня. Перебираться на скалу, одним боком привалившуюся к берегу, а другим разбивавшую шумящий пенный поток, как-то уже не хотелось. Начался дождь. Мы подошли к берегу и молча встали. «Па, дай ему денег и скажи, что на камень мы не пойдем!» — сказала Лида. Какая разумная, добрая девочка!.. На скалу следовало перебираться, держась за железный трос, нависая над водой. Оно нам надо?

Однако любопытство и азарт пересилили. Озадачивал вид тазика с мутноватой водой, стоящий на берегу. Для чего бы это? Ладно, где наша не пропадала. Хватаясь за трос, мы вскарабкались на валун и стали смотреть на реку. Как будто с берега нельзя было смотреть... Поток неся и бил в камень, тот дрожал от напора. Посидев и сделав снимки, вернулись на берег. Ага, вот для чего тазик — смыть с рук ржавчину от железного троса.

Силы совсем кончились. Дух упал и не думал подниматься. Мы шли часа три. Надо выбираться из этого ущелья. Милая женщина, которая встретила нас вскоре под навесом на деревянной площадке у реки («Напитки, сигареты, пожалуйста!»), сказала, что наверх есть два пути: один к дому Чжана, надо идти дальше вдоль реки, постепенно забирая выше и выше, второй намного короче — сразу подняться наверх вот отсюда, вертикально. Вторым и был Небесной лестницей (Лестницей в небо).

Мы присмотрелись сначала к более длинному варианту. Он был, на наш взгляд, таким же, как и маршрут, по которому мы сюда заявились. Нет уж, достаточно! Пойдем коротким. Мы вышли на маршрут Лестницы. Надо сказать, что направления там указаны желтыми стрелами на камнях. Очень помогает. И мы сразу увидели эту лестницу. Мы думали, что это просто красивое название, образное. Ни фиги! На самом деле — в небо. Посреди стены, отвесной, конечно, была прибита железная лестница, метров этак десяти высотой. Н-да! Мы же не циркачи... Но нас так достала эта тропа и прикрепленное к ней ущелье, так хотелось скорее выбраться, что мы решили: «Лестница так лестница!» И полезли.

Описывать подъем не буду. Морально тяжело. К счастью, изображать пожарных-скалолазов нам пришлось недолго: когда добрались до этой

жуткой лестницы на верхотуре, нас перехватили два местных парня. Добрые самаритяне предложили преодолеть остаток пути на лошадях. «Где уж тут лошади пройти?» — подумал я. Стена-то почти вертикальная! Но они поспешили заверить, что еще немного придется пройти, есть боковая тропа, а там уже лошадки, они довезут за 15 минут. А самим карабкаться — целый час... Выбор был сделан незамедлительно. К заветным лошадям мы ползли на карачках, отдыхая каждые две минуты. Ни сил, ни воздуха не хватало. Рюкзаки стали неподъемными. Мы даже не обратили внимание на очередного стража ворот, о котором читали в интернете. Или их здесь несколько таких? Он поставил на тропе дверь. Приватизировал проход. Платите, кто хочет пройти. Но мы эту дверь прошли тупо, не обращая ни на что внимания. А страж ворот, видя наши лица, наверное, побоялся спросить. Или ему наши проводники отстегнули?..

По лестнице все-таки пришлось лезть. Не по той устрашающей, а по другой, тоже железной, но покороче. Потом мы сели на мохнатых лошадок. «Не бойся, — сказал проводник. — Она сегодня уже восьмой раз идет по тропе». «Это-то и страшно, — подумал я. — Лошади тоже не железные». Лошади шли так круто, что и я, и Лида снова то и дело от души произносили вот это самое слово, означающее полный конец. В одном месте моя лошадь вдруг встала. «Завод кончился, — подумал я, — все-таки восьмой заход за день». Стало жалко скотинку. Загнал! «Устала?» — спросил я проводника. Он кивнул. В это время Лида, которая следовала на такой же коняке сзади, подсказала: «Па, твоя лошадь какает!»

Это как-то успокоило. Раз лошадь какает, значит, не все потеряно. Когда прощаются с жизнью, так себя не ведут. Наверное. Да и идти теперь ей будет легче. Вверх, вверх, с зависанием над пропастью, с потерей равновесия, с полным осознанием того, как хрупка жизнь...

Но вот, наконец, мы наверху, у дороги. Прошло сто лет. Нас ждет микроавтобус. Пот льет градом. Пьем воду, трясемся на жуткой дороге и радуемся. Смеемся. По дороге над краем пропасти, о которой мы думали, что это самое жуткое, — мы чуть ли не песни поем от счастья. Мы вышли, мы выжили! А всего-то хотели полюбоваться горами на краю волшебной страны Шангри-Ла... Ну, в общем, полюбовались!

Когда вернулись в такой безопасный, такой домашний и родной Лицзян, эйфория продолжилась. Даже мелькнула мысль, что я изменю отношение к жизни. Буду смотреть шире, не обращать внимание на пустяки. Ну, там на грязь или грубость, шум или невежливых официанток. Или на соседей сверху,двигающих ночью мебель. Врагов прощу.

Буду всех любить. Но жаль — это светлое чувство быстро прошло. Вспомнился Достоевский, писавший, что когда его, приговоренного к расстрелу, помиловали в самый последний момент на месте казни, он думал, что теперь будет по-другому жить. Не получилось.

Ущелье Прыгнувшего тигра стоит того, чтобы в нем побывать. Сколько ему оставаться таким, какое оно есть, — вопрос. Одно время опасались, что на реке Золотого песка поставят плотину, сделают водохранилище. Потом эти планы отменили. Затем вроде часть ущелья закрыли. Что дальше будет? Поживем — увидим.

Но как же там красиво! Все-таки.

Пинъяо — Спокойная даль, или Город стен

В город *Пинъяо / Pingyao*, название которого можно перевести как Спокойная даль, лучше приезжать начиная с марта — и по октябрь. Почему? Потому что это настоящий каменный город, где пришельца согреют только угольные печки, если не останавливаться в дорожных постоялых домах с кондиционерами. Но зато, если вы любите холодные закаты, укутанные тем же самым дымом, то добро пожаловать в Пинъяо хоть зимой.

Я имею в виду древний город. Окруженный высокой стеной, он представляет собой сердцевину ничем не примечательного районного центра с тем же названием. Город в городе. Не так давно он вытащил счастливый билетик: ЮНЕСКО признала Пинъяо мировым культурным наследием. Это город эпохи Мин, который сохранился почти в том самом виде, какой имел 600 лет назад. Теперь сюда реками потекли туристы, а значит, и деньги. Они здесь ох как нужны.

Провинция *Шаньси / Shanxi* одна из самых бедных в Китае. Здесь нет ни полноводных рек, ни высоких гор. Равнина изъедена засухами и ветрами: едешь, едешь по ней, а вокруг всё серая местность с невзрачными домишками, кирпичными сараями, кукурузными полями. Хорошие деньги приносят своим владельцам только угольные шахты, многие из которых действуют незаконно, подпольно, никто не ценит ни труд, ни жизнь рабочих, они часто гибнут, замурованные под завалами.

Тем удивительнее на этом общем бедном фоне — после проезда через тощие поля, через пыльные поселки, где нет ничего, что радовало бы глаз, так же, как не радуют глаз многие деревни и поселки России, после уездного центра с его свалками на окраинах, реками химикатов, которые когда-то, очень давно, несли чистую воду, с бес-

конечными автомастерскими без машин — тем удивительнее явление Древнего Пинъяо, который высится над новым городом, превосходя его по всем статьям.

Я бы назвал его Городом серых стен. Не только потому, что окружен шестикилометровой каменной стеной с башнями, но и потому, что здесь не найти отдельно стоящих домов. Куда ни пойдешь, везде высокие стены. Каменные лабиринты с редкими воротами. Шагнешь за них — опять стена, и лишь за ней квадратный дворик с главным зданием для старших, справа и слева от которого боковые флигели для младших членов семьи. Дома как правило двухэтажные.

Город очень напоминает Лицзян в предгорьях Тибета. Но сухой: здесь нет лицзянской чистой воды с гор, нет источников. Город страдает от нехватки грунтовых вод. Поэтому и деревья среди каменных стен почти не растут.

В старом городе живут и сейчас. Правда, с открытием туристических маршрутов местное население частично выселили, сейчас здесь постоянно обитает тысяч двадцать. Ну, как в нашем Ростове Великом на Золотом кольце в России, примерно. И уровень благосостояния на взгляд такой же. Живут неприметно, особых богатств, мягко говоря, не нажили, а проще говоря, так же бедно, как и люди в современном Пинъяо, что за стеной. Жестяные печные трубы торчат из окошек в старых стенах, дым коптит небо и частично — бельишко, его по китайскому обыкновению вывешивают на шестах или веревках во дворах, не скрывая от посторонних глаз. Тесно.

Пешком город можно пройти за полчаса, от южных ворот до северных. Здесь четыре главные улицы, несколько неглавных, а остальное — переулки. Причем без названий, без табличек. Даже на больших улицах их нет. Может, потому, что в город не допускают автомобили. Хочешь пожить в гостинице в Древнем городе и лень тащить чемоданы? К услугам электрокары. Они довезут куда надо всего за доллар. А как выбраться из гостиницы, если дороги не знаешь, или карта есть, а табличек с названиями на улицах нет? Понятно, что все близко, идти три шага, но — бери электромобиль, плати, дружок.

В городе несколько храмов, из которых выделяется посвященный богам-покровителям города Чэн-хуан сы / *Chenghuang si*, построенный в XIV в., здесь, что уже нам привычно, перемешаны буддизм, даосизм и местные культы: к примеру, в одном из павильонов гипсокартонные грешники показательно мучаются в аду — горят в огне, висят на дыбах, истекают кровью под ножом. В другом павильоне, напротив, встречает рай — древняя роспись на стенах уцелела в «культурную революцию» только потому, что над сценами блаженной загробной жизни, там, где

небо, монахи вывели красной краской крупные иероглифы: «Да здравствует председатель Мао!»

В Пинъяо сохранился один из самых древних храмов, посвященных Конфуцию. Его заложили в Танскую эпоху, когда почитание Учителя достигло пика. По велению императора Сюань-цзуна / *Xuanzong* мудреца стали величать Совершенным просвещенным царем, Вэнь-сюань ван / *Wenxuan wang*, а разбросанные по стране кумирни Конфуция, Кун-мяо / *Kong miao*, переименовали в кумирни Просвещенного — Вэнь-мяо / *Wen miao*. Так храм в Пинъяо зовется и теперь. Уездные города в Танскую эпоху ранжировались по категориям, в зависимости от населения, суммы собираемых налогов, так сказать, материальной базы. Пинъяо отнесли к третьей категории, одной из самых высоких, учитывая его выгодное местоположение. Поэтому храм был задуман величественный. Впрочем, до нас он дошел в том виде, в каком его заново отстроили в XII веке. Тоже вполне внушительном. В центральном павильоне на своих последователей строго смотрит с огромного портрета Учитель.

С конфуцианцами в храме мирно уживаются и буддисты, и даосы.

Монахи охотно ответят на вопросы, вежливо поинтересуются вашей страной. Правда, дальше имени президента интерес, как правило, не идет. В храме установлены мраморные стелы в честь местных уроженцев, отличившихся на стезе учености. Несмотря на царивший в городе дух коммерции, некоторые таланты все-таки ставили науку на первый план, сумели пробиться и победить на императорских экзаменах. В честь этого события, возвышавшего победителей и их семьи, они жертвовали конфуцианскому храму деньги и ставили стелы примерно с такой надписью: «Я, такой-то, сдал экзамены на степень цзинь-ши, с благодарностью жертвую...» В храме у входа — мостик. По нему в старину имели право идти только те, кто получил наивысшую степень «чжуанъюань», а также — в принципе — мог бы пройти сам император. Остальные чиновники шли не по мостику, а сбоку, по аллеям, гражданские справа, военные слева. Храм храмом, а порядок и ритуал — как во всех официальных учреждениях.

Почему Пинъяо необыкновенно хорошо сохранился? Ему повезло. Город обошли стороной крестьянские восстания Минской и последующих эпох, не затапливала протекающая южнее Хуанхэ, не коснулась гражданская война в 20–30-е годы прошлого века, да и вторая мировая тоже. Может быть, то, что никогда не был столицей, сыграло свою роль.

Поражаешься таланту людей, которые его строили в XIV–XV вв. Конечно, потом город перестраивали, достраивали, причем даже при

поверхностном взгляде видно, как с веками ухудшалось качество. И кирпичи всё рыхлее, и кладка не такая ровная, и швы всё шире. А по древней стене проведешь рукой — гладко. Видно, что трудились искусные зодчие, мастера-каменщики.

На какие деньги строили? Дело в том, что шаньсийцы всегда слыли умелыми торговцами, основной доход приносило снабжение армии — интендантство. Пинъяо находился на пути торговых караванов с юга на север, где шли войны с кочевыми племенами, не дававшими покоя пахарям великой равнины. Императорскому двору приходилось держать на границе гарнизоны, сохранять воинские заставы на Великой стене. Гарнизоны требовали питания, провианта, оружия. На интендантских поставках с юга и выросло богатство Пинъяо.

В городе царил культ коммерции, *цзинь-шан* / *jinshang*. Цзинь — древнее название Шаньси, *шан* — торговец, купец. Торговый шаньсийский дух. Местные объяснили мне, почему из Шаньси мало кто пошел по ученой линии. Объяснение построено на игре слов: «Из наших мало кто стал «цзиньши», потому что мы все «цзиньшан». «Цзиньши», как вы знаете, — высокая ученая степень, получаемая на императорских экзаменах. Шаньсийцы, словом, предпочитали торговлю учености.

Не случайно город прославился финансовой предприимчивостью. Здесь в 1823 году был основан первый в Китае банк, векселя которого имели хождение по всей стране. Они обеспечивались золотым и серебряным запасом, хранившимся в неприступных каменных кладовых крупнейшей финансовой компании *Жу-шэн-чан* / *Risheng chang*. К середине XIX в. в Китае насчитывалось больше 50 банков, из которых 43 находились в провинции Шаньси, а лучшие — в Пинъяо! Первый банк Китая славился честностью. У главы-основателя был принцип: родственники не должны участвовать в управлении. После первого директора банка этот пост занимали еще семь человек. У всех были разные фамилии. Дети и другие родственники владельцев могли лишь получать прибыль, не более того.

Проверку на честность проходили все работники банка. Местом испытания служил каменный коридор между тесно стоящими зданиями. Директор бросал монеты в темном проходе. Если новичок находил деньги и брал себе, его увольняли. Если не замечал монеты, увольняли тоже — невнимателен. Брали тех, кто находил и отдавал хозяину.

Над проемами между зданиями натягивались сетки с колокольчиками — предвестниками сегодняшней охранной сигнализации. Опять-

таки обыгрывая слова (с древности излюбленная забава китайцев), добровольные гиды мне объяснили, что «болтающиеся колокольчики» — *яо-яо-лин*, созвучны номеру вызова китайской полиции — 110 (*яо-яо-лин / yao yao ling*).

В стены банка между кирпичами были вмурованы монетки — символ богатства, они же служили и рекламой. «У нас деньги не пропадут!» Кстати, давать в газеты рекламу здесь начали еще в Цинскую эпоху, в Пинъяо даже есть «Газетный музей», в котором, правда, большую часть занимают почему-то издания времен «культурной революции» да экземпляры иностранной прессы тех же 60-х годов: пожелтевшие «Herald Tribune», «Financial Times», а также не менее желтая советская «Правда», номер от 23 апреля 1963 года с фотографией торжественного заседания, посвященного юбилею Ленина.

Но вернемся к деньгам. В Пинъяо от них никуда не деться, как, собственно и во всем Китае, но здесь — вдвойне. Накопленное торговлей и банками богатство надо было охранять, грузы и товары — сопровождать, ведь вокруг бушевали крестьянские восстания, буйствовали разбойники. В Пинъяо создали мощную охранную службу — *бяо-цзюй / biaoju*. В отличие от императорской, она защищала частных лиц, коммерсантов, торговцев, сопровождала перевозку товаров и денег. В ней состояли сотни охранников. В музее бяо-цзюй демонстрируются заповеди охранной службы в предельно доступной форме — в картинках. К примеру, нарисованы отдыхающие во внутреннем дворе девицы неприличного вида, а надпись предостерегает, мол, вот в таких домах охранникам останавливаться нельзя, ни-ни! Опасно! Завлекут и жизни лишат. А еще нельзя ночевать на постоянных дворах, которые держат подозрительные личности: на картинке за стеной дома, с виду богатого и гостеприимного, оскалившиеся головорезы точат ножи и ждут поживы.

Охрана получала неплохие деньги: при сопровождении груза и его продаже — 3–5% от суммы сделки, кроме того, отдельно оценивались каждые 1000 ли (нынешние 500 километров) — в 50 серебряных лянов, слитков серебра в форме лодочки, а если говорить о денежном эквиваленте, то один лян был тогда равен примерно 200 нынешним юаням.

Для вооруженного эскорта отбирались лучшие бойцы. В музее отображены биографии 10 выдающихся охранников, сопровождаемые картинками, показывающими героев во всей красе (прыжок, удар, замах). Они слыли мастерами кулачного боя *син-и / xing yi* (кулак сформированного намерения, по легендам, этот стиль создал легендарный Сунский полководец Юэ Фэй), а также *чан-цюань / chang quan* (длинный кулак), великолепно владели мечом и копьем, многие учились в из-

вестных школах ушу, в таких, как Шаолинь. К примеру, там проходил подготовку некий Ван Чжэн-цин (1801–1877). Уроженец Пинъяо, он торговал лапшой в столице, получил даже прозвище Князь лапши, а потом увлекся боевыми искусствами, обучался у наставников Шаолиньского монастыря и долгие годы служил в вооруженной охране Пинъяо, прославившись многочисленными успешными сопровождениями купцов и товаров по обеим берегам Хуанхэ.

Удальцы отличались даже в битвах с чужеземцами, к примеру, в 1900 году, когда отряды войск восьми западных держав во время восстания ихэтуаней дошли до Пекина. На одной из картинок отважный пинъяоский воин «борет» беловолосого бойца-длинноносика. За победу он получил награду чуть ли не от самой императрицы Цы-си. Удивляет «связь времен». Вроде бы происходило все это нереально давно, а посмотришь на даты, оказывается, что некоторые из охранников прославленной стражи дожили аж до какого-нибудь 1973 года, родившись, правда, тоже попозже других, в конце XIX в.

Связь тела и духа видна во дворе, где охранники занимались физподготовкой. Деревянное тулово с торчащими «руками», для отработки ударов, чугунные шары, копья, а на стенах вокруг крупные иероглифы: «преданность», *чжун / zhong*, и «верность», *и / yi*.

Ямынь.

Пыточный дворик за цветущим садом

В юности я зачитывался китайскими книжками. Таинственная чужая жизнь пугала и манила. Взять хотя бы «Рассказы Ляо Чжая о чудесах» Пу Сун-лина. Часто в китайских романах и повестях о средневековой жизни встречалось словечко «ямынь». Оно вызывало у меня мрачные ассоциации. Наверное, потому, что в книгах в ямынях чинили суд и расправу. И еще потому, что ассоциировалось с «ямой». Попасть в «ямынь», как в яму угодить, так примерно я думал.

А что это такое, увидел воочию много лет спустя в Пинъяо. В центре города сохранилась уездная управа, *сянь-я / xianya*, она же ямынь, *я-мэнь / yamen*. Теперь это музей, и он настолько же интересен, насколько серьезен и суров. Входишь в ворота, тебе объясняют: вот справа флигель, там собирали местные налоги, флигель слева — государственные. Вот там каменные амбары для зерна. Там проход для приема письменных челобитных. Еще сбоку от главных ворот в стене раньше имелась особая дверь, сразу за ней окно, проем которого скошен вниз так, что посетитель мог говорить, оставаясь невидимым: сидевший внутри чиновник принимал анонимные жалобы.

В центре ямыня находится большой зал, где глава управы вершил суд, наказывал, принимал чиновников, устраивал торжественные церемонии в честь императора, в честь Неба и Земли.

В наши дни для туристов в этом зале и на площадке перед ним устраивают показательные судебные процессы. Актеры — судья и секретарь суда — занимают места за столами, актеры — судебные приставы, как мы бы сказали сейчас, а тогда — судебные служители, выстраиваются в две шеренги, держа в руках длинные палки, заканчивающиеся лопастями. Похожи на весла. Как мне объяснили, лопасти не случайны. Провинившиеся, если были деньги, откупались, их лупцевали не ребром, а плоскостью, не так больно.

Вообще эта тема: если есть деньги, то в тюрьме тебе придется легче, — постоянно звучала в Пинъяевском ямыне.

На суд на наших глазах явился сын, которого обвинили в непочтительном обращении с отцом. Отец тоже предстал и выдвинул обвинение. Судья выслушал того и другого и вынес приговор: бить сына палками. Наказание было тут же исполнено, к удовольствию публики. Почти так же оно всё и было когда-то в Минскую эпоху.

Не все тогда отделялись батогами. На столе перед судьей в двух кувшинах стояли дощечки: с черным и красным верхом. Вынося приговор, он выбирал нужную и бросал их наземь. Черная означала — бить батогами, красная — голову с плеч. Таких тащили дальше, внутрь ямыня. Расправа была короткой. Но это для тех, кому уже был вынесен приговор.

Несчастливым, судьба которых еще не была решена, приходилось ох как тяжело. В ямыне-музее в специальном зале выставлены орудия пыток. Всем известна изобретательность и изощренность китайцев в делах, которые им хорошо знакомы. Они мастера мелких движений, мастера деталей. Знатоки физиологии, человеческих слабостей. Китайские пытки отточены за тысячелетия. На стене пыточного зала в Пинъяевском ямыне вешена таблица пыток и наказаний. Сравнительная, учебно-познавательная. Она классифицирует мучения, начиная с первобытно-общинного строя. Потом идут рабовладельческий, феодальный. Последующий период в таблице не освещен.

Но и того, что есть, достаточно. Мне попадались книги по истории китайских пыток. С иллюстрациями, подробными объяснениями, деталями. Я их пролистывал и старался поскорее забыть. А тут, в ямыне, никуда не денешься, посмотришь. Вот деревянная «скамья тигра», *лао-ху дэн / laohu deng*. На ней раскладывали тех, кого секли плетями. Вдобавок лили на раны кипящее масло, а потом еще поливали раствором соли. Преступников (или подозреваемых) сажали в котел

с кипящим маслом, четвертовали (фотографии документальные!), клали на деревянные щиты, утыканые острыми гвоздями. Для женщин особая пытка — деревянный «осел», хребет которого усажен железными колючками. Это, объяснили мне, для жен, которые убили своих благоверных.

На отдельной витрине пыточные орудия. Вот щипцы с чашечками, вроде как мороженое зачерпывать — для «казни тысячи кусочков». На самом деле кусочков, которые можно отхватить от живого тела, намного больше. А именно — 3700, как мне с готовностью объяснила девушка-экскурсовод. Сама пытка, если жертва была, к несчастью, живучей и выносливой, длилась «три дня и три ночи».

А это что за булавы? Палки с наконечниками по концам, одно размером с грецкий орех, другое — с тыквочку. Оказывается, это китайские батоги «золотая тыква» («цзинь гуа»). Давших тюремщикам взятку щадили и били «грецким орехом», остальных гвоздили «тыквой» по голове и другим частям тела. Признаюсь, на следующий день в одной из антикварных лавок старого Пинъяо я сгоряча купил две старые, потрескавшиеся «золотые тыквы», сделанные затейливо, с резьбой и узорами. Поостыв, забросил на балкон: вдруг ими кого-то били? А выбросить совсем — жалко, антиквариат, однако.

Следующий номер программы: пытки с применением огня. Железные башмаки раскаляли на огне и надевали на ноги преступнику. Тут и железные клейма для лба, щек.

Далее следуют инструменты для кастрации. И наглядные примеры — фотографии промежности, вернее, гладкого места. Этой пытке подвергали как мужчин, так и женщин.

Деревянная клетка для перевозки заключенных. Голову просовывали в проем между деревянными палками наверху. Коротышка повисал на них, высокому приходилось сгибаться в три погибели. И опять — у кого были деньги, подкупал служителей суда, и под ноги ему или подкладывали камни — вот они, эти камни, или, наоборот, раздвигали нижние планки — для высоких.

Не успели мы перевести дух, выйдя из пыточного дворика, как попали в тюрьму. Они имелись в каждом ямыне. Ну, тюрьма она и есть тюрьма. Нам объяснили: преступники могли купить себе комфортное, относительно, конечно, пребывание в тюрьме. Что это значило? Значило камеру с окном и теплым каном — каменной лежанкой, которая изнутри обогревалась идущим от печки воздуховодом. Бедняки сидели в холодном каменном мешке без окон и свежего воздуха.

За что сидели? Часто за длинный язык. Крамольные речи вели в темницу. Недаром иероглиф тюрьма — юй / уи состоит из трех частей:

в центре знак «речь», а по бокам два иероглифа «собака». Вылетело слово, не поймает, вот и сиди теперь под охраной псов.

Мне в ямыне стало жутковато. Богатое воображение причиной, или холод раннего марта в стылых стенах пробрал до костей, но хотелось бежать из этого мрака куда глаза глядят. Мы побежали — и сразу оказались в раю: в дворике, где пруд с беседкой был окружен сливами и персиками. Деревья еще голые, но наверняка цвели весной и украшали зеленью летом. За ними высилась резиденция правителя уезда. Он не отказывал себе в роскоши, судя по богатству построек. Ну как же, за день намаешься, устанавливая законы, надобно и отдохнуть. Вот, правда, жен уездных начальников сюда, в ямынь, не допускали, такие правила. Но их можно обойти, а кроме того, есть еще одна резиденция, сразу за стенами.

Чиновники не только неплохо обеспечивались материально, но и духовно окормлялись, причем весьма своеобразно: поклоняясь довольно странному святому, вернее, святой. В ямыне между оружейных палат, налоговых и регистрационных контор затерялся храм Священной лисы, *ху-сянь / hu xian*. В Китае всегда были сильны местные верования, которые конфуцианство считало ересью. Но страх перед духами пересиливал. Считалось, что фея-лиса охраняла казенную чиновничью печать *гуань-инь*. Бюрократы почитали длиннохвостую покровительницу, дарили подношения, возжигали благовония. Ведь не дай бог потеряется казенная печать: не сносить тогда головы после брошенной наземь красной судебной дощечки.

Бродя по ямыню, я вспоминал талантливые детективы голландского китаевода Роберта ван Гулика, в которых он, основываясь на китайских судебных историях, красочно описывал средневековые городки и слуг закона, которые чинили правосудие как раз в таких вот местах...

Надежные каменные постройки древнего города практичные местные власти используют «в воспитательных целях» и сейчас: мне удивительно было видеть в одном из уголков города-музея Пиньяо колючую проволоку на гребне старой стены. Как оказалось, ею огорожена колония для малолетних преступников, примерно на тысячу человек, которых свозят со всей провинции. Стены-то прочные.

Советы начинающим китаеводам: Не стесняйтесь ходить взявшись за руки

В Китае подружки часто гуляют взявшись за руки. В этом нет ничего необычного. Не ищите какого-то иного смысла, кроме дружеского. Таким образом, если вы, будучи начинающей китаи-

сткой, приехали в Китай и, гуляя по нему, вдруг поняли, что гуляете взявшись за руки с юной или не очень китайской русисткой, да и просто девушкой, не теряйтесь. Не торопитесь вырывать руку, смущаться и краснеть. Вас не поймут. Ходите себе и ходите. Но если по какой-то причине не хотите вот так вот ходить, то придумайте отмазку. Например, жарко, ладошка потеет. Или что вы левша, и вам неудобно ходить вот так: рука об руку (впрочем, эта отмазка мне самому кажется нелепой, но вы иностранка, вам полагается быть немного смешной, нелепой и трогательной, вроде плюшевой игрушки). В общем, придумать можно много чего. Если вам в самом деле не нравится так ходить, конечно.

Цзиндэчжэнь — там делают фарфор

В этом городке хорошо вспоминать старину. Воспоминания о ней начинаются еще в Пекине, в месте старта. Потому что рейсы в *Цзиндэчжэнь* / *Jingdezhen* отправляются со старого аэродрома Южный парк, *Наньюань* / *Nanyuan* на юге столицы, некогда военного, некогда важного, встречавшего и провожавшего государственные делегации, а теперь устаревшего, обветшавшего, сохранившего некую армейскую патриархальность. Ее берегут почтенные тополя на улице, ведущей к Наньюаню через кварталы, где когда-то жили военные. И сейчас некая строгость читается в глазах старушек, провожающих тебя взглядом со стоянки машин у здания аэропорта. Оно небольшое, оформился, сдал чемодан — и выходишь с другой стороны дома прямо на летное поле. По краю бегают собаки. Пассажиры россыпью бредут по аэродромным плитам к ожидающему Боингу 737.

Часа три лета — и ты уже на юге, в провинции *Цзянси* / *Jiangxi*, в столице фарфора. Тебе сразу дают понять, где находишься: только здесь можно видеть придорожные фонари в характерных бело-синих фарфоровых «чехлах». Город Цзиндэчжэнь и при желании не назовешь процветающим. Дни яркой фарфоровой славы прошли. Это понимаешь, когда напрашиваешься на одну из фарфоровых фабрик, посмотреть процесс, но увы — после обеда в субботу она уже не работает, нет заказов.

Тогда — в музей, к старым печам. Там и посмотрим, как выпекают знаменитые вазы, чаши, тарелки и прочие сервизы. В тихом пригороде раскинулся Музей дворцовой керамики и фарфора (*Gong ting taoci chenlie guan*). Здесь и мастерские, и старые печи, и выставочные залы с шедеврами древнего ремесла. Вернее, искусства. Иначе как чудом не назовешь процесс превращения глины в изящный предмет, объект

любования и восхищения. Мастера под навесами месят глину, вертят круг, вытягивают белесые мягкие чашки и тарелки. Потом — печь. Сейчас, конечно, все современное. Старую печь здесь разжигают раз в год, для гостей, это большое событие.

Больше всего меня удивили не секреты мастерства, а горы черепков вокруг мастерских. Это в самом деле горы, поросшие травой, деревьями. Они выше самих мастерских. Посмотришь — и сразу понятно, сколько труда нужно, сколько неудач претерпеть, чтобы сделать наконец желаемое.

Цзиньдэчжэньцы гордятся своей историей. Они утверждают даже, что слово China своим происхождением обязано их городу. Почему? Примерно с середины первого тысячелетия нашей эры фарфор вывозился за пределы Китая. Цзиндэчжэнь тогда назывался *Чанънань* / *Changnan*. За границей, где фарфор пользовался большим спросом, имя города стали воспринимать как название страны и произносили уже как China. В английском языке слово china означает фарфор, чайный сервиз. (Впрочем, строгие историки с этим не согласны, они утверждают, что все было наоборот — сначала от первой империи *Цинь* / *Qin* произошло название China, а потом уже и фарфор стали так именовать.)

А где же купить там фарфор, спросите вы? Можно на фабрике, можно в магазине при музее. Можно заглянуть на центральную площадь, обойти *Рынок керамики и фарфора*, с названием *Чанли* — *Changli taoci da shichang*. Не торопитесь, повыбирайте. Стоит того. В массе изделий, в том числе и весьма невысокого качества, можно отыскать жемчужины, которые прославили Цзиндэчжэнь: вазы с изящным рисунком, чайные сервизы, расписанные истинными художниками. Мне повезло купить статуэтки трех божеств — Счастья, Карьеры и Долголетия, *Саньсин* / *Sanxing*; эта троица святых старцев часто встречается в китайских магазинах фарфора. По уровню мастерства цзиндэчжэньские святые на голову превосходили всех остальных, виденных мною до этого. Да и после таких не встречал. А цена была вполне разумная. Единственная проблема, которая беспокоила: как доставить хрупкий груз, потому что мы ехали дальше, не в Пекин. Но решилось все просто — продавцы обязались отправить покупки по назначению, причем за совсем малые деньги. Всё дошло, кстати, без проблем.

Былая слава Цзиндэчжэня слегка померкла, профессионалов всё меньше, не слишком прибыльное сейчас это дело. Но государство поддерживает, обучает новых мастеров. В любом случае торговая марка «Цзиндэчжэнь» по-прежнему в цене, и любителям фарфора не помешает «припасть к истокам».

Храм в песках

Представьте себе гряды песчаных барханов. Песок занес скалы, в которых вырублены обширные полости. В пещерах статуи буддийских богов, фрески. Это *Дуньхуан / Dunhuang*, пещерный храм, который называют также *Могаоку / Mogaoqi*. Было известно, что первые монахи облюбовали этот оазис на Шелковом пути, на границе пустынь Гоби и Такла-Макан, еще в IV в. Всего там насчитывалось около тысячи пещер-храмов. Монастырь дремал долгие столетия, не привлекая особого внимания.

Но в 1900 году произошло событие, которое потрясло всех исследователей китайской истории. Даосский монах во время уборки обнаружил замурованный клад — собранные и спрятанные в Танскую эпоху рукописи, свитки, музыкальные инструменты, живописные полотна, всего несколько десятков тысяч ценнейших свидетельств древности. Дальнейшая история изучения библиотеки Дуньхуана описана замечательным китаеведом Наилем Ахметшиным, путешественником, исследователем Тибета и истории Шелкового пути, в книге «Поднебесная — судьба моя», вышедшей уже после его безвременной смерти в Пекине в 2008 году. Он называет происходящее дальше, вплоть до 20-х годов прошлого века, «сумасшедшей гонкой за сокровищами», в которой приняли участие англичане, французы, русские, американцы, пока, наконец, китайские власти не ввели меры по охране своего наследия. Однако многие буддийские каноны, редкие рукописи, картины оказались в западных музеях.

Храм производит сильное впечатление. Статуи нависают над вами, создавая ощущение беспомощности, стены украшены рисунками райской жизни и адских мук. Но красоты все-таки больше. Чудесные птицы, сказочные львы, красавицы, играющие на лютнях и танцующие в платьях с длинными развевающимися рукавами, — эти образы Дуньхуана вдохновляют сегодня китайских художников и артистов. В смутные исторические времена храм сильно пострадал. До нашего времени сохранилось около половины пещерных залов, часть из них открыта для посетителей. К сожалению, мы видели на стенах и русские надписи. Кто их оставил? Н. Ахметшин пишет, что в гражданскую войну там нашел приют отряд белогвардейцев. Они полгода жили в пещерах, жгли костры, и, увы, не ценя красоту, калечили статуи, вырезали на стенах свои имена. Не одни они приложили руку, американские «археологи» в те же 20-е годы снимали фрески со стен, используя специальный химический состав. В настоящее время в КНР находится около трети найденных сто с лишним лет назад сокровищ. Иногда они экспонируются в столице.

Если вы добрались до Дуньхуана, то вам прямой путь чуть подальше — на одну из западных застав Шелкового пути — Нефритовые врата, *Юймэньгуань / Yumenguan*. Она напоминает четырехугольный «кулич», вылепленный из глины, величиной с трехэтажный дом. Когда-то через нее шли караваны с шелком и фарфором, и обратно в Китай — с товарами западных стран.

Еще час-полтора езды по прекрасному шоссе по пустыне, кое-где покрытой черным песком, — и вы попадаете в фантастический мир Дьявольского города — *Могуй-чэн / Mogui cheng*, который называется также *Ядань / Yadan*. Это калька тюркского слова ярданг, которое означает вытянутые гряды, сформированные ветровой эрозией. По-китайски же название можно перевести как Изящное красное / киноварное. На закате эти глиняные «дома», «столбы», «слоны» и «черепахи» высотой до тридцати метров приобретают красноватый оттенок и напоминают ряды руин заброшенного города. Красиво и страшно. Оживляют местность живущие в подземном доме, глубокой землянке с перекрытием из досок, торговцы «каменными розами» пустыни — сросшимися пластинчатыми кристаллами гипса, образующими розетку с заостренными «лепестками». Китайские кинематографисты снимают в Городе дьявола сцены фантастических и сказочных фильмов. Но долго в нем задерживаться не хочется.

70 километров красоты, или Горы-воды Гуйлиня

Я мечтал побывать там, как только начал учить китайский. В институтской библиотеке попал в руки альбом фотографий: верблюжьи горбы гор в тумане, извилистая река, плоты на ней, зеленые террасы рисовых полей на склонах, буйволы, бредущие через отмель. Когда прилетел туда в первый раз и вечером вышел из аэропорта, словно вернулся в юность, в Сингапур, где когда-то вместе с однокурсниками учил китайский: такая же «парилка» — сгустившаяся влажная духота, запахи трав и фруктов, блестящая сочная зелень и лупцующий по листьям теплый дождь.

Это место знакомо и вам. Здесь, в пещере на склоне горы, обращенном к реке, находит пристанище Отшельник Сун, когда устает от мирской суеты.

Он выбрал его потому, что здесь самые красивые реки и горы Китая. Конечно, если придраться, найдутся реки пошире и побыстрее, а горы — повыше и покруче. Но именно на этом пятачке земли осознаешь во всей полноте и объемности смысл словосочетания *горы-*

воды, *шань-шуй* / *shan shui*, которое переводится стандартно и безлико — «пейзаж». «Гуйлиньские горы-воды — первые в Поднебесной», — говорят в Китае.

Мягкость горных силуэтов, умиротворяющий покой ухоженной людьми земли, необъятность неба, петляющая между склонов река — все это поместилось в сравнительно небольшом районе между городом *Гуйлинь* / *Guilin* и уездным центром *Яншо* / *Yangshuo*, на северо-востоке Гуанси-Чжуанского автономного района на юге Китая.

Гуйлинь — Коричный лес. В глубь земли под городом уходит Пещера тростниковой флейты, совершенно поразительной красоты. Но наверху лучше. Скорее на воду — в 70-километровое путешествие вниз по Прекрасной реке — *Лицзян* / *Lijiang*, до городка с названием Солнечный рассвет, Яншо.

Когда плывешь по реке, кажется, паришь между небом и землей. На реке никого, только проплывет лодка, с которой хозяин отправляет на ловлю рыбы длинноклювых черных бакланов, больше для развлечения туристов, чем для пропитания, да застынет в броске стоящий по колено в воде рыбак, старающийся накрыть рыбью стаю накидной сетью... Несколько часов сплошной, неподдельной красоты. Китайцы, будучи прагматиками, поместили ее на 20-юаневую банкноту. Некоторые ищут соответствие — и находят. Другие ждут прибытия в Яншо — городок, где главная улица давно стала международной, горящей огнями, веселой, пестрой, зажатой с обеих сторон десятками баров, ресторанов и кафе, где до утра гуляет туристический народ.

Утром народ отправляется в горы и поля, кто на велосипеде, кто на машине, кто пешком. Каждого ждут свои открытия. Мы наткнулись на древний водовод, стоящий на каменных столбах. Потом вслед за буйволами шли босиком по речному перекаату, вперед, к горам, к деревушке, где нас ждали... «Гуйлиньские горы-воды — первые в Китае, Яншоские горы-воды — первые в Гуйлине», — так тоже говорят здесь. И это правда.

Загадочные иероглифы на мосту в Сучжоу

Как-то раз автор плыл по каналу в городе Сучжоу на кораблике, который можно назвать джонкой. Особенно если перед этим выпить немало доброго шаосинского вина. Которое, как известно, снижает порог критичности до минимального и придает миру объемность.

Так вот, плыли мы веселой компанией: Отшельник Сун, конечно, Сеня, а также Мишка и Андрюшка. Ну, вам их представлять не надо. Всё равно рано или поздно узнаете, если уже не узнали.

— По-моему, похоже на портвейн, — сказал мало знакомый с Китаем заезжий Мишка. Это он про шаосинское. Стоит ли удивляться: до этого Мишка предлагал пить это вино из горла и с трудом согласился на бумажные стаканчики.

— Шаосинское вино помогает при простуде, — сказал прекрасно знакомый с Китаем местный старожил Андрей. То есть Андрюшка. Он влился в коллектив, несмотря на сильную простуду. И теперь повторял вот эту вот фразу через пятый бумажный стаканчик на шестой. То есть уже несколько раз.

Сеня и Мудрец Сун молчали. Что тут говорить, когда на душе радость. Ты плывешь по каналу, пьешь вино со старыми друзьями. Теплый апрельский вечер. По берегам бегут цветущие розовые персиковые рощи.

И тут — чу! — я заметил на арке моста, под которым мы только что проплыли, столбик иероглифов. А дело в том, что иероглифы мог видеть только я, потому что сидел против хода лодки. И вот мы проплываем мост, я вижу эти иероглифы, красивые, четкие. И даже понимаю шесть-семь из них. А всего их штук десять.

Но что они означают? Название моста? Признание в любви? Если так — то чье и кому? Или это призыв? Обещание?

Словом, эти иероглифы на мосту стали еще одной загадкой Китая, которую мы можем разгадать вместе с вами. А можем и не разгадывать. Да, лучше не разгадывать. А просто вспоминать загадочные иероглифы. Светлый каменный арочный мост. Желтый канал. Друзей. И шаосинское вино, которое здорово помогает при простуде.